

опустошитель
[иверсия курутылы]

#6
демократия

Журнал "Опустошитель"

#6. Демократия

Москва, март 2012

188 страниц

Редакционная коллегия:

Вадим Климов

Маргарита Кривченко

Москва. Самое начало весны и труда. Испорченный март 2012 года. Шестой Опустошитель, обрушивающийся на самое беззащитное – свободу иллюзий. Рене Генон, Антонен Арто, Бертран Блие, Алексей Лапшин, Шарлотта Бурилли и впервые на страницах Андрей Король. Все наши авторы тянутся к избирательной урне, чтобы... чтобы посредством нее дотянуться и до твоего горла, бесстрашный читатель.

В оформлении использован рисунок Бронислава Войцеха Линке.

Дизайн обложки - Corpse Mal.

Номер издан при поддержке Александра Донова (<http://nokunst.com>).

ISSN 2219-5424

Опустошитель, 2012
<http://pustoshit.com>

журнал

Опустошитель

#6. Демократия

Антонен Арто
Бертран Блие
Шарлотта Бурилли
Рене Генон
Валерия Кабис
Вадим Климов
Андрей Король
Маргарита Кривченко
Станислав Курашев
Алексей Лапшин

Москва
март 2012

Вступление

Демократия... Выборы... Всеобщее тайное голосование...

Скука и усталость массовой экзальтации и отупения. Эмоциональное расстройство. Опустошение.

Люди, превращающиеся в придатки избирательной системы, арифметические единицы безликого царства количества.

Поколение, привыкшее выбирать. Даже в тех случаях, когда выбирать приходится между идентичным. Coca-cola или Pepsi-cola. Путин или Зюганов. "Опустошитель" или "Le dévastateur".

Чарующий абсурд... Имбецилу с паспортом, едва удерживающему ложку правильным концом ко рту, начинает казаться, что он участвует в управлении государством при помощи галочек в бюллетенях.

Люди, лишённые судьбы. Вместо жизни теперь они проживают череду формальных выборов. Одежды, сотовых телефонов, супругов, музыки, автомобилей, депутатов, внешности, друзей, еды, лекарств, мебели...

Инверсия, перетасовка ценностей, выхолощенное присутствие.

Косметика L'Oréal, вы этого достойны, Heineken, McDonalds, Mercedes, Николя Саркози, антивирус Касперского, Путин, презервативы Durex, Жириновский, Барак Обама, нижняя плата парламента, всегда Coca-cola, Билайн, новости Первого канала...

Унифицированные до избирателей зрители перед ежесекундным выбором. Реальность шипит на поверхности и испаряется как пузырьки Schweppes. Остается сплошная виртуальность, где каждый сам выбирает свою судьбу в соответствии с тотальной логикой спектакля.

Ни шагу в сторону. Круглосуточная реклама, где стиральный порошок отличим от кандидата в президенты разве что набором стилистических клише. Регрессия, деградация и полное интеллектуальное обнищание масс.

Москва. Самое начало весны и труда. Испорченный март 2012 года. Шестой Опустошитель, обрушивающийся на самое незащищенное – свободу иллюзий. Рене Генон, Антонен Арто, Бертран Бليه, Алексей Лапшин, Шарлотта Бурилли и впервые на страницах Андрей Король. Все наши авторы тянутся к избирательной урне, чтобы...

...чтобы посредством нее дотянуться и до твоего горла, бесстрашный читатель.

МИКРО

Нарезка avisual

Тест

У Вас большие оттопыренные уши. Какой пункт вы выберете?

- А.** Пункт А.
- Б.** Пункт Б.
- В.** Пункт А.

Жизнь студентов

Жизнь студента нелегка. Приходится каждый день пропадать в университете, и даже каждое утро, а иногда и вечер. Но ночью университеты закрывают - приходят сторожа с огромными ключами и всех разгоняют, говорят: "Ну-ка, проваливайте отсюда, ночь скоро, ноябрьская ночь." И все нехотя расходятся, потупив взоры. Но случается так, что некоторые студенты не доживают до вечера и умирают от переутомления и голода еще днем. Тогда сторожа берут их трупы и скидывают в реку, а потом до утра читают их конспекты и громко смеются.

Новости московского метро

В Московском Метрополитене на станции «Третьяковская» произошел конфликт между сотрудниками милиции, осуществлявшими задержание неизвестного нарушителя, и пассажирами, в результате чего временно был перекрыт один из выходов со станции.

По словам очевидцев, молодой человек находился между вагонами электропоезда, на сцепке. Увидевшие это сотрудники ми-

лиции решили задержать его. Молодой человек сопротивлялся задержанию, в процессе которого даже потерял часть протеза ноги. Милиционерам удалось надеть на него наручники. Сразу после этого милиционеров окружили пассажиры, и, снимая происходящее на видеокамеры мобильных телефонов, стали требовать показать удостоверения. Сотрудники милиции отказались предоставить служебные удостоверения перед камерами.

Из письма от 14 марта 1918 года

Нужно запретить Антонову называть себя Антоновым-Овсенко. Он должен называться просто тов. Овсенко.

Зависть

Вообразите: один мультимиллионер из Лос-Анджелеса ежедневно получает газету, которую ему приносит скромный почтальон. Неожиданно почтальон перестает появляться. Миллионер спрашивает своего слугу «Что случилось?» Тот отвечает, что почтальон выиграл в лотерее десять тысяч долларов и больше не работает. Тогда мультимиллионер начинает страшно завидовать почтальону. Он завидует так, что даже желает ему смерти.

Старухи

Сегодня утром, у нашего многострадального подъезда, разговор двух старух на прекрасном литературном языке времен Чаадаева.

Первая старуха, разглядывая чьи-то отвратительные фекалии:

- Опять кто-то ночью у подъезда нагадил...

Вторая (неожиданно):

- Так ведь это вы, наверное, Марья Сергеевна, сделали?

Первая (спокойно):

- Ну почему обязательно я?.. Да вот хотя бы (поискав глазами)... да хотя бы (завидев меня)... хотя бы вот этот клоун...

Вторая:

Простите, молодой человек. Это не вы, случайно, сделали?

Я (как обычно, по-немецки):

- I don't understand what you say, girls...

Старухи (за моей спиной):

- Он что, жопой разговаривает?... Понаехали, б...ь, узбеки...

И последнее, уже на выходе за пределы слышимости их слабых голосов:

- Так, может быть, это все-таки вы, Марья Сергеевна, сделали?

Случай в метро

Хочу рассказать историю из моей жизни. Однажды я ехал в метро и на одной станции входит толстенький парень лет 27-30, встает у противоположной двери и начинает петь, причем очень одухотворенно, я смотрю на это зрелище и несколько раз повторяю:

- Браво! Браво! Браво!

После этого слышу негодующую старушку, сидевшую рядом, она причитала:

- Вот бестолочь, напился и хулиганичит! - говорила она этому парню.

Потом повернулась ко мне и закричала:

- А тебе, сука-ты, я топором голову отрублю...

Математик

Математика я встретил в метро – узнал его сразу по длинному пальто и черной широкополой шляпе. Математик был задумчив и бледен как воск.

Мы шли к выходу и вели обычную светскую беседу. Математик рассказывал мне, почему не может ездить на автомобиле – что он все время боится на кого-то наехать и задавить.

Мы подошли к ступенькам, к выходу.

- В сущности, это страшно. – вдруг тихо заговорил математик, наклонившись ко мне совсем близко (на меня упала тень шляпы), - я ведь их мысленно. Мысленно давлю. Страшно ездить

микро

даже с кем-то... Вот недавно меня везли.. Меня вез мой друг. А я мысленно наехал человек на пять.

Человек на пять.

Серце на подоконнике

У мужчины было слишком горячее сердце. Поэтому каждый раз перед сном мужчина доставал сердце, клал в банку с холодной водой и убирал на подоконник, чтобы дать сердцу отдохнуть. Пока сердце прохлаждалось, мужчина пил алкоголь и курил сигары. А потом засыпал.

Однажды утром мужчина забыл вставить сердце и отправился на работу без него. Когда он спохватился, был уже вечер. Мужчина вернулся домой, прошел в комнату и обнаружил сердце лежащим на полу. Оно было сильно испорчено, не билось и походило на кусок серого мяса. Тогда мужчина взял сердце, сполоснул под краном и сварил из него суп, а в банку с водой из-под сердца запустил двух аквариумных рыбок, купленных в магазине за углом. Теперь мужчина мог спать утром на полчаса дольше, не отвлекаясь на установку сердца, а возвращаясь вечером с работы, подолгу наблюдал за рыбками.

В Москве орудует банда репетиторов, которые грабят людей под видом подготовки к экзаменам.

Маленький Путин

Поймали маленького Путина.

Путин кричит "Охрана! Помогите!"

Потом видит, что охрана отсутствует
и начал раскаиваться:

"Простите меня, я больше не буду, не буду Путиным!"

Пять старух лежали на дороге

Пять старух в мороз лежали на дороге.
Неожиданно одна старуха примерзла к асфальту.
Ее отодрали ломами и позвонили доктору.
Доктор сказал, чтобы старухи больше не лежали на дороге.

Четыре старухи в мороз лежали на дороге.
Неожиданно одна старуха примерзла к асфальту.
Ее отодрали ломами и позвонили доктору.
Доктор сказал, чтобы старухи больше не лежали на дороге.

Три старухи в мороз лежали на дороге.
Неожиданно одна старуха примерзла к асфальту.
Ее отодрали ломами и позвонили доктору.
Доктор сказал, чтобы старухи больше не лежали на дороге.

Две старухи в мороз лежали на дороге.
Неожиданно одна старуха примерзла к асфальту.
Ее отодрали ломами и позвонили доктору.
Доктор сказал, чтобы старухи больше не лежали на дороге.

Одна старуха в мороз лежала на дороге.
Неожиданно одна старуха примерзла к асфальту.
Ее отодрали ломами и позвонили доктору.
Доктор сказал, чтобы старухи больше не лежали на дороге.

Объявление в доме престарелых

Уважаемые жильцы!
Собираясь в столовую, не забывайте очки и зубы.

Использованы тексты Дмитрия Аверенкова, Павла Бабакова, Луиса Бунюэля, Вадима Климова, Станислава Курашева, Владимира Ленина, Дмитрия Пименова, а также ряда неизвестных авторов.

Валерия Кабис

У Слонов Большие Уши

Всю свою долгую и нелегкую жизнь Виктор Сергеевич Нишкин ненавидел зеркала. Впрочем, как и любые другие предметы, поверхность которых способна отражать или хуже того - искажать находящиеся поблизости с ними вещи. Он никогда не знал волшебного блеска елочных игрушек, его воротило от кристальных озер, он даже брился на ощупь и очень жалел о невозможности предоставить своей лицевой растительности полную свободу произрастания. Аккуратная борода требует постоянного ухода, а это отнимает даже больше сил и внимания, чем ежедневное и ужасно нудное скобление своего подбородка. Виктор Сергеевич боялся. Ему противно и страшно было попадать в зону отражения зеркал, ибо голова его была украшена нестерпимо смешными даже для него самого ушами. С самого раннего детства эти несуразно выведенные наружу органы слуха привлекали людские взгляды и вызывали нескромную улыбку даже у совсем пасмурных личностей. В детском саду, в школе и в институте над ним нещадно смеялись, о его ушах слагались анекдоты и даже писались стихи. Близкие люди в причинах любых его неудач видели уши, знакомые музыканты постоянно интересовались влиянием такой необычной их формы и размеров на восприятие звука, а один инженер приставал даже с наглой просьбой позволить снять с ушей чертежи. Он надевал теплую шапку и всюду расхаживал в ней чуть только с деревьев слетал первый пожелтевший листок, а оголял свои уши только с приходом настоящего, безразличного и безжалостного к его страшной беде тепла летнего времени. Для девушек он всегда был всего лишь ходячим источником смеха и с этой, природой навязанной ролью, он даже против обратных своих стараний справлялся получше любого специально обученного клоуна. Он был не глуп и даже умнее прочих, но вся его жизнь фатально наладилась. Она пролетела в чужих смешках, в обиде и одиночестве.

Однажды он ходил в зоопарк. Общество зверей подарило ему на несколько недолгих часов спокойствие, о каком он и не смел мечтать, находясь по ту сторону ограждений. Только глупые обезьяны из-за решетки вольера строили ему мерзкие рожи, но он достойно их проучил, швырнув в самую наглую кожурой банана. Около огороженной глубоким рвом поляны, на которой умиротворенно гуляло семейство слонов он почувствовал какое-то сладкое томление и что-то очень теплое и родное. Он вцепился в решетку и в онемении глядел сквозь стальные ромбики, отделявшие его от своих родичей. Гиганты будто тоже потянулись к нему навстречу, своими чувствительными носами и безмолвно говорили: "да, он один из нас, только он очень маленький". Они смотрели друг на друга и не могли наговориться, но это впервые случившееся за долгие годы единение с живым существом бесцеремонно прервала уборщица, сказавшая, что с такими ушами и в зоопарк не нужно ходить и вообще: "показ окончен, давай-ка на выход".

Никишин умчался к себе и спрятал свою голову под большую подушку. Он долго и бесслезно плакал, а когда заснул, ему снилось, что он пасется на африканских просторах в своем родном стаде и ему хорошо и спокойно.

Так и пролетела вся его жизнь в чужом и враждебном ему стаде.

Его всегда влекла математика, он жил миром формул и схем. Одно время он даже подумывал о серьезной научной работе, но вдохновения и сил так в себе и не нашел. Влачил свое одинокое существование в старой квартире, довольствовался крохами и дорабатывал свои пред пенсионные годы в каком-то ПТУ, преподавая глупым бездарям математику. Его и здесь норовили больно ранить, не коллеги преподаватели, так ученики. Выработать душевную черствость и смириться с насмешками он так и не смог. Все так же, как и в далеком детстве он стоял перед доской с указкой и мелом и руки его обидно потели, когда он чувствовал спиной, как потешается класс над его огромными ушами, тонкими ломтиками розовой ветчины просвечивающими густую сетку прожилок. Подонки-, думал Виктор Сергеевич и всегда надеялся отомстить хотя бы раз в жизни хотя бы одному из них за все перенесенные им бесчисленные страдания. Ученики потешались над ним и не желали постигать математику, выкрикивали оскорбле-

ния и рисовали на партах и последних листах своих тетрадей обидные рисунки, а к его фотографии на стенде с лучшими преподавателями ПТУ подрисовали фломастером совсем уж небывалые уши. Особой забавой для них было во время ответа перед доской вставить фразу: "у слона большие уши", что безумно злило Никишина и доводило до бешенства. Глупые подростки в порядке правопреемства передавали вновь поступающим ученикам багаж обидных оскорблений и даже на самом первом занятии всегда находился недоумок, во время знакомства как бы случайно и вскользь говоривший про слонов и их большие уши.

Неимоверная злость и усталость заполнила все Никишинское существо и он страстно мечтал уйти из этой жизни, дабы поскорее переродиться и жить другой, долгой, счастливой и беззлойной жизнью настоящего африканского слона...

...однажды Виктор Сергеевич все же дождался покоя и вышел на пенсию. Жил своей одинокой и чудной жизнью, занимался математикой и читал про слонов. С людьми он почти не общался, утихли наконец и насмешки. На него будто бы даже снизошло успокоение и он уже почти совсем ощущал себя слоном: питался исключительно бананами и видел свое располневшее тело уже сильно похожим на серые глыбы тел его исполинских родственников. Теплым вечером он как-то вышел в парк на прогулку и очень долго любовался густой зеленью листвы и неопишуемым душевным спокойствием. Он уже возвращался домой с авоськой свежих бананов, как вдруг услышал детские голоса рядом с игровой площадкой. Малыши,-подумал Никишин и почему-то улыбнулся. Теперь они казались какими-то неопасными и совсем не злыми. Все так же улыбаясь внезапно открывшейся возможности жить без насмешек, он прошел через площадку и доживал бы свои дни в счастливом спокойствии, кабы уши его не уловили голосок совсем крохотной девочки: уши, да, у слонов большие уши - говорила она светловолосому мальчику и показывала на себе насколько большие у слонов уши. Виктор Сергеевич побледнел, у него закрипели зубы от внезапно захватившей его нечеловеческой злости, на губах выступила пена, он бросил бананы и побежал к песочнице, в которой маленькая девочка рассказывала светловолосому мальчику уже о чем-то совсем другом. Одной рукой он толкнул мальчика, а другой схватил за волосы девочку. "Ах ты гадина, мерзкая сволочь, тварь!",- почти визжал

Никишин, тыкая девочку лицом в песок. "Утоплю в песке, сволочь!"- орал математик впечатывая в песочную кучу кукольное тельце девочки. Дети бросились врассыпную, ревя и созывая взрослых, а озверевший Никишин продолжал бить ребенка, намазывая волосы поудобней на кулак и с силой тыкая носом и зубами малышку в деревянные бортики песочницы. Девочка хрипела и задыхалась в песке, а Никишин все рвал локоны ее волос и своим грузным телом сжимал ее крохотную грудь, выдавливая из легких последние глотки воздуха. В лучах заходящего солнца его уши мерзко светились, а с уголков губ стекала серая скользкая пена. Она смешивалась с кровью и слезами девочки и капала на песок. Вскоре прибежали взрослые, оттащили старика от ребенка и обездвигили. Слетевшиеся зеваки растоптали божественные бананы и плотным кольцом обступили вырывающегося и безумного Никишина. На шум подоспел толстый милиционер, первым делом схватившийся за свою дубинку. Он орал на толпу и требовал отдать старика правосудию, но толпа его плохо слушала и норовила учинить самосуд. Наконец милиционер навел порядок и людская страсть поутихла, затих и Никишин.

"Ты что устроил, старый?"- очень громко закричал потеющий лбом, щеками и вообще всем своим телом толстый милиционер. "Чего молчишь? Отвечай!" - требовали люди.

Виктор Сергеевич оглядел собравшихся, моргнул пару раз, словно толпа была наваждением и как-то жалобно, по-старчески прохрипел: "а пусть она свой язык поганый за зубами держит,- и зачем-то добавил- потная мразь".

"Потная мразь?", "потная мразь ты сказал?!" - заверещал побагровевший страж порядка. Он выхватил дубинку и стал вкладывая в удары всю свою мощь бить старика.

Народ расступился и тупо смотрел на происходящее, а милиционер обрушивал на Никишина все новые удары и в безумном гнев кричал: "Ах ты гадина, мерзкая сволочь, тварь!". Наконец он схватил старика за одежду и поволок куда-то в кусты, наказав всем остальным расходиться по домам. Люди пожимали плечами расходились в разные стороны, а из-за кустов еще долго доносились звуки ударов и слова: "Потная мразь?", "гадина, мерзкая сволочь, тварь!". Очень скоро Виктор Сергеевич Никишин обрел настоящее освобождение от всего брэнного и тусклым лучом понесся к небу, а взмокший милиционер заливал все во-

проза

круг ручьями своего пота и продолжал месить старое рыхлое тело...

Кстати, в новой жизни Никишин не стал слоном. Он снова прожил ее человеком. Человеком с неестественно большим и очень смешным носом...

Первый Снег

Сегодня ночью падал снег. По двору ходил какой-то бродяга и кричал, что ему тяжело, и что очень давит его к земле снег. Очень слышался его голос в ночной тишине, мешая заснуть и насладиться отсутствием. Хотелось даже привстать и разглядеть силуэт негодяя, чтобы при встрече в обычном дневном освещении, узнать его и посильнее ударить. Человек, впрочем, вскоре стал голосить более сдавленно, будто из-под огромного ватного одеяла. А потом и вовсе затих.

Утром пришлось пойти в полицию сна, нужно было сдать декларацию о сновидениях. Не хотелось, чтобы они пришли ко мне сами. У большой железной двери подъезда действительно валялся раздавленный человек. Какая-то сила смяла его и уменьшила против естественных размеров, будто был он человеком от рождения карликового роста, а еще и жизнью весьма подавлен и обесформлен.

Дворник почему-то обходил лежащее тело, обметая метлой выщербленный асфальт и насвистывая какой-то марш. Ночного снега нигде не было видно. Совсем рядом какая-то недавняя мать вывезла на самодельной тележке ребенка, просовывая под тряпье ржавую консервную банку с растаявшим снегом. Дитя давилось ледяной водой и что-то мычало, а мать, довольная, подставляла стальному небу лицо и беззубо улыбалась. Спешила насладиться недолгим материнством. Дворник приволок какой-то ветхий ящик и небрежно переложил в него раздавленной тело. Мамаша заглянула в деревянное нутро и зачем-то сунула ржавую банку. Дворник деловито крикнул и ногами стал толкать ящик в дальний конец двора. Пока он, словно поломанный механизм, совершающий движения, в не предусмотренных конструкторами направлениях, продвигался с ящиком в глубь двора, малыш в телеге успел подрасти и даже состарился. Мать обхватила голову руками и

раскачивалась над ним, сидящим в своей телеге, и смотрящим на нее уставшими глазами древнего старика. Когда она очнулась, то увидела, что ребенок ее совсем дряхл и немощен, и вздохов ему осталось совсем мало. Внезапно она потеряла к нему интерес, и бросилась догонять дворника. Поравнялась с ним, сказала, что уж оплакала своего первенца, а дворник все так же участливо крикнул. Старичок в тележке тем временем затих и превратился в ничто.

Знаю я эту женщину. Она каждое утро рождает нового первенца, а незадолго до обеда оплакивает его, отошедшего в смерть глубокого старца. От частой смены жизни и смерти она иногда путает привычный порядок своей жизни и ревет над младенцем, а над мертвым старцем хохочет и лицом тянется с благодарностью к небу. Двор наш трансформируется постоянно. Никогда не определишь наперед, из какой двери выйдешь завтра и в какую гадость по неведению влипнешь. То в пустоту выведет лестница, то в многолюдное топанье ног, то в какой-то скользкий туман, а то в комнату, из которой секунду назад и ушел. Скамейки во дворе ежечасно переставляются, деревья вырастают и сгнивают с быстротой молнии. Земля, и та больше похожа на гладь реки, постоянно меняет свою поверхность, выталкивая наружу желтый песок, который как масляные пятна по воде, расплзается на черном жире пластилинового торфа, и снова исчезает, обращаясь в рассыпанную землю, которая спустя несколько мгновений делается мерзлой и крепкой как камень, а еще через миг гулко хлопает влагой и как резина, упруго дышит сама собой. Только дворник в нашем дворе стабилен. Он неизменно с метлой и как бы не менялся окружающий мир, он всегда уверен в движениях и удивление неведомо его восприятию жизни. В полиции сна было очень много людей, все они галдели, махали руками, топали и спорили с кем-то, кого никто кроме них не видел, выпучив глаза и прислушиваясь, а некоторые просто тихо сидели, привалившись к стене, наполовину ввалившись в кабинеты, и оставив в коридоре только несуразный свой зад. Кого-то схватив за пиджаки тащили безликие полицейские, кто-то счастливый танцевал на подоконнике, а одна старушка рисовала на стене огромное яйцо, из которого вот-вот должна была пробиться новая жизнь. Меня вызвали ближе к вечеру. Угрюмый полицейский потребовал у меня отчеты о снах за последние шесть месяцев. Пролистав их

бегло и пометив что-то в своей записной книжке, он удовлетворенно кивнул. Сунул дневник для ведения записей о снах на последующее полугодие, и потерял меня из виду. Я вышел на улицу, которая выглядела совсем иначе, чем в начале дня. Видимо, здесь тоже пространство многократно изменяется и только вывеска на фасаде здания всегда остается неизменной. Когда оглянулся, то увидел на задней стороне дома пляску каких-то теней, огни и неразличимые звуки. Это, наверное, вырывались наружу, через казенные стены, сны, стекая зыбкими призрачными струйками с пожелтевших формуляров и отчетов о снах, упрятанных в полицейские архивы. В общем, обычное дело. Я спешил в свой дом. Мне нужно было скорее укрыться подальше от людских глаз, которые не должны были знать о том, что я вскоре увижу. Миновал устало застывшего с метлой дворника, проскрипев по невесте когда успевшему выпасть фиолетовому снегу, поднялся на свой этаж, заперся в комнате, и прилег на кровать. Мне не терпелось нырнуть в сон, раствориться в пространстве и увидеть то запретное, за что в полиции сна меня немедленно расстреляли бы. Ведь мне открывалось то, что не привидится в страшном бреду даже самому умалишенному человеку. Мне снился двор. Мой двор, который был таким же как и наяву, за исключением главного - в нем был порядок! В нем все было упорядочено и менялось по дробящим разум своей стабильностью законам. Там не было ничего случайного и необъяснимого, там все происходило по установленному раз и навсегда распорядку. Даже во сне я чувствовал холодный пот на лице и спине, онемевшие руки и ноги. Я знал каждую секунду этого сна. Вот сейчас я выйду из годами не изменявшегося подъезда, пройду по зеленой травке к асфальтовой дорожке, уже слыша издалека звонкий смех маленькой девочки. Подойдя к которой я с ужасом увижу в ее крохотных пальцах полупрозрачный мелок, которым она весело и упрямо выведет на черном асфальте: $2+2=4$! От шока и страха я немедленно проснусь, с застывшим в горле криком. За окном будет идти тяжелый снег, а где-то наверху, в предродовых схватках, хвататься за живот седая женщина..

Двойное материнство

Все началось с того, что какой-то сумасшедший старик напугал находящуюся на последней стадии беременности мать Геннадия и она с перепугу выстрелила неказистый кусок сырого мяса прямо посреди тротуара. Кусок был синевато-розового цвета, со сморщенными конечностями и покрытой полупрозрачным пухом головой. Когда мать увидела сына, она испугалась еще больше, ибо едва рожденных детей до сих пор ей видеть не доводилось. Народ сбежался помогать оформлять случившееся, многие разглядывали распластавшуюся мамашу. Кто-то кончиком ботинка тыкал сморщенного младенца, проверяя присутствие жизни. Когда прибыл врач, стихийный сход зевак уже примерял младенцу имя и спор сошелся на двух вариантах. Толстый мужчина с видом чиновника приказывал назвать ребенка Николаем, а напористая старуха доказывала, что лучше всего подойдет имя Варвара. Народ растерянно наблюдал перебранку двух нарекателей, а между тем освоившийся за пределами материнского живота Геннадий принялся плакать и кричать. Доктор протиснулся в круг зевак и нащупал пульс ослабшей женщины. Малыша он пристроил к бессыдно оголенному соску, и принялся оформлять родившую. Толпа почуяла, что зрелище подходит к финалу и неодобрительно загудела. В качестве компенсации в ее внимание попал тот самый сумасшедший старик. Он деловито подошел к родившей, оголил вторую грудь и принялся мять ее словно виноградную гроздь, бесстыдно ухватив сосок старыми губами. Женщина засопротивлялась и поспешила отторгнуть сосущего ее безумца, но доктор велел ей успокоиться и даже сам отхлебнул немного грудного сока. Пока толпа решала как отнестись к увиденному, старик улегся у живота женщины и уснул. Мамашу вместе с ребенком было решено отправить в больницу, туда же отвели и старика, то ли по причине того, что не хотелось пожилого человека будить, то ли в силу уверений врача о том, что мужчина не меньше нуждается в помощи доктора по психическим заболеваниям. Встретили мамашу в приемной заботливо. Переложили на старую каталку, просунули подмышку градусник, велели показать язык. Женщина рот открыла, а вместе с ней оголили нутро старик и маленький Геннадий. Всех троих было предписано разместить в палате, регулярно наблюдая за состоянием здоровья.

Старик по документам проходил близнецом Геннадия. Врачей не смутил ни его возраст и слишком испорченный вид, ни большое количество морщин, ни даже неприятный старческий запах. Все были убеждены, что новоявленная мать родила близнецов, и что всем троим нужен уют и покой. Мать отказывалась принимать старика за своего отпрыска. Говорила, что это какой-то сумасшедший проходимец прилепился к ее груди и если его не оградить от младенца, то он его сожрет ближайшей ночью. Старик пускал слюни, сучил мозолистыми ногами и все прикладывался к опустевшему с непривычки соску. На вечернем осмотре главврач отметил удовлетворительное состояние двух пациентов, погладил мамашу по голове, потеревил не без удовольствия соски, глянул на старика. Тот показался ему вполне бодрым крепышом, уже освоившемся в новой жизни. А вот второй малыш был слаб и тих, он смежив веки посапывал в материнском тепле и доктор, потыкав его градусником, высказал сомнение в пригодности младенца к нормальной жизни. Было велено перевести ребенка в отдельную палату под особенный лечебный надзор. Мать отдавать сына не хотела, даже укусила в плечо медицинскую сестру, но Геннадия отлучили от кормилицы и унесли в холодную темноту. Старик остался на ночь вместе в женщиной. Он пристроился в податливом молодом тепле и несколько раз будил отстраненную мать визгливым криком. Он требовал подать ему сосок для наполнения дряхлого тела соком молодости. Если мать засыпала и не слышала его визга, он гадко щипался и толкал ее в бок. Под утро в палату вкатился тот самый главврач и сообщил мамаше, что ее потомство ополовинелось вдвое. То есть, один малыш погиб, но зато находится в полном здравии другой. Повидаться с Геннадием матери не разрешили, сказав, что от волнения может скиснуть молоко и тогда беда захлестнет и второго ребенка. Мать озиралась вокруг и пыталась увидеть другого ребенка, но кроме безумного старика никого не замечала. Проходимец тем временем устраивал скандал и всячески пытался выставить мать неумехой и просто плохой женщиной. Врачи качали головами и заставляли мать не упрямиться своему природному долгу. Старик остервенело сосал груди и требовал защиты от материнского бездушия. Через неделю мать и старика выписали. Выдали на руки документы о рождении сына и смерти второго ребенка, сунули в карман пальто половинку апельсина и прикрыли входную дверь.

Старик поплелся за находящейся под гипнозом матерью, пару раз пытался взобраться ей на руки, но был слишком велик для ее хрупких плечей. Так и прожили мать и старик несколько лет друг возле друга. Старик паразитировал на женской беде и прикидывался крепнувшим младенцем, а женщина была не в состоянии уже припомнить, кого и сколько она родила в тот далекий день. Со временем она поверила, что сумасшедший старик - это ее взрослеющий сын. И все было хорошо в ее жизни, даже изредка ощущалось счастье. Но только две вещи не давали ей покоя: справка о смерти второго сына (был ли этот второй сын?) и странный блеск своих глаз в зеркальном отражении. Такой же взгляд был у сморщенного старика, испугавшего ее перед рождением своего первого. Сына?

Предпраздничное малодушие

Иван Артемьевич повесился. Родные обнаружили это при- скорбное событие с утра и немного обозлились. Только лишенный сострадания человек мог совершить такую несправедливость накануне праздников и лишить домочадцев подарков. Первой увидела труп хромая бабка - родительница жены покойника. Старушка проковыляла на кухню, желая подкрепить размякшие кости каким-нибудь продуктом, но уткнулась в брюхо повисшего Ивана. Мгновенно осознав важность происшедшего, старуха харкнула и громко выругалась. Потом ткнула зятя в живот корявым пальцем и стала созывать остальных членов семьи. Приволоклись дети и беззубая собака, затем появилась растрепанная жена самоубийцы. Нимало не смутившись, дети стали весело раскачивать застывшее под потолком тело, а пес принюхивался к ногам бывшего хозяина. Внезапно спустившееся горе всех застало врасплох, отчего достойно выразить свои соображения никто не смог. Старуха все пыталась пробраться к продуктам, дети по-прежнему желали играть, а супружница Ивана Артемьевича обняла повисшего мужа и попыталась его оживить уговорами. Когда стало понятно, что отец семейства больше нежив всерьез, стали думать, как обойтись с телом. Заказывать гроб было нудно и дорого. Жена как представила предстоящие похороны в мороз и по пояс в сугробах, так сразу обозлилась на бывшего спутника

жизни. Подлости супруга не было оправдания, он специально подстроил семье такую пакость на праздники. А теперь вот он висит и нагло улыбается перекошенным ртом и даже глаза чуть приоткрыты в удовольствии от содеянного. Бедная жена должна добывать ему гроб и хлопотать о похоронах, в то время как он витает по кухне и наслаждается сотворенным горем. Стыда у него отродясь не имелось - подытожила бабка, утолившая голод вчерашним салатом. Иван Артемьевич и при жизни не пользовался одобрением бабки, а после смерти и вовсе сделался похожим на хлам. Старуха полагала, что тело следует вынести на улицу и повременить с погребением некоторый срок. Возможно, стоит сдать труп в медицину, чтобы доктора повозились с ним, а заодно подержали громоздкое тело у себя до конца праздников. Жаль посудиться с ним нельзя, огорчилась старушка, можно было бы содрать с него сумму за причиненный душевный гнет. А теперь разве что дырявые носки да линялые штаны с него можно содрать, от которых практической пользы нету. По набранному номеру сообщили, что медицина сохранением трупов не занимается. Сказали, что интересуются только живыми больными, а мертвых привозить запрещено. Напоследок сказали, что если труп все же оживет, то тогда можно будет попробовать его пристроить на койку, но только после праздников. Сейчас все врачи заняты и когда протрезвеют - не известно. Старуха между тем уже суетилась у плиты, ловко подныривая под висельника и согревая сковородки. Пока дочь возилась, выясняя у врачей про возможность пристроить на сохранение мужа, старуха обнаружила, что масло в хозяйстве закончилось. Идти в магазин не хотелось, поэтому в проворной головке появилась идея вытопить жир из зятя. Припустив штанину с Ивана Артемьевича, она ловко полоснула ножом жирный зад. Кусок отхватился отменный, можно сказать избыточный. Вернув штанину на место, бабка измельчила прослойку жира и продолжила готовить обед. Остатки швырнула псу, который втянул их в свою беззубую пасть и почему-то захрюкал.

Дети между тем избрали отца целью для стрельбы из игрушечных пистолетов. Каждый хотел доказать свое превосходство и ловкость, поэтому старались целиться в брюхо или в лоб.

Мать гоняла их, но они умудрялись совершать налеты и выстрелы, разящие неподвижную цель. Ликование от прямого по-

падания в круглый живот было очень громким. Вскоре дети затихли, но как выяснилось, это все по причине того, что по новой их задумке, они решили подпалить отцу ноготь на ноге, а это требовало концентрации.

К вечеру вся семья нарядилась подобающе событию и усеялась за столом, справлять праздник. Болтающегося отца немножко сдвинули, чтобы он не загораживал центр кухни. Его даже нарядили, словно елку, разными украшениями, мишурой и блестящими елочными игрушками. Так он смотрелся значительно веселее, не было столько угрюмости в распухом лице и бесформенной шее. Семья решила, что праздник кончина отца не испортит, поэтому нужно провести этот вечер раздольно и весело. Так и случилось. И только бабка немного грустила, косясь на повисший сбоку труп. Она была мудрее и прекрасно понимала, что праздник совсем скоро кончится и уже завтра придется пристраивать Ивана Артемьевича поближе к земле. А зима нынче выдалась суровая. Сильно хлопотно это. Не по-справедливому. Жизнь ужасно несправедливая штука..

Фарфоровый траур

Днем столкнулась лицом к лицу с девушкой в черном платье. В руках у нее была старомодная сумка, в которой пищали цыплята с отрезанными лапками. Девушка принялась увлеченно рассказывать мне, как восхитительны мучения едва вылупившихся цыплят и насколько любопытно отсекал острыми ножницами полноту народившейся жизни, превращая ее в искромсанную посылку смерти. Некоторым цыплятам она отрезала лапки посередине, умиляясь их нелепым попыткам встать на тоненькие обрубки, другим отсекала конечности полностью. Когда странное увлечение девушки меня утомило, я предложила ей пришить отрезанные лапы обратно и прекратить наслаждаться однообразием. В ответ она уверила меня, что выберет самого несчастного цыпленка и пришьет ему сразу все отрезанные лапки. Немного подумав, девушка сообщила, что желает пришить к своему телу всех искалеченных цыплят и носить их в качестве траурного венка, пока разложение не приведет в упадок изысканное украшение и не затронет болезнью тело девушки. Ослепленная новым жела-

нием, девушка захлопнула сумку с орущими цыплятами, и за-спешила в швейную лавку.

В большом траурном зале скопилось множество людей, которые под ярким софитом огней танцевали медленный танец и радовались смерти. Ушел из жизни кто-то настолько малозначительный, что каждый посчитал своим долгом проводить покойника в смерть ритуальным танцем. Среди танцоров было много женщин и мужчин с фарфоровыми ногами. Они переминались словно циркули с места на место и постукивали как огромные шахматные ферзи, перемещаемые невидимой рукой по пространству зала. Слегка приглядевшись, я заметила, что бледные лица людей также выполнены из фарфора. На месте глаз были черные дырки из которых струился полупрозрачный дымок. По углам на роскошных диванах сидела фарфоровая девочка и смотрела на взрослых. Она была настолько красива, что я не удержалась и провела языком по ее лакированной щеке. Холодный камень обжег язык, а зубы наткнулись на хрупкую поверхность, которая отслоилась, словно штукатурка, обнажив под собой розоватое мясо. Девочка засмеялась каменным смехом и стала вытаскивать из щеки сочную плоть, такую же воздушную, как сахарная вата. Она намотала мясо на палочку и подала мне. Под фарфоровой поверхностью лица осталась пустота, которая составляла существо девочки. Внезапно из толпы танцоров выступила женщина, на шее которой был намотан шарф из огромного шевелящегося коровьего языка. Это была мать фарфоровой девочки. Она сообщила мне, что сегодня перешел в смерть ее муж и поэтому ее дочь теперь сирота. Я сказала, что девочка не сирота, ведь у нее есть мать, но женщина отмахнулась от меня и снова ушла танцевать. Очень скоро все танцоры истерли свои фарфоровые ноги в белый порошок и рассыпались, превратившись в пыль. Какие-то черные люди сметали белый песок в ведра и уносили из зала. Когда в зале осталась только я и маленькая девочка, свет погас и в темноте я чувствовала каменное объятие детских рук и слышала похожий на ветер шепот. Девочка называла меня мамой и жалась фарфоровым тельцем к животу..

Inner pilgrimage

Маргарита вела странную жизнь. С детства она больше смотрела в себя, чем в окружающий мир и видела внутри тягучую трясику, время от времени исторгающую из душевных глубин подобие рвоты. Обитала Рита в унылой квартирке, заставленной ящиками с барахлом, приплывшим со времен ее бабки. Кроме нее в доме проживал subtilный мужчина, который себя считал Ритиным мужем. Сама же Рита хоть и допускала его до своего тела, но близким лицом не считала. Ей нравилась его бесильная ущербность, пустынная простота внутреннего мира и вечно потные ладони. Также в доме жила лысая кошка, которую Рита постоянно брила. Измученная постоянной простудой и зудом кожи, лысая кошка пребывала в постоянном полунаркозе. Рита регулярно ставила на ней опыты, разрезая брюхо и зашивая. Каждый раз она вскрывала скальпелем кошку в новых местах, разглядывала миниатюрные внутренности, трогала их и лизала, после чего штопала. Очумевшая от бесконечного наркоза кошка почти все время лежала в углу, мочилась под себя и пыталась лизать изрезанный живот. Иногда она бросалась на стену, вовлекаясь в галлюцинаторную явь или качала головой, будто проводя взглядом бесконечную ленту несуществующего конвейера. Едва в голове лысой кошки прояснялось, Рита подхватывала ее и несла на кухню, чтобы снова заглянуть в ее нутро. Так называемый муж Риты, особого интереса к ее странностям не проявлял, он вообще почти ничем не интересовался и жил подобно тонкой поганке, приросшей к покрытому мхом пню. Правда, случалось, что он внезапно оживлялся и начинал чудить. То заберется в шкаф и тихо плачет и скребется внутри, то вешает на полуживую кошку цепочку с золотым крестом, считая ее святой. Рите были безразличны эти странности, она лишь изредка лизала мужу ладони, собирая языком липкий пот, и чувствовала, как он стекает в живот и проникает в тягучее болотце души. Питался муж объедками, остававшимися от кошки, иногда пожирал ее фекалии и лизал под хвостом. Безумная кошка мутно смотрела на прилипшего к ней человека и ей казалось, что это хвост отделяется в отдельную личность. Спали супруги странно. Рита обычно заворачивалась в плед, который она соорудила из шерсти лысой кошки, а муж накрывался газеткой. Хорошо спалось ему только то-

гда, когда газетка была желтой от высохшей мочи кошки. Во сне он часто лизал соленое покрывало и мучился от жажды. Ему нравилось мучиться, так он представлял себя застрявшим при родах ребенком, который много лет не может выбраться из вагины. Сны Маргарите снились однотипные, наполненные мелкими болотными тварями, которые залезали ей на грудь и до утра сношались. Маргарита наблюдала за их совокуплением и тихие движения ее груди входили в такт потусторонней жизни, в которой одни твари порождали других и все друг друга пожирали и снова сношались. Под утро вся черная свора залезала Рите в рот и затихала до следующей ночи в болотных глубинах. Однажды кошка подохла. Не выдержав участвовавших операций, она с большим трудом забралась на окно и застыла, глядя своими стеклянными глазами во двор. Озадаченная смертью кошки, Рита лишилась своего привычного занятия и пробовала оперировать мужа. Тот не особенно возражал и тоже стремительно покрывался шрамами. В один из сеансов, когда хлипкое тело мужа лежало на кухне, Рита лишила его детородных органов и бросила их в пыльный угол. Очнувшийся муж равнодушно воспринял внезапную новость и сидел на табуретке до самого вечера, покачиваясь от наркоза и катая пальцем большой ноги грязный от пыли отрезанный орган. Со временем Рита лишила мужа ушей и глаз, отпилила одну руку и обе ноги. Водружая его на подставку, она обтирала изрубленное тело тряпками, а чтобы муж не скатывался, она натянула на него здоровенный разношенный чулок, отобранный у толстой бабы, и подвесила его к люстре. Похожий на зреющий внутри чулка творог, муж что-то бормотал и часто гадил. Иногда, впрочем, Рита сама сжимала обрубок руками и выдавливала из него дерьмо словно пасту из тюбика. Затем волокла чулок в ванну, где полоскала его и улыбалась торчащему из грязной сетки чумному глазу мужа и жадно дышащему искривленному рту. После этого Рита до новых сеансов почти не обращала на него внимания и все чаще застывала во внезапных местах, погруженная в глубь себя. Расплодившиеся там твари драли когтями ее грудь и лезли в живот. Бурлящая, словно муравейник, Рита чувствовала себя снеговиком, который таит от горячих желтых струй мочащейся на него стаи собак. Теряя свою личность, она механически мыла полы и кормила мужа. Когда тот жаловался на грубость пищи и выпавшие зубы, она клала пищу на подоконник,

чтобы мухи отложили в ней яйца и черви размесили подтухшее мясо. Вкладывая гнилые куски в рот умалишенного мужа, болтающегося в чулке под потолком, Рита гладила его голову и говорила, что червячки пожевали пищу и теперь ее можно легко глотать. Тот засасывал в себя зловонное пюре и просил добавить наркоза. Рита колола наркоз и тащила шевелящийся в сладком приходе обрубок тела на кухню, чтобы снова дать волю своим рукам. Тело рвало и гадило, облепленное отрыгнутыми червями, оно затихало в ярких снах и уже чесалось от грядущих разрезов. Все больше укорачивая туловище мужа, Рита пилила спящую плоть и думала о черном меде. Поднимаясь из глубины нутра, липкий мед заполнял ее глотку и лился из губ. Болотный привкус растекался по кухне, где в свете тусклой лампы Маргарита уже зашивала окончательно потерявшего форму мужа..

Станислав Курашев

Бойня в мексиканском магазине игрушек

После грустного подвала на Кировоградской, где Филидор работал бетономешалкой, он поднимался исключительно вверх по воображаемой лестнице жизненного успеха, беря во всем пример со своего младшего брата.

Брат его являл исключительный случай приспособляемости к любой жизненной ситуации, за маской добродушия и вежливости, которая всегда находилась на его лице, скрывался злой и отвратительный паук и об этом знал только Филидор.

Он начал карьеру со странной роли внебрачного сына бургомистра и потом каким-то образом ему удалось проникнуть в магистрат и там, в одном из кабинетов он прочно пустил корни, как какой-то ядовитый плющ, который отравляет любую траву, любой цветок, к которому прикасается.

Филидор очень многому научился у него, хотя у него дела шли не так хорошо как у брата, но все же неплохо.

Тот вечер, о котором я хочу рассказать, случился ровно за восемь лет до описываемых событий.

Филидор находился на работе, хотя было уже одиннадцать вечера и все остальные сослуживцы давно уже были дома, у спокойных телевизоров.

Филидор ждал окончания банкета, который длился уже четыре часа в банкетном зале по светлому поводу юбилея главного человека в этой части здания, с которым Филидор иногда сталкивался в курительной комнате и столовой.

Используя методику брата, Филидор держался с ним почти-тельно, но без подобострастия и всегда интеллигентно негромко смеялся его несмешным шуткам и грустным анекдотам.

Разрушительные последствия любого банкета в банкетном зале, всегда ликвидировали утренние уборщицы и этот временной промежуток в виде холодной ночи умелый и равнодушный человек мог употребить с пользой, потому что после окончания банкета, на столах - и Филидор знал это лучше чем кто-либо - оставалось много полезных и удобных вещей.

Для этих случаев у него был специальный рюкзак-холодильник, который Филидор сконструировал сам, там были отсеки с разными температурными режимами, для жидкой и твердой пищи, вакуумный контейнер для скоропортящихся продуктов и даже особые пустые бутылки с автоматическими крышками.

Он не был скупым или жадным, он просто исповедовал принцип тотальной экономии, тратил он очень мало и по возможности вообще предпочитал обходиться без трат.

У него не было какой-то конкретной цели, как, например, у его брата, который последовательно шел от одной дорогой вещи к другой, гораздо дороже, не забывая при этом о приятных мелочах, типа золотых запонок или трубки из очень светлого вереска, сделанной вручную слепым бельгийским мастером, нет, он просто любил деньги, не привязывая их к каким-либо вещам.

Ему нравилась экономия, в которой он видел созидание, ему нравилась бережливость, которая ему казалась признаком утонченной души.

В ожидании окончания банкета, он играл в свой любимый кристалл, на экране рабочего монитора.

Кристалл назывался «Властелин колец».

Из всех сотен карт, заключенных в кристалле, Филидор обычно выбирал ту, которая называлась «Смерть Боромира».

Она начиналась с ночного отдыха урук-хайев перед встречей с отрядом хранителей и заканчивалась ужасной смертью всех орков от копий, стрел и мечей всадников Рохана.

Он играл всегда за одного и того же персонажа этой карты – за Углука, начальника изенгардских орков.

Его не привлекали многочисленные силы добра, он видел какую-то истину в орках, в самом их существовании, ту истину, которая многообразна, но все-таки одна на свете, ту истину, которой он не находил в лживом сладкоголосии Галадриэль, в старческом слабоумии Гэндальфа, в коварстве и скрытности Фродо.

Ему нравился глуховатый орочий выговор, нехитрые шутки на привале, простая еда, горьковатый эль и самое главное - служение делу, которому действительно стоит служить.

Постепенно он сам начал немного походить на орка, вокруг, в обычной жизни, он видел многих, кто хотел бы быть Арагорном, мерзких шлюх, мнящих себя Арвен, множество мордорских орков, но ни одного своего изенгардского товарища, его брат более всего походил на Гриму Червослова и Филидор втайне его за это презирал.

Его мучило самое начало карты, в котором в принципе ничего не происходило, всё, что должно было произойти, произойдет позже и только Филидор в роли Углука знал об этом, а сейчас были только приготовления ко сну, приглушенные разговоры орков, разбившихся на небольшие группки у неярких костров и Филидор, глядя на эту спокойную картину, чувствовал как у него сжимается сердце от невозможности ничего изменить, создать другой конец, в котором была бы не только смерть.

Сколько раз он пытался изменить маршрут своего отряда, чтобы все-таки доставить пленников в Изенгард, но зажатый между двумя силами – Арагорном, вонючим эльфом и гномом с одной стороны и конницей Рохана с другой, он никак не мог найти выход, вдобавок очень мешали голод, безумная усталость от быстрого и бесконечного бега, нарастающая озлобленность внутри урук-хайев, и постоянные ссоры с Гриشناком, начальником отряда Багрового Ока, этой мордорской крысой, боящейся света, которого Угрук ненавидел чуть ли не больше чем полуросликов.

Сейчас он, в который уже раз, поставив кристалл на паузу, рассматривал сцену смерти Боромира, тот сидел, беспомощно привалившись к дереву, в его груди и правом бедре, находилось

проза

восемь черных коротких орочьих стрел, три из которых были выпущены лично Углуком и именно одна из стрел Углука, нанесла единственную смертельную рану, пробив левое легкое на границе с предсердием, все остальные раны ещё можно было бы излечить.

На опушке виднелись последние из стремительно исчезающих орков и Филидор пытался найти ту изначальную погрешность в векторе движения отряда, которую можно было бы исправить.

Вряд ли был бы смысл в более раннем нападении на хранителей, потому что момент раскола среди них, был, пожалуй, наиболее удобным моментом, следовательно, именно смерть Боромира была отправной точкой для размышлений.

Филидор включил режим наиболее медленного воспроизведения, периферическим слухом отмечая изменения в звуковой палитре банкетного зла, - Боромир очень медленно вдохнул воздух, на его губах пузырилась кровь, жить ему оставалось совсем недолго, над ним стоял Арагорн, пытаясь судорожно принять хоть одно решение, ещё не осознав полностью, что стеклянные обломки братства хранителей уже невозможно склеить заново.

Филидор прекрасно знал, о чем он думает, но его волновало другое.

Беда была в том, что Углук, даже соединенный с сущностью Филидора, не обладал абсолютной властью над орками, слишком много существовало приводящих обстоятельств, над которыми он не был властен.

Его тщательные раздумья прервало слабое постукивание по неплотно закрытой двери кабинета.

Да-да, пожалуйста, - механически произнес Филидор.

Дверь открылась полностью, в проеме стоял человек в пиджаке ярко-зеленого цвета, на остальных предметах одежды, Филидор решил не концентрироваться...

У нас тут банкет, вам наверное слышно, - немного виновато произнес он, он так ни разу и не посмотрел Филидору прямо в глаза, его взгляд бесцельно блуждал по комнате, - а я, видимо, заблудился в поисках туалетной комнаты...

Дальше, дальше по коридору, - пробормотал Филидор.

Человек поблагодарил, но почему-то не ушел, сделав незаметное движение, он оказался у стола с рабочими мониторами и Филицору пришлось все-таки обратить на него внимание.

Тот внимательно смотрел на карту, какими-то неприятными фасеточными глазами, словно у насекомого.

Цвет его глаз Филицор определить не смог.

Значит, ты – Углюк? – внезапно спросил он.

Ну да, - растерянно пробормотал Филицор, - но...

Но как я об этом догадался? – рассеянно улыбнулся человек, и дружелюбно пояснил, - Ну а кем ещё ты можешь быть – маленькое вонючее дермо...

Он продолжал тщательно вглядываться в карту, его губы и крылья носа неприятно шевелились, словно у дамы, недавно пристрастившейся к потреблению кокаина.

Значит так, - наконец вздохнул он, - перед тобой стоит четыре основных задачи – доставить этих маленьких ублюдков в Изенгард (Филицора поразили его слова – он сам всегда называл хоббитов именно так), уйти от преследования трех оставшихся членов братства, избежать встречи с рохиррирами и разобраться с этой тварью – Гришнаком.

Да, - сказал Филицор, - вы абсолютно правы, но я...

Это сейчас неважно, - перебил его человек в зеленом пиджаке, - это задача из области тригонометрии, дело в том, что ты воспринимаешь карту как четырехмерный куб, но нужно её воспринимать скорее как тессеракт, чтобы избежать искажений на краях карты, которые мешают правильно оценить обстановку, ты пользуешься гравитационной топографией, но здесь лучше применять принципы движения космических тел без заданной орбиты.

И человек провел странную, искаженную линию, ведущую от тела Боромира к Изенгарду.

Так лучше?

Не знаю, не знаю, - пробормотал Филицор, - надо подумать...

Ну хорошо, - без всякого перехода, продолжил человек, - представим обычную комнату в обычном доме, два человека играют в карты, ставки постоянные, одному из них как минимум каждые три раздачи приходит король или туз, или обе эти карты сразу, игра продолжается все темное время суток, кто из них выигрывает?

Филидор тускло молчал.

Упростим задачу, та же комната, те же и Геннадий, Геннадий одет в поношенный костюм портового рабочего и спит на диване, причем в этом городе нет ни моря, ни даже реки, связан ли Геннадий с двумя игроками какими-либо узами, и если связан, то какими?

А игроки какого пола? – спросил Филидор.

Одинакового, – сказал человек в зеленом пиджаке, – то есть мужчина и мужчина, или женщина и женщина.

И не дождавшись ответа, он сел в кресло по другую сторону стола, передвинув гибкую лампу ночного света, так чтобы лицо Филидора было ярко освещено, а его облик оставался бы вне светового пятна.

Человек в зеленом пиджаке вызывал у Филидора какое-то смутное беспокойство, он слишком быстро думал и слишком точно говорил.

Он сразу же нащупал основные болевые точки Филидора – подавленную агрессивность, в том числе и к самому себе, плюс проблемы позднего сексуального созревания.

Казалось, он наслаждается своим превосходством, своим умением играть множество ролей одновременно, он обращался то в младшего брата с его змеиной улыбкой, то в отца, так и не вернувшегося из полярной экспедиции, то в товарищей по выпускному классу, с которыми у Филидора было связано множество неприятных и постыдных воспоминаний.

Понимание он перевоплощал в презрение, а сочувствие у него удивительно легко обращалось в усмешку.

Он заставлял Филидора плакать и смеяться, в один из моментов, который ему запомнился очень хорошо, человек в зеленом пиджаке достал из кармана старенькую «Беретту» с какими-то неприятными пятнами на рукоятке и засунул дуло ему прямо в рот.

Страшно, Иуда? – тихо спросил его человек.

Филидор бессмысленно молчал, понимая бесполезность слов, тогда он нажал на курок, но выстрела не последовало, пистолет не был заряжен и у Филидора безумно зазвенело в голове от металлического соприкосновения курка с бойком.

Наконец банкетный зал опустел, и они оба – и Филидор и человек в зеленом пиджаке – жадно прислушивались к затихающим вдалеке шагам.

Я полагаю, что сказано достаточно, - наконец произнес человек, и достал из внутреннего кармана светящееся волокно бумаги.

Филидор подписал, не всматриваясь в детали параграфов, он только заметил, что соглашение было рассчитано на 49 лет с возможностью продления, и было датировано сегодняшним днем.

Мне надо наверное что-то сказать Лие, своей сестре, - проворчал Филидор, словно очнувшись от сна, - своим товарищам...

Так называемым? – улыбнулся человек, и он опять удивился настолько легкому проникновению в свои мысли.

Он спросил у него номер телефона и когда на том конце сказали «алло», Филидор испытал самый сильный, безумный шок в своей жизни, невыносимый шок нервных окончаний, хотя позже ему довелось пережить множество необычайных приключений – он был одним из тех немногих кто пережил ту страшную бойню в мексиканском магазине игрушек, он долгие месяцы находился в унижительном заключении, в подземной тюрьме на одном из островов Микронезии, он дрейфовал в голодном полубреду на полузатопленной яхте «Одинокая звезда» в Атлантическом океане, но то впечатление было самым сильным из всех в жизни, потому что человек заговорил его голосом – голосом Филидора, и это не было искусной имитацией, изящной пародией, нет, это был его подлинный голос – со всеми его пришепетываниями, покашливаниями и задыханиями, с еле заметным заиканием на начальной букве «н», с характерной глуховатой модуляцией звонких согласных, с его птичьими фальцетными окончаниями прилагательных, со всеми другими сотнями индивидуальных признаков.

Все в порядке, - сказал человек в зеленом пиджаке из индийского вельвета, закончив разговор, - я подожду внизу в машине, у северного выхода из здания.

Филидор остался один, он снова взглянул на кристалл монитора, да, пожалуй, этим вектором, проложенным человеком, можно было уйти от погони, можно было сохранить жизнь своим товарищам и доставить этих маленьких тварей в Изенгард.

Он невольно улыбнулся при мысли о том, что Саруман наверняка разрешил бы ему позабавиться с пленниками после того

как они уже будут не нужны, он много раз представлял себе, что и как и в какой последовательности он будет с ними делать.

У дерева, прислонившись к нему спиной, умирал Боромир, последние секунды жизни уходили из него, над ним стоял Арагорн, не зная что ему делать дальше, пытаясь осмыслить весь масштаб случившегося горя, неподалеку виднелся Леголас, также уже опоздавший.

Филидор ещё какое-то время всматривался в монитор, но потом словно стряхнув наваждение, вышел из кабинета, оставив не выключенным свет и даже не став запирать за собой дверь, потому что – и теперь он знал это совершенно точно – он никогда уже сюда больше не вернется.

4-5.09.06.

Маргарита Кривченко

Актеры

Что мне было делать? Они сидели в столовой и орали во всю мочь, перекрикивая друг друга, чтобы услышать голос своего собеседника. Голландцы, японцы, немцы, украинцы, финны, тайваньцы, французы. И другие. Их было около ста человек, они болтали на всех языках сразу, и пока они сидели здесь, мне нужно было выяснить их пол. Принадлежность к определенному полу. Вот список с именами. Вот участники. Кто из них женщина, а кто мужчина?

Ситуация совсем не простая. Дело происходит за завтраком на конференции современного театра. Все эти люди – актеры. Современная драма требует от них, чтобы они в любой момент могли сыграть что угодно: умирающего больного на полу в отделении Сбербанка, совокупляющихся пингвинов, кофейный столик королевы Елизаветы. Сыграть достоверно, неожиданно, свежо. Поэтому им ни на минуту нельзя расслабляться. Их жизнь – это дикая, безудержная постановка, непрерывная игра мгновенно меняющихся персонажей, импровизация всех ролей одновременно в декорациях столовой, гостиничного номера, футбольного поля, экскурсионного автобуса. Какие там женщины и мужчины

— они то и дело выскакивают из человеческого обличья. И тут же заскакивают обратно.

В столовой звенят кувшины с апельсиновым соком, вкусно пахнет поджаренным с корочкой беконом, крепким кофе и свежими тостами. Я бы позавтракала, но сначала надо сделать дело. Ясуши, Вим, Мааике, Джекки, Пайви, Мисако, Арнет, Мерви. Поначалу я полагалась на внешний вид, подходила, спрашивала, как зовут, а потом возле имени ставила «Ж» или «М». По внешним признакам и по наитию. Потом стало не так очевидно. Например, худое и вертлявое существо с крашеной в белое макушкой, в ярком пиджаке и с жесткой щетиной — по имени Женевьев. Щетина все испортила, иначе я с уверенностью бы определила существо как женщину. Спрашивать у Женевьев напрямую ее пол мне стыдно. Более того, я не знаю, как себя вести. Принять ли шуточный, развязный тон, которым они галдели между собой, или сделать строгое лицо официального работника? Оба варианта неприятны. Третьего я придумать не могла. Располневшая голландка в платье, покачивающая грудного ребенка. Толстый белорус в очках и рядом с ним бритый налысо, жестикулирующий. Двое с длинными волосами, абсолютно похожие на девушек, нога за ногу, светло-зеленые брючки, отставленный мизинец. Кто они — я ничего не могу сказать. Они дергаются, они чертовски похожи друг на друга. Я не успела поесть.

Время завтрака закончилось, театральная толпа разбежалась по репетиционным залам. Официанты уже собрали со столов тарелки. Повар на кухне сказал, что все кончилось. Завтрак кончился, и больше ничего не подадут. Обеды сложили в ведро и отдали собакам. Колбасы у них отродясь не водятся, колбасу здесь не подают. Кусок хлеба, может, и найдется, но неужели вы будете жевать один хлеб? Когда весь международный форум так сытно и вкусно позавтракал? Почему вы не сидели вместе со всеми, а бегали вокруг столов со своими бумагами? Сами виноваты. Идите в ресторан, там покормят за наличные.

Два розовощеких официанта сидели на подоконнике и улыбались. Похоже, они и вправду сожрали весь бекон. И тосты с мармеладом. На кухне остался лишь легкий запах канализации и влажного металла.

После сырого мрака кухни солнце на улице облило меня раскаленным светом, ближайшие дома побледнели как на пересве-

ченной пленке, листья окрасились светло-серым оттенком. На автобусной остановке лежал на лавочке бомж. Сизое и распухшее тело с въевшейся сизой и пухлой одеждой раскинулось на широкой лавке, правая рука свесилась. В ногах его сидела девушка – зеленые брючки, осветленные волосы, помада. Она называла бомжа папой.

- Отчего от тебя так воняет? Не просто воняет, а несет смрадом? Не мочой, не затвердевшим слоем пота, не грязным бельем. Гораздо хуже. Невозможно представить более мерзкого, вся гадость сразу. Тухлое яйцо, гальванические отходы, испражнение скунса, нашатырный спирт, ассенизация холерных бараков. Если бы запаха было меньше, я бы подумала, что ты гниешь заживо.

Бомж захрюкал мелким смешком в облезлую бороду. Он был доволен.

- Это, можно сказать, семейная тайна. Вот что я тебе скажу. В нашей семье все так пахнут, или воняют. И деды, и прадеды, и все женщины тоже. Пока молодой, запах почти не чувствуется. Но со временем все будет хуже и хуже. Ты немного подрастешь и тоже будешь вонять за версту. А потом за две версты. А потом тебе придется стать бомжом. Какие уж тут шутки. Это не шутки. Так и будет.

Я стояла на остановке и смотрела на парочку, не скрываясь. Им, видимо, это вполне нравилось. Бомж рыгнул, девушка отвернулась, пытаюсь найти хоть пару слов в ответ папе. У меня в желудке было так пусто, что голод превратился в отвращение. Я смотрела на парочку, ожидая продолжения разговора, но они лишь хлопали веками. И тут из-за боковой стенки остановки появился третий человек. Внезапно. Он не шел к нам по улице. Я не совсем уверена, но, по-моему, он давно стоял за перегородкой, прислушивался, а сейчас вдруг выскочил и подскочил к лавке.

- Позвольте узнать, где месье изволил провести ночь? – напал он на бомжа с яростным вопросом.

- В канаве, - лениво ответил бомж.

- В канаве?! Где?

- Там.

- И тебя не били?

- Били.. Не очень сильно.

Бомж отвечал машинально, тупо, нехотя, по принуждению какой-то неодолимой привычки. В то время как третий был резв,

третий интересовался, жестикулировал, едва не подпрыгивая на месте.

- Все те же?

- Те же. Не знаю.

Бомж, наконец, закрыл глаза.

- Послушай, эта пьеса давно устарела. Она проклята, как заезженная пластинка. Она никому не нужна, ее разжевали на все лады, ее извтертели и так, и сяк на всех подмостках, ее не станет играть даже школьный кружок. От нее несет замызганной старостью. Вот, кстати, мы тут с Валентином затронули интересную тему...

Но третий не хотел слушать. «Несет, несет... У нее изо рта, у него от ног,» - сказал он практически сам себе и побежал прочь.

Бомж крикнул и увидел меня. Он раскрыл глаза пошире.

- А вы, женщина, что тут стоите? Автобуса не будет. Вы организатор? Сходите лучше в магазин, купите что-нибудь. Я сегодня ничего не ел. Не завтракал. Я не ем бекона. Мяса, колбас – не ем. Я вегетарианец. Сходите лучше, купите орехов. Свежих развесных орехов. Можно еще немного водки. А то меня уже тошнит.

Я повернулась и пошла в жилой корпус.

И все же я здесь человек не совсем случайный – эта мысль утешала меня, как подавание нищенке, которое успокаивает ее страх выживания. Когда-то мне приходилось тоже играть на сцене. Это – небольшой и полузабытый эпизод моего прошлого, и все-таки я знаю, что такое театральное превращение. Хорошо сыграть это не значит «войти в роль». Нет никакого «вхождения в роль» – это всего лишь фигура речи, бессмысленная фраза для популистского объяснения необъяснимого. Актер может просто перестать существовать в самом театре, но перейти в условное измерение пьесы, как в кинематографическом приеме, когда два изображения наложены одно на другое и одно из них выделено более четко. Он существует сразу в двух параллельных мирах, колеблющихся друг относительно друга, не стабильных. Он в трансе, в раздробленности, и в то же время в восхитительной новой размерности своего пребывания, в мерцании противоречивых эмоций, где отсутствует всякий базис, всякая твердость, уверенность, где зыбкое «я» прыгает сквозь один вымышленный текст в другой, еще более нереальный.

Я как организатор вполне вписывалась в сценарий так называемой конференции, я представлялась себе носорогом Ионеско, скачущим по боковым улочкам провинциального города. Бессмысленным, как и другие, но обязательным персонажем спектакля, без которого абсурд действия не имел бы завершенного рисунка. И тем не менее вся эта чехарда утомила меня уже с самого утра. Хотелось прилечь где-нибудь в прохладе и закрыть глаза, чтобы снова не попасть «в ситуацию», не нарваться на очередную постановку. Я устала.

Жилое помещение представляло собой огромный прохладный зал. Параллельные перегородки делили его на множество небольших отсеков с широким проходом посередине. В таком прямоугольном отсеке находилось подобие лежанки – большое, пухлое ложе, прикрытое белоснежной бумажной простыней. Между ложем и соседней стенкой оставалось места только на узкий проход. В уголках аккуратно стояли разноцветные рюкзачки, на подоконниках лежало несколько косметичек и каких-то заколок, а в целом в помещении царила чистота, полумрак и аккуратность, пахло прелой травой. Я упала на одну из лежанок лицом вниз и закрыла глаза. Возможно, я мгновенно уснула, а может быть и нет, потому что тут же открылась дверь и вошел главный организатор.

- Вот ты где, - он сел у меня в ногах. - Как дела?

- Нормально.

- Как себя чувствуют участники?

- Прекрасно. Мы забыли про вегетарианцев. Вегетарианцы сегодня не завтракали.

- И что они делали?

- Ничего. Один из них лежал на улице в костюме бомжа. Сказал, чтобы я купила ему орехов.

- А ты?

- А я не купила. Я тоже не завтракала.

- Ладно, я что-нибудь придумаю. Следующая твоя задача – выявить вегетарианцев. Берешь список, подходишь к участнику и спрашиваешь, на какой он диете. Вот и все. А насчет завтрака ты не волнуйся. Перед обедом зайди на кухню и скажи повару, что я распорядился выдать тебе завтрак вместе с обедом.

Я лежала молча. Главный организатор посидел некоторое время рядом, потом ушел. Сказав, что у него еще много дел. На-

пример, сейчас ему нужно привести в порядок помойку возле корпуса, там слишком грязно.

Дверь за ним захлопнулась, у меня из глаз потекли слезы. Слезы стекали на бумажную простыню, тонкая, мягкая бумага тут же расплзлась. Я тронула ее рукой - в образовавшуюся дыру вылезла старая прелая солома. «Вот так конюшня!» - подумала я.

Я встала и вышла. Я пошла по улице. Солнце резало глаза. Я надела темные очки. На улице дети стояли в кружок и считались. Один из них чеканил смешную считалку. Когда считалка кончилась, его палец указал на самого маленького мальчика. Тот завыл: «Я уже пять раз водил, я не хочу больше!» Дети стали ему объяснять, что так выпало. Мальчик требовал, чтобы посчитались еще раз и выпало кому-нибудь другому. Я пошла дальше. Я увидела, как главный организатор собирает мусор вокруг помойного контейнера. Он работал в желтых перчатках. Возле вертелась какая-то собака. Я подошла к зданию, открыла дверь, вошла. Очутилась на балконе репетиционного зала. Вниз вела небольшая лестница. На сцене играли музыканты – гитарист, барабанщик, клавишник. Девушка в круглых очках пела песню. Волосы падали ей на лицо, но она как будто не замечала их. Она держала микрофон обеими руками и тянула гласные тонким нежным голосом:

- Imagine there's no heaven, It is easy if you try...

- Imagine all the people sharing all the world...

Может быть, это была не девушка, а кто-то еще.

Вадим Климов Шум и нерешительность

Три шезлонга с загорающими девушками, за которыми я наблюдаю, тоже лежа на шезлонге чуть в стороне. Девушки не замечают меня. Незнакомый человек появляется на балконе второго этажа. В руках полуметровая трубка, которую мужчина подносит ко рту и выстреливает короткой стрелой. Стрела вонзается в шею одной из девиц. Проходит несколько секунд, прежде чем девушка что-то замечает. Она не успевает выдернуть стрелу и теряет сознание. Человек с балкона стреляет в другую девушку. Затем в третью. Чуть повернув голову, я замечаю, что стрелков двое. Второй расположился на соседнем балконе и уже целится в меня. Мне удастся немного сдвинуться, поэтому стрела вонзается не совсем там, где планировал стрелок. Я успеваю вытащить ее прежде, чем подействует яд...

Затарахтело!

Наверху что-то затарахтело. Из-за этого шума я и проснулся. Опять старая песня, каждую ночь одно и то же. Взглянул на часы – без нескольких минут четыре. Ночь, переходящая в утро.

Наверху что-то ударило о пол. Судя по звуку металлические прутья. Завибрировали. Затем их потащили, скребя о бетонный пол. Слышимость... как будто все происходило в моей комнате.

Но в том-то и дело, что бряцали железом о бетон где-то наверху, а не у меня.

Пожалуй, я сейчас поднимусь к ним.

Я вылез из постели, оделся, немного поколебался в прихожей, уже готовый выйти. Кажется, прекратили, наступила тишина – и тут снова металлический язг, еще громче, чем раньше. Нет, не прекратили. Я выбрался в общий холл, прошел мимо лифта к лестнице и поднялся на один этаж.

Волновался... Довольно сильно волновался, представляя, как вжимаю кнопку звонка, долго удерживаю ее, наконец раздаются шаги и дверь открывается, не располагающий к общению мужлан молча смотрит на меня сверху вниз и...

Я обнаруживаю, что здесь нет звонка. Общая на четыре квартиры дверь – и ни одного звонка. Стучать можно хоть всю ночь – никто не услышит.

Ничего не поделаешь. Я спускаюсь обратно, окрыленный неудачей. словно студент, который долго волновался перед экзаменом, но преподаватель так быстро разоблачил его незнание, что студент не успел толком испугаться. Он выходит из аудитории довольный, что все так быстро разрешилось и, по крайней мере, сегодня студент абсолютно свободен. Он может делать все, что захочет.

В самом деле, я чувствовал эмоциональный подъем, настроение, хоть и ненамного, улучшилось. По крайней мере, совершил попытку, поднялся на один этаж...

Стоило вернуться в квартиру, как я снова услышал лязганье сверху. Чем же они там занимаются?!

Ремонт? Тренажер с железными блоками, бряцающими по полу? Или какая-то хитрая раскладная мебель, которую постоянно складывают и раскладывают с немыслимым шумом?

Может быть, стукнуть по батарее, чтобы немедленно прекратили? Но шум разнесется по всему дому... Меня возненавидят. Вернее, не меня: вряд ли поймут, кто это сделал. Но ведь и соседи сверху тоже не поймут, что удар по батарее обращался к ним.

Мешают ли они кому-то еще? Слышит их шум кто-нибудь, кроме меня?

И вот снова — словно кирпичом по голове. И сразу после скрежет вибрирующих прутьев о бетонную поверхность. Невероятно! Все это в четыре утра. Нашли время.

Несмотря на возбуждение, я все же разделся и лег. Надо взять себя в руки, успокоиться. Если вскакивать из-за каждого шороха...

Но тут опять... с жутким шумом обрушилась целая конструкция. Несколько центнеров железа. Я испугался, выдержит ли потолок. Тренажер что ли перевернулся? Или штангу бросили? Послышались приглушенные голоса. Мужской и... кажется, тоже мужской. Прислушался. О чем они говорят? Ни слова не разобрать.

Нет, второй голос все-таки женский. Хотя, какое это имеет значение.

Я вылез из кровати, но не стал одеваться. Прошел на кухню, решил съесть апельсин. Внутри оказалось так много косточек... Абсурдное количество косточек, которые я сначала складывал на

кожуру, но она оказалась слишком маленькой и косточки покатились на пол.

Легкое клацанье по плитке пола. А вдруг, подумал я, соседи подо мной тоже слышат клацанье косточек. Конструкция дома усиливает внутренние шумы, делая их невыносимыми. Кажется, всего лишь косточка, а снизу это воспринимается как удар металлического шара о жестяной лист.

Не исключено, что соседи уже проснулись и гадают, что здесь происходит. Может быть, уже поднимаются ко мне. К счастью, на нашем этаже тоже нет звонка.

Вдруг раздалось пение. Я не мог определить, откуда оно доносится... Еще и возня с апельсиновыми косточками, которые все падали со стола... Пение было отчетливо слышно. Женский оперный вокал. Неужели сверху?

Мучимый любопытством, я отложил апельсин и устремился в комнату. Здесь пения не было слышно. Тогда я вернулся на кухню. Тишина. Петь перестали. Или даже не начинали, мне просто послышалось. Но стоило взяться за апельсин, как оно возобновилось.

Я доел, помыл руки и вернулся в комнату. Вместо пения сверху раздавались ритмичные щелчки, как будто прыгают через скакалку. Я залез в кровать, принял решение уснуть несмотря ни на что.

Негромкие щелчки мне почти не мешали, и я бы заснул, если бы не пронзительный скрежет примерно раз в пять минут. Я уже проваливался в сон, как меня выдерживал обратно безобразный шум.

Больше всего нервировало непонимание причины шума. Засыпая, я гадал. Перед глазами оживали образы: неотремонтированная квартира, бетонный мешок, по которому волокут тяжеленную ванну...

В какой-то момент мне все-таки удалось уснуть.

Приснилось, что я спал в своей кровати с незнакомым человеком. Лежа в лотом, мы укрывались одним одеялом. Наверху что-то затарахтело, мы уставились друг на друга. Незнакомец вылез из-под одеяла, на нем оказалось длинное черное пальто, плотные брюки и грязные ботинки. Он встал на кровати, начал изучать потолок. Затем что-то приподнял, открылся люк, в который мужчина вылез наверх. Я решил последовать за ним, но об-

наружил, что, кроме майки, на мне больше никакой одежды. Пришлось спешно обмотаться наволочкой и лезть в люк. Я попал в странное помещение, напоминающее этаж в старом доме. Стены из грязных вываливающихся кирпичей, обшарпанные деревянные перила, крошащийся пол. Незнакомец в черном плаще разговаривал с женщиной, открывшей дверь. Я никак не мог разобрать, о чем они говорят. Провел рукой и обнаружил, что наволочка потерялась, и мои гениталии высовываются из-под майки. К счастью, из-за тусклого освещения их никто не видел. Да и вообще на меня не обращали внимания. Постояв несколько минут, я решил спуститься. Сразу лег и еще долго смотрел на раскрытый люк, ожидая возвращения незнакомца, но он так и не появился. Тогда я задвинул люк и попытался уснуть. Не помню, удалось мне это или нет.

**

На следующий день я вернулся домой не один... с женщиной. Мы почти не были знакомы, я даже имени ее не помнил. Женщина сама напросилась в гости, а я не нашел причин отказать.

Когда зашли в квартиру, где-то в подъезде сверлили. Я не обратил внимания на шум, потому что здесь до самой ночи кто-то сверлит, а вот моя подруга была удивлена. Неужели этим занимаются в такое время? Я лишь улыбнулся.

Остаток вечера провели за беседой. Пили вино, время от времени гостья вздрагивала из-за дрели и бессмысленно вертела головой в поисках рабочего.

- Почему вы не договоритесь с соседями, чтобы не сверлили так поздно? — поинтересовалась она.

- Это не у моих соседей, - сказал я.

Гостья уставилась на меня.

- Если бы сверлили прямо за стеной, из-за шума мы бы даже говорить не смогли.

Она рассмеялась, посчитав, что я шучу. Затем наполнила бокал, сделала пару глотков и начала рассказывать.

- Подруга поделилась замечательной историей. Вернее, сновидением. Эта подруга... она старше меня, у нее уже взрослый сын, примерно ваш ровесник. Этот сын приезжал навестить ее, а

уехал поздно вечером. Подруга забыла попросить сына позвонить из дома, чтобы она не волновалась. И вспомнила об этом, только когда ложилась спать. Но ей было неудобно беспокоить сына так поздно. Засыпая, женщина разволновалась, доехал ли он или что-нибудь случилось по дороге. Ночью ей приснилось, что она гуляет со школьной подругой и вдруг вспоминает про ребенка, которого неизвестно где оставила. Одноклассница интересуется, что случилось, и она, во сне превратившаяся в школьницу, поясняет, что забыла где-то своего ребенка, не помнит даже, где он. Тогда та приоткрывает полу пальто и показывает, что мальчик сидит у нее во внутреннем кармане. Мать облегченно вздыхает, но ей ужасно стыдно, что могла вот так спокойно разгуливать без малыша.

- Интересная история, - сказал я. - Я, кажется, знаком с сыном вашей подруги и могу кое-что добавить. В тот день он отправился не домой, а как раз к бывшей однокласснице матери. Не знаю, чем они занимались, но утром бывшая одноклассница позвонила вашей подруге и сообщила, что ее сын у нее. Вот как, только и сказала мамаша, сон в руку.

Пока гостя смеялась, я вышел из комнаты. Якобы в туалет, а на самом деле быстро обулся и покинул квартиру, аккуратно прикрыв дверь. Поднялся на этаж к злополучной квартире, чтобы прилепить листочек с обращением к соседям, в котором требовал немедленной тишины. Я перечислял шумы, которые слышны внизу, и грозил обращением в правоохранительные органы, если они не прекратятся.

Это обращение я написал еще днем и ждал, когда смогу прикрепить листок к соседской двери. А прикрепив, минут пять любовался тем, что получилось. Заодно перечитал текст двадцать раз. И перечитал бы еще двадцать раз, если б на этаже не остановился лифт.

Мне удалось выскочить на лестницу, прежде чем вышли люди. Пока приехавшие, мужчина и женщина, сустились у двери, я следил из-за дверного проема. Они не заметили ни меня, ни моего обращения. Возможно, устали на работе и сил хватило лишь на то, чтобы открыть дверь, а потом закрыть ее изнутри. Хорошо хоть не сорвали листочек.

Я спустился к себе. Разулся, тихо прошел в туалет, спустил воду, помыл руки и вернулся в комнату.

Моя гостья уже лежала в кровати.

- Извините, - сказал я, проходя и садясь в кресло.

Женщина повернула ко мне голову, единственное, что не поместилось под одеялом.

- Что вы сказали?

- Я сказал, что не могу оставить вас на ночь. Мне завтра рано вставать.

- Неужели...

Я долил вино из своего бокала.

- К сожалению, вам придется уйти.

- Но я не хочу, - сказала она.

- Это бессмысленно. Вы просто не понимаете, что сейчас произойдет. Вам кажется, шум стихнет, как только вы окажетесь в постели, чтобы можно было хорошо выспаться. Но шум будет только нарастать. Вы еще не слышали настоящего лязганья. Когда металлические конструкции обрушиваются на пол, и вы надеетесь только, чтобы выдержал потолок, чтобы все это не свалилось вам на голову. Вы не можете даже отвлечься, потому что постоянно ждете новых ударов. Вы...

- Но шум, действительно, уже прекратился, – перебила меня гостья. - Разве вы не заметили?

В самом деле, в комнате установилась тишина, я только теперь обратил внимание.

- Это временно. Так обычно и случается. Вам позволяют лечь, расслабиться и... как только вы начинаете засыпать, все возобновляется с новой силой. И продолжается до самого утра.

Женщина улыбнулась, не поверив.

- Вы просто не понимаете...

Она снова оборвала меня.

- Вы сами себе противоречите. Говорите, чтобы я ушла, вам нужно выспаться. А потом заявляете, что спать нельзя из-за шума. Так давайте не будем спать. Черт с ним, со сном. Займемся чем-нибудь другим.

Гостья вылезла из-под одеяла и, обнаженная, села в кресло у стола.

- Налейте мне вина.

Я разлил остатки вина по нашим бокалам.

- Чем вы намерены заняться? – спросила женщина.

Выпив вино, я откинулся на спинку кресла и некоторое время молчал. Собирался с мыслями...

Собственная беспомощность отчетливо предстала передо мной. Я погряз в нерешительности. Этот шум и бессонница из-за него. Соседи, занимающиеся черт знает чем у меня над головой. А я пытаюсь воздействовать на них писульками, которые прикреплю к двери. Каждую ночь одно и то же. Теперь еще и эта женщина, которая сначала без спроса пришла в гости, а теперь не желает уходить. Так мне никогда ни с чем не справиться. Пора брать себя в руки. И немедленно.

- Так чем мы будем заниматься этой ночью? – повторила гостья свой вопрос.

Выдержав недолгую паузу, я все-таки ответил.

- Я собираюсь отправиться наверх к соседям и заявить им...

Она рассмеялась, в очередной раз оборвав меня на полуслове. Вначале я испугался, решив, что это не смех, а визг дрели. Что шум возобновился и продлится теперь до самого утра.

- Вы знаете, что говорил Наполеон о продолжительности сна? – спросила женщина, перестав смеяться. - Четыре часа – для мужчин, пять – для женщин, шесть – для идиотов.

Я взял с подоконника еще одну бутылку, медленно вытащил пробку и разлил вино по бокалам.

- Кажется, вы не совсем понимаете...

- Шесть – для идиотов, - повторила гостья и ударила бокалом по моему бокалу.

Стало совсем не по себе. С секунды на секунду я ожидал, когда сверху что-нибудь обрушится, начнут заколачивать толстые гвозди в бетон или нечто подобное. Одновременно страхась шума и ожидая, чтобы предъявить женщине.

- Я собираюсь подняться наверх и объяснить. Сказать, что они даже не догадываются, во что превратили жизнь внизу. Это же просто невозможно - спать в таком шуме. Причем каждую ночь, не переставая. Может быть, эти скоты об этом не догадываются. Молотят какой-то железякой по полу, а отдается по всему дому. Нужно положить этому конец. Вы пойдете со мной?

- Конечно, - гостья закивала. – Но сначала расскажу вам одну историю, притчу.

Мы чокнулись, выпили вино и она начала.

- Хирург заходит в ванную и, всмотревшись в отражение, видит, как с лица сходит щетина. Он пробует удержать ее, бросается на зеркало, но затем понимает, что нелепо отождествлять себя с волосками на подбородке. Он успокаивается, чистит зубы и выходит из дома. На улице хирурга никто не узнает. Первое время это его развлекает, но долго так продолжаться не может. Войдя в больницу, он не слышит ни одного приветствия. Дежурная медсестра болтает с гардеробщиком, не замечая хирурга. Гардеробщик - нудный старик без единого таланта. Он... и хирург, даже без щетины - они в разных весовых категориях. Хирург подходит к гардеробщику и толкает того в грудь. Медсестра настороженно наблюдает. Все трое молчат, глядя друг на друга. Наконец, гардеробщик узнает хирурга, здоровается и интересуется, что стало с усами и бородой. У меня мало времени, резко обрывает его хирург и уходит. У кабинета уже собралась очередь. Врач проходит мимо, по привычке всматриваясь в посетителей: в большинстве случаев болезнь удастся определить по одному выражению лица. Третий с конца в очереди... неприятный старикашка, похожий на гардеробщика. Усы и борода в точности такие, какие были у хирурга. Вы пройдете первым, говорит хирург старикашке. В кабинете хирург слышит чье-то "раздевайтесь" и послушно снимает белый халат, затем ботинки, брюки, очки. Достаточно. Старикашка переодевается в одежду хирурга. Теперь я - это вы, а вы - я, заявляет он. Хирург, лишенный внешнего вида, переминается с ноги на ногу. Вам больше не обязательно здесь находиться, говорит старикашка. Уходите. Хирург выходит из кабинета в одном нижнем белье, забыв надеть вещи старикашки. Посетители отводят от него глаза, и только какой-то мальчик шепчет матери, ему, наверно, очень холодно, этому голому старичку. Хирург плетется по коридору, пытаясь вспомнить, где совершил ошибку. И как ее теперь исправить. Наверно, уже никак.

Я слушал с закрытыми глазами, вдобавок был уже порядком вымотан, поэтому едва не заснул.

- Прекрасная притча, - сказал я, вставая. - А теперь пойдете.

Женщина медленно допила остатки вина из бокала и поднялась с кресла. Кажется, она хотела услышать что-нибудь о рассказанной притче, но мне не приходило ничего в голову.

- Накиньте что-нибудь, - попросил я, вспомнив, что гостья совершенно голая.

Я обувался в прихожей, когда она вышла из комнаты в блузке и юбке, надетых, вероятно, прямо на голое тело. Женщина потянулась к пальто, но я заверил, что можно обойтись без него, ведь мы просто поднимемся на один этаж.

Пока закрывал общую дверь, гостья вызвала лифт. Честно говоря, мне уже поднадоели ее фокусы, но приходилось мириться. Казалось предельно важным, чтобы меня сопровождали. Не имело значения кто именно - одному мне у соседей делать было нечего.

Я направился к женщине готовый взять ее за руку и повести на лестницу, но внезапно двери лифта поползли в стороны. И, что совсем обескуражило меня, внутри стояли пассажиры.

Они выглянули, с недоумением взглянули на номер этажа, затем на нас.

- Вам наверх?

- Да, да, наверх, - согласилась моя спутница и потащила меня в лифт.

Вчетвером мы едва поместились в кабинке.

- Какой этаж?

Гостья провела кончиком пальца по кнопкам, нашла нужную, та уже горела. Двери закрылись, лифт прополз на несколько метров вверх.

Все вышли и встали у общей двери. Те двое, мужчина и женщина, протиснулись через нас и начали искать ключи. Наконец они заметили мое обращение, женщина полушепотом прочитала его.

- Это вы написали? — поинтересовался мужчина, обернувшись.

Не дождавшись ответа, его спутница продолжила.

- Вы вообще к кому пришли?

Мне все же удалось справиться с силами и ответить, что мы ошиблись этажом.

- Бредятина какая-то, - мужчина сорвал обращение и начал комкать. — Шум им мешает. А нам он что, не мешает? Весь дом ходуном ходит, а они нам записки пишут. Недоумки какие-то.

Я потащил гостью на лестницу. Мы почти ушли с этажа, когда она резко остановилась и обернулась к соседям.

- На самом деле, мы ваши соседи снизу.

- Что? – не понял мужчина.

- Соседи? – переспросила его спутница. – Так это вы написали?

Она взяла из рук мужчины листок, начала разворачивать.

- Да-да, это мы написали. Хотели попросить вас вести себя немного тише. А то спать при таком шуме просто нельзя. Да и не спать тоже.

- Здесь о каких-то металлических конструкциях, - мужчина показал спутнице, ткнув пальцем в обращение. – Про тренажеры, которые каждую ночь переворачиваются.

Женщина еще раз пробежала текст глазами и взглянула на нас. Вернее, на мою гостью.

- Это же какой-то бред, ребята. Вы думаете, мы всю ночь арматуру по квартире таскаем? Жестяными листами друг о друга лупим? Может быть, это розыгрыш?

Улыбающаяся гостья посмотрела на меня и тоже спросила.

- Это розыгрыш?

Я так разволновался, что не совсем понимал, что мы обсуждаем.

- Кто это все-таки написал? – спросил мужчина.

- Можете зайти к нам, - предложила женщина, - взглянуть на тренажеры, строительные конструкции, которые мы волочем ночами по бетону.

Открыли общую дверь. Мужчина направился к квартире, его спутница жестом пригласила нас войти. Моя же спутница, мы так и держались за руки, повела меня внутрь – к ним в гости.

Внутри не оказалось никаких металлических конструкций, никакого бетона. Напротив – полы устланы коврами, повсюду горшочки с цветами, мягкая мебель, подушечки. Все какое-то утрированно уютное.

- Вы видите, - сказала женщина, - ничего из того, о чем вы писали.

Я почувствовал, что еще немного и свалюсь в обморок. Не дожидаясь этого, я прошел в комнату и опустился в первое попавшееся кресло. Закрыв глаза и, кажется, отключился.

Судя по всему, я скоро пришел в себя. Две женщины, моя и соседская, увлеченно беседовали в прихожей. Я не вслушивался - меня поразило другое. Соседка успела снять верхнюю одежду и

предстала в точно таких же блузке и юбке, которые были на моей гостье.

Я перестал их различать. Не мог определить, кто из них моя женщина, а кто соседская.

Женщины совершенно забыли обо мне. Соседа не было видно. Я прислушался, может быть, он на кухне. Бывают такие семьи, в которых кухонные обязанности ложатся на мужчину. Но нет, кроме женского трепя, никаких звуков.

Раздался звонок. Собеседницы замолчали и посмотрели куда-то в сторону, вероятно, на телефон. Телефон прозвенел еще раз, обе направились к нему, выпав из поля зрения.

- Да, - сказала женщина. - Да. Правда? И где вы? Вот как... Так быстро... Хорошо, сейчас я открою.

Обе снова появились в проеме, проследовали к двери и вышли в общий холл.

Я остался в кресле. Гадал, что же произошло. Кто звонил? Почему они отправились открывать вдвоем? Наверняка не супруг соседки, иначе она не обращалась бы на вы. Но кто тогда?

Входную дверь оставили приоткрытой, поэтому со своего места я увидел, что женщины возвращаются. И кажется, с ними еще кто-то. Я просто ошалел от волнения, вскочил и рванул в угол комнаты, чтобы меня не заметили из прихожей. А для надежности еще и спрятался за занавеску.

Они зашли. Действительно, помимо двух женских голосов слышался и мужской. Женщины возбужденно лепетали какую-то чепуху, из которой я разобрал только одно слово, постоянно повторяющееся - телеграмма.

Я ждал, когда уйдет мужчина. И действительно, вскоре слышалось открывание двери, женские голоса ослабли, затем усилились, дверь хлопнула и, не оставив мне времени, женщины оказались в комнате.

Пришлось сделать вид, что я смотрю в окно.

- Вот он.

- Вот, вот он.

Они окончательно слиплись в одно, хоть и раздвоенное, существо, я совершенно не понимал, кто из них моя гостья.

- Вот телеграмма.

- Телеграмма.

- Держите телеграмму.

- Ваша телеграмма.

Они вдвоем протягивали мне листок бумаги, широко улыбаясь.

Я взял листок, бегло пробежал глазами, но ничего не понял. Второй раз причитал медленнее, но все равно не удалось вникнуть. Сильно отвлекали женщины, повторяющие что-то про телеграмму.

- Вы не могли бы замолчать, - попросил я.

Они умолкли, уставившись на меня одинаковыми любопытными глазами. Я прочитал телеграмму в третий раз. Такое впечатление, что ее писал не совсем здоровый человек. Больная имитация канцелярского стиля, запутанного до полной неразберихи.

Какое-то собрание то ли жильцов, то ли членов кооператива. Место проведения тоже не совсем обозначено – в гараже или на лестнице. Обращаются ко мне по моему имени, но в каждом случае с разными отчествами. Моей фамилии нет вовсе. Цель собрания не указана, но говорится дословно: "Цель и время проведения изменению не подлежат и должны присутствовать все члены кооператива и работники гаража." Подписана телеграмма неким доктором Штерном, заместителем администрации по вопросам проведения.

- Почему вы решили, что телеграмма мне? – спросил я.

Женщины снова заверещали, перебивая друг друга. Минуты две я пытался понять, что они говорят, но так и не смог.

- Когда будет собрание?

- Сейчас.

- Сейчас.

Они стали хватать меня за руки и тянуть в прихожую.

- Быстрее.

- Скорее.

- На собрание.

- Все уже началось.

- Слушания.

- Обсуждения.

- Прямо сейчас.

- Поторопитесь.

- Скорее.

- Хорошо, хорошо.

Я отстранил женщин, прошел в прихожую. Ни одеваться, ни обуваться не потребовалось, все уже было на мне. Тут я вспомнил про гостью. Оставить ее здесь или взять с собой? Обернулся: оба близнеца наблюдали за мной из комнаты.

Нужно как-то подозвать одну - ту, что пришла со мной. Я опустил затянуть шнурки, и, приподняв голову недостаточно высоко, чтобы женщины не видели глаз, сказал.

- Ладно, идемте.

Обе сразу же устремились ко мне. Этого следовало ожидать. Маневр не удался.

Я поднялся, взглянул на женщин. Абсолютно идентичные, возможно, они обе пригодятся мне в качестве единственной спутницы.

- За мной, - скомандовал я и вышел из квартиры.

Оставалась последняя возможность выделить из слипшегося дуэта мою женщину, наблюдая, как будут запирать замки. Но и здесь они действовали вместе, прикрывая от моего взгляда операции с ключами.

Пока мы спускались в лифте, я вспомнил, как неуклюже спрятался за занавеску при появлении почтальона. И еще как воспринял женский лепет. Мне показалось, что женщины неправильно ведут себя с почтальоном, не следует так заискивать перед ним. Эти вполне обоснованные мысли, однако, пришли в совершенно непригодном месте. Не здесь я должен был встречать почтальона. И не дело, чтобы взрослый мужчина прятался от посетителей за женщинами и занавеской. Ситуацию можно было исправить одним моим появлением — достаточно было выйти в прихожую, чтобы женщины умолкли, а почтальон учтиво склонился перед получателем телеграммы. Но нет, я оказался парализован волнением, прилип к занавеске... Обмотанный ею, оказался не в силах выбраться. Ждал, когда уйдет почтальон. И даже после его ухода отошел от окна только когда женщины ворвались в комнату. Не слишком достойное поведение. Это еще предстоит осмыслить.

Лифт остановился. Мы покинули подъезд. Обошли дом, женщины нашли крохотную дверцу в торце здания, на которую я никогда не обращал внимания. Это и было нашей целью.

На входе висела табличка "Осторожно! Злой консьерж". И действительно, внутри оказался консьерж. В крохотной будке...

он в пижаме стоял на кушетке на четвереньках и, чуть слышно рыча, наблюдал за нами. Не знаю зачем, я сунул в окошко палец, и консерж едва не укусил за него.

Мгновенно отпрянув от будки, я замер. Женщины обернулись, поинтересовались, в чем дело.

- Не надо было пальцы совать, урод, - рявкнул консерж и с силой захлопнул окно.

- Вы что, палец сунули?

- Он вас укусил?

- Не успел, - ответил я и почувствовал, что еще немного и заплачу, было очень обидно.

- Да не расстраивайтесь вы так.

- Он же не укусил, что вы так...

- Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой, - сказал я и смахнул подкатившие слезы. - Идемте скорее на собрание.

Собранием оказалась толпа жильцов дома, разместившаяся на лестнице между третьим и пятым этажами. Лампочки здесь не горели, пространство освещалось лишь с площадок у лифтов.

В полумраке мы протиснулись на пятый этаж, пытаясь найти центр, нечто вроде трибуны. Но единого центра не обнаружили, толпа распадался на множество небольших компаний. Все собравшиеся говорили одновременно. Разобрать что-либо в их гвалте поначалу казалось невозможным, но мне все-таки удалось приспособиться, и уже через несколько минут я без особых усилий мог следить за тремя-четырьмя говорящими.

Обсуждали шум, безобразную звукоизоляцию в квартирах, не позволяющую нормально жить. Люди сообщали о непреодолимых трудностях, делились советами, перебивали друг друга и едва не лезли в драку, если их не слушали или перебивали.

- У меня иногда так слышно соседей, как будто мы живем в одной комнате, - заявила одна дама.

- Да, да, - согласилась с ней другая дама, - ощущение, что спим в одном помещении со шкафом в качестве перегородки.

- На восьмом этаже стены как будто из фанерки...

- Я замечательно слышу соседей! Замечательно!..

- А мои соседи что-то притихли. Наверное, устали. Ночью в барабан больше не бьют...

- А вы не пробовали беруши?

- Пробовали, не пробовали – какая разница? Шум такой, что хоть в окно прыгай!..

- Мы уже два года ложимся исключительно в берушах. Иначе не уснуть...

- А на каком этаже вы живете?

- Вам очень повезло. Я слышу абсолютно всех. И сверху, и снизу. Самое ужасное, что в соседней квартире санузел граничит с моей спальней и, когда я ложусь спать, там принимают душ. Такое впечатление, что спишь в их санузле.

- У нас в точности то же самое. Слышно, как соседи набирают ванну... И многое другое.

- У моей соседки сверху хронический кашель. Причем исключительно ночью... А с утра она ходит по квартире на каблуках! Я понимаю, это не совсем нормально. Но до таких соседей не достучишься. Они просто сумасшедшие... Или вообще не открывают никому дверь.

- Чаще всего невозможно определить источник шума. Он слышен везде: и в ванной, и в комнате, и на кухне. И не знаешь, к кому идти с жалобами.

- Я однажды ночью слышала храп за стеной. Меня это просто шокировало! А еще соседская собака постоянно клает по полу.

- Никогда не думала, что живя в своей квартире, буду чувствовать себя как в общезжитии...

- Я храп за стенкой каждую ночь слышу. И почти уже привык.

- Нужно договариваться, чтобы не включали музыку в позднее время. Знать бы с кем: все холлы закрыты, ни у кого нет звонков, а там где есть - не открывают...

- Очень трудно найти, на каком этаже шумят. Поднимаешься вверх - слышится снизу. Спускаешься вниз – доносится сверху.

- Ко мне самой недавно соседка приходила. Мы от нее сбоку живем. Ругалась, что из комнаты, где я с ребенком занимаюсь, ночью доносятся детские крики. Кричать мой сын может, но только днем, когда меня зовет, а ночью он спит совсем в другом месте...

- Поздно вечером я часто слышу стиральную машину. Ревет так, что страшно становится. Но не могу понять где.

- А если поймете, запретите стирать?

- А еще она часто стучит в стену... Но в той комнате, где мы с ребенком занимаемся, там по ночам никого нет, даже свет выключен. Не знаю, как ей объяснить, что шаги она может слышать только сверху...

- Однако дом есть дом. И надо за него бороться. У меня вот весь негатив уходит, когда я порог переступаю. Но потом выходишь утром, видишь весь этот мусор у подъездов, грязные автомобили, гадающих собак, толпы непонятно кого...

- Хотя... пусть стучит, наверно, ей так легче, я уже привыкла...

- У нас на шестом этаже слышно, как по ночам стонет женщина. Ладно бы тихо стонала, но она каждый раз почти орет... Жуть просто. Как разорется часов в десять вечера. Дети плакать начинают, спрашивают, что с тетей. Вот и сегодня орала. Хорошо хоть не часто. И не поймешь, из какой квартиры.

- Я бы таких убивал на месте! Устанавливал квартиру и убивал.

- А я бы таких на лечение отправляла...

Я больше не мог это выносить и начал пробираться вниз через толпу говорящих. Каждый второй пытался вытолкнуть меня обратно наверх. Я едва-едва удерживался на ногах, но продолжал спускаться. Ступеньки давались с огромным трудом.

В какой-то момент я все-таки не выдержал. Эмоции переполнили меня, и я не сдержался. Тоже начал орать, перекрикивать других, вообще всех собравшихся.

Мне это удалось. Я кричал какую-то ахинею о перепланировке здания, штрафах за громкие звуки, контроль действий всех подозрительных жильцов. Орал, что уже месяц не могу нормально поспать из-за постоянной долбежки сверху. О монструозных металлических конструкциях, которые переворачивают у меня над головой.

- Кажется, что вы лежите в гигантском работающем механизме. Постоянный несмолкаемый скрежет всех деталей... И так каждую ночь...

Помню, кто-то сзади подхватил меня под руки и стащил по лестнице вниз. Только в холле мне удалось оглянуться и увидеть

своего спасителя. Спасителем оказались женщины, гостя и соседка.

В будке консьержа вдруг открылось окно, а меня как раз проносили мимо, и я снова сунул туда руку. На этот раз консьерж, злобное животное, хватанул меня за палец с такой силой, что, издав нечеловеческий вопль, я потерял сознание.

*V

Я пришел в себя в кровати. Было темно, но я без труда узнал свою комнату.

Странно: ночь, а никакого шума. Полная тишина. Прислушавшись, я все-таки уловил едва заметные посторонние звуки.

Посапывание!..

Кто-то лежал в моей постели и сопел во сне. Вскоре глаза привыкли к темноте и я смог различить на другой стороне кровати женщину. Ту самую, что пришла вечером в гости.

Она спала лицом ко мне. Я сразу вспомнил, что была и вторая, точно такая же. Соседка... Но где она? В кровати ее точно не было. И в комнате, судя по всему, тоже.

Наверно, я слишком активно вертелся, пытаюсь разглядеть вторую женщину, потому что проснулась первая.

- Вы не спите? – спросила она и протянула руку к моему лицу, от которой я рефлекторно отпрянул. – Что с вами?

Я промолчал.

- Как ваш палец... бедняжка? Болит?

Я хотел снова промолчать, но все-таки решил ответить.

- Нет.

- Тогда поцелуйте меня, пожалуйста.

Гостя не двинулась с места, она ждала.

У меня на лбу выступила испарина. Я опять разволновался. Не грохот, так женщина в кровати. Теперь еще и озвучивает свои желания.

- Ну же, поцелуйте меня в щеку, - гостя повернула голову.

Волнение сменилось яростью. Но яростью беззвучной, зажатой где-то глубоко внутри, откуда она никогда не выплеснется наружу.

И вдруг... это скованная ярость... я почувствовал, как она зашевелилась, медленно поползла наружу.

Я ощутил, что превращаюсь в другого, незнакомого мне человека. Медленные, но необратимые ментальные изменения. Не знаю, в кого именно мутировало мое существо, но я больше не узнавал себя. Все старое безвозвратно исчезало.

- Отсюда я не смогу вас поцеловать, - сказал я женщине, - разве что доплюнуть.

У соседей сверху грохнуло что-то с металлическим лязгом. Но меня это уже не беспокоило. Я был другим.

мертвый текст

Бертран Блие
Холодные закуски¹
(киносценарий)

Начальные титры идут на фоне различных отсеков станции метро «Дефанс»: перроны, эскалаторы, мраморные колонны. Альфонс появляется наверху лестницы. Руки засунуты в карманы старого пальто. Это парень лет тридцати, подозрительного вида, с беспорядочной шевелюрой, в старых бархатных штанах и разбитых ботинках.

По перрону он движется медленно. Шаги гулко отдаются па пустой станции. Он расхаживает, разглядывая рекламные щиты. Минует пустые пластиковые кресла. Медленно оборачивается, чтобы посмотреть, нет ли кого рядом с эскалатором. Затем делает еще несколько шагов. Увидев сидящего немного дальше человека, на секунду останавливается.

Человек ждет поезда. Мы назовем его Некто. Это невысокий, лысоватый мужчина лет пятидесяти. С лицом типа, который не знал везения в жизни. Сидя на кончике пластикового кресла, он ничем не выделяется в своем старом пальто тюремного цвета. И не движется, повернувшись к Альфонсу спиной. Альфонс подходит к нему и наклоняется, чтобы разглядеть, почти провоцируя его. Но тот никак не реагирует. Тогда Альфонс садится рядом — спиной к спине. Затем поворачивается к Некто, долго его разглядывает. Тот раздраженно оборачивается.

НЕКТО. Чего вы смотрите?

АЛЬФОНС. Это я-то?

НЕКТО. Да, вы. Что вы разглядываете?

АЛЬФОНС. Да так.

НЕКТО (*экспансивно*). Напротив, прошу прощения! Вы на что-то смотрите!

АЛЬФОНС. Я смотрю на ваше ухо.

¹ Перевод с французского А. Брагинского.

НЕКТО (*сухо*). И что вы нашли в моем ухе? Вы врач отоларинголог?

АЛЬФОНС. Нет!

НЕКТО. Тогда оставьте меня в покое!

Они отворачиваются друг от друга, словно разговор окончен. После некоторых раздумий Альфонс снова смотрит на соседа, который явно не в своей тарелке.

АЛЬФОНС. Я считаю, что вы похожи на бухгалтера.

Раздраженный Некто встает.

НЕКТО. Я и есть бухгалтер.

Полускрытые рекламными щитами эскалаторы продолжают работать. Некто усаживается подальше от Альфонса, бросая в его сторону беспокойные взгляды. Тот поднимается и опять садится рядом с ним.

НИКТО. Вы что, меня преследуете?

АЛЬФОНС. Да.

НЕКТО. Почему?

АЛЬФОНС. Чтобы не быть одному.

НЕКТО (*ожесточенно*). А зачем вам еще кто-то?

АЛЬФОНС. Чтобы поговорить. Люди перестали разговаривать друг о другом.

НЕКТО (*пожав плечами*). У меня нет желания разговаривать. (*На секунду бросает взгляд в сторону Альфонса, словно проверяя свое первое впечатление.*) Вы мне не нравитесь.

АЛЬФОНС. Вы не правы. После знакомства со мной люди меняют мнение.

НЕКТО (*скептически покачав головой*). Не думаю. У вас вид человека со странными взглядами.

АЛЬФОНС. Какими взглядами?

НЕКТО (*рассердившись*). Да оставьте меня в покое!

Он встает и уходит. Альфонс остается сидеть, скрытый рекламой. Некто решительно удаляется. Найдя новое место, садится. Альфонс встает, обходит рекламу и сбрасывает ее на пол.

АЛЬФОНС (*взволнованно*). А у вас разве не бывают странности?

НЕКТО. Насчет чего?

Альфонс отходит. Некто поудобнее устраивается на своем месте, явно не расположенный продолжать разговор. Но Альфонс снова усаживается рядом с ним.

АЛЬФОНС. У вас никогда не возникало желание убить кого-нибудь?

НЕКТО (в замешательстве). Что вы сказали?

АЛЬФОНС (*отчетливо произнося слова*). Я спросил, не возникало ли у вас желание убить кого-нибудь?

НЕКТО (*ничуть не успокоенный*). Кого?

АЛЬФОНС. Неважно.

НЕКТО. Но почему?

АЛЬФОНС. Просто так. Без причины... Импульсивно...

НЕКТО (*очень быстро*). Нет...

АЛЬФОНС. Никогда?

НЕКТО. Нет...

АЛЬФОНС. Даже в метро?

НЕКТО (*задумавшись*). Ну, знаете... не совсем так...

АЛЬФОНС (*наставительно*). А ведь это так просто.

НЕКТО. Пфф...

АЛЬФОНС (*настойчиво*). Уверяю вас... У вас в кармане нож. Раз! (*Он вытаскивает из кармана нож с утопленным лезвием*.) Нож вынимается из вашего кармана. Чик! (*Лезвие выскакивает, Альфонс пристально смотрит на него*.) Лезвие вылезает. (*Он делает вид, что всаживает нож*.) Все в порядке. Живот взрезан... Некто падает. Ему проткнули живот... Никто не оста-навливается... Все считают, что это дрыхнет бродяга.

НЕКТО. Кто такой «некто»?

АЛЬФОНС (*размахивая рукой, в которой зажат нож*). Анонимная личность... Незаметный тип... Чья смерть никого не обеспокоит. (*Тем временем Некто разглядывает вензеля, которые выделяет перед его носом кончик ножа*.) Вы никогда не думали ни о чем подобном?

НЕКТО (*уклончиво*). Нет...

АЛЬФОНС. Тогда о чем вы думаете?

НЕКТО. О вашем ноже.

АЛЬФОНС. Он вам нравится?

НЕКТО. Ничуть. Положите-ка его в карман. Очень опасно играть с такими предметами.

Некто невольно отстраняется от Альфонса, который продолжает играть ножом.

АЛЬФОНС. А вы правы. (*После паузы*.) Берите. Я вам делаю подарок. Берите!..

Протягивает ему нож.

НЕКТО (*отталкивая*). Но я не хочу.

АЛЬФОНС. Берите, берите... Это отличный нож... Доставьте мне удовольствие.

НЕКТО (*возмущенно*). Да не нужен мне ваш нож!

АЛЬФОНС (*все более решительно*). Мне тоже. Если я оставлю его, то сделаю глупость!

НЕКТО (*которому Альфонс все-таки всучил нож*). Но мне наплевать на ваш нож. Я кладу его сюда. (*Он освобождается от ножа, словно тот жжет ему руки, бросив его на одно из сидений.*) Вот, и знать о нем не знаю!

АЛЬФОНС (*обеспокоенно*). Не следует оставлять без присмотра такой инструмент... Еще кому-то придет в голову... воспользоваться им.

НЕКТО. Вы часом не чувствуете усталость?

АЛЬФОНС. Это мне не грозит, я безработный.

НЕКТО. Вам везет...

АЛЬФОНС. Напрасно так думаете. Нет ничего хуже, чем когда без дела ковыряешь в носу.

НЕКТО. Может быть, вы думаете, что работа приносит отдых?

АЛЬФОНС. Все зависят от работы.

НЕКТО. От моей сдохнуть можно. Вечером я засыпаю перед телевизором.

АЛЬФОНС. А вот я боюсь засыпать... Ибо во сне совершаю кошмарные вещи. Ужасные вещи!

НЕКТО. Какого рода кошмары?

АЛЬФОНС. Мне снится, будто меня преследует полиция.

НЕКТО. За убийство?

АЛЬФОНС. Естественно!

НЕКТО. И она вас ловит?

АЛЬФОНС (*рассеянно*). Вы о чем?

НЕКТО (*внушительно*). О полиции.

АЛЬФОНС (*взволнованно*). Нет! Я чувствую ее дыхание за спиной, но ей не удастся меня поймать. Она преследует меня!.. Всю ночь... Я просыпаюсь весь в поту. Без сил!..

НЕКТО (*покровительственно*). Это не основание для того, чтобы шататься с ножом в кармане.

АЛЬФОНС. У меня всегда нож в кармане.

НЕКТО (*пожимая плечами*). Для чего?

АЛЬФОНС. Чтобы резать мясо.

Повернувшись, Некто с ужасом убеждается в том, что нож пропал.

НЕКТО (*испуганно*). Вы его забрали?

АЛЬФОНС. Что именно?

НЕКТО. Ваш нож!

Альфонс встает и через плечо оглядывается на Некто.

АЛЬФОНС. Нет.

НЕКТО (*вскочив*). Он пропал.

Обе смотрят вниз и ничего не видят.

АЛЬФОНС (*нервничая*). Я же говорил вам не бросать его...
Вероятно, кто-то подобрал...

Некто бросается наутек.

Услышав шум приближающегося поезда, оба бегут к путям и вглядываются в тоннель. Но поезд появляется позади них. Некто мечется во все стороны, прежде чем достигает состава. Альфонс следует за ним на расстоянии. Некто вваливается в нагон. Обернувшись, отталкивает Альфонса, который хочет последовать за ним.

НЕКТО. Не садитесь в этот вагон!

АЛЬФОНС. Почему?.. Мы ведь можем стать друзьями.

Двери закрываются.

НЕКТО (*кричит из вагона*). Убийца!

Напуганный Альфонс обращается к Некто через двери.

АЛЬФОНС. Я же вам сказал, что это ночные кошмары. Вы хотите меня оставить одного?

Некто бросает на него озлобленные взгляды. Поезд отходит.

Переход в метро.

Засунув руки в карманы, Альфонс с рассеянным видом идет по переходу, освещенному бледным неоновым светом. Прислонившись к стене, похрапывают двое нищих с литровками в руках. Альфонс проходит мимо, не видя их. Но тут в кадре появляется третья фигура, тоже растянувшаяся па полу. Пораженный Альфонс останавливается: это лежит Некто.

АЛЬФОНС. Что вы тут делаете?

Некто оборачивается. В его животе торчит нож.

НЕКТО. Видите? У меня нож в животе.

Альфонс бросается к нему.

АЛЬФОНС. Черт возьми!.. Ведь это же мой нож!

НЕКТО. Естественно... Когда такие мысли витают в воздухе...

Их голоса гулко раздаются в пустом переходе.

АЛЬФОНС. Кто тот негодяй, который сделал это?

НЕКТО. Молодой парень... В пальто!

АЛЬФОНС. Похожий на меня?

НЕКТО. На вашем месте я бы дал дёру...

АЛЬФОНС (*оправдываясь*). Но это не я! Не мог я это сделать! Я только что приехал! Я не был здесь!

НЕКТО (*продолжая сидеть с ножом в животе*). Я не сказал, что это вы!

АЛЬФОНС. Тогда кто же?

НЕКТО. Понятия не имею!.. Я не обратил внимания!

АЛЬФОНС (*склонившись к Некто*). Могли бы пошире открыть глаза в этом случае.

НЕКТО (*расстроенный*). Вы когда-нибудь оставите меня в покое?.. Я умираю... Убирайтесь!

АЛЬФОНС (*с состраданием*). Не могу же я вас бросить вот так!

НЕКТО (*настаивая*). Можете!.. Я и не такое выдывал...

АЛЬФОНС (*поднимаясь с колен*). Но в данном случае вы рискуете ничего не увидеть.

НЕКТО (*обреченно*). Долго мучиться не придется.

Альфонс засовывает руки в карманы и собирается уйти. Но ему жалко этого человека.

АЛЬФОНС. Вы страдаете?

НЕКТО. Как ни странно, нет... Но мне как-то неудобно...

АЛЬФОНС. Что вы чувствуете?

НЕКТО. Словно вода вытекает из умывальника.

Опустив голову, Альфонс уходит.

НЕКТО (*окликнув Альфонса*). Эй!.. Вы не заберете мои деньги?

АЛЬФОНС (*обернувшись*). Вряд ли у вас их много.

НЕКТО (*огорченно*). Действительно... Но все равно они мне там не нужны... Подождите...

С трудом вытащив из брючного кармана бумажник, он достает несколько купюр, которыми шелестит перед Альфонсом. Тот озадаченно смотрит на него.

НЕКТО (*настаивая*). Берите...

Альфонс берет деньги и поспешно засовывает в карман.

НЕКТО. Выпьте за мое здоровье

АЛЬФОНС. Ладно... Ладно уж... Счастливого пути...

НЕКТО. Спасибо... Попробую. (*Альфонс уходит.*) Эй! Вы не заберете нож?

АЛЬФОНС (*обернувшись*). Считаете, я должен это сделать?

НЕКТО. Отпечатки пальцев обнаружат на рукоятке... Полиция легко найдет вас... Да к тому же он вам может еще понадобиться... Отличный нож!

Ночь. Мощенная плиткой площадка.

Альфонс возвращается домой. Идет по вымощенной плитками аллее, засунув руки в карманы. Приближается к тридцатизэтажной башне, в которой живет.

Квартира Альфонса. Ночь.

Это новая квартира: на стенах обои, начищенный паркет, немного разрозненной мебели. Все подсвечивается маленькими лампочками.

Альфонс входит в салон, не закрывая дверь. Подходит к женщине. Жозиана как раз заканчивает приготовление супа.

ЖОЗИАНА. Ты не закрыл дверь.

АЛЬФОНС. Я только что присутствовал при убийстве в метро.

ЖОЗИАНА. Вытри клеенку. Протягивает ему тряпку.

В квартире маленькая кухня. Жозиана возится с супом. Рядом с ней мойка, набитая посудой. Альфонс вытирает клеенку на столе в глубине комнаты, разбрасывая во все стороны крошки, оставшиеся после прежней трапезы. Потом подходит к Жозиане.

АЛЬФОНС. Это был какой-то бухгалтер. (*Бросает тряпку в раковину.*) Ему всадили нож в живот...

ЖОЗИАНА. Да ну! (*Передает ему тарелки и приборы. Альфонс ставит все на стол и возвращается к ней.*)

АЛЬФОНС. Меня беспокоит вопрос: уж не я ли его убил?

ЖОЗИАНА *(не оборачиваясь)*. Не болтай зря, прошу тебя.

АЛЬФОНС. Ты погляди. *(Вытаскивает из кармана нож и выпускает лезвие.)* Кровь еще не запеклась.

Жозиана берет нож и без особого интереса разглядывает его.

ЖОЗИАНА. Лучше бы подыскал себе работу... *(Кладет нож вместе с грязной посудой.)* Было бы куда лучше.

Затем ногой подталкивает тележку с тарелками.

Альфонс и Жозиана вдвоем ужинают в маленьком салоне. Молча. Жозиана с шумом ест суп. Альфонс сидит в пальто. Он даже не расстегнул его. Воротник по-прежнему поднят.

ЖОЗИАНА. Ты теперь ешь в пальто?

АЛЬФОНС. Мне холодно.

ЖОЗИАНА. Это странно выглядит... Ты словно пришел в гости.

АЛЬФОНС. Мы все в гостях!.. Вылезаем, помотаемся немного и уходим. Ты действительно считаешь, что надо снять пальто? Для чего? Чтобы раньше времени расхвораться?

ЖОЗИАНА. Ничего не понимаю.

АЛЬФОНС. Зато я себя понимаю, и это главное... А что у тебя? Как прошел день?

Пьет.

ЖОЗИАНА. Как в любой понедельник. *(После паузы.)* Хочешь треску по-провансальски?

Встает, чтобы принести блюдо из кухни.

АЛЬФОНС *(основательно подумав)*. Да...

ЖОЗИАНА *{из кухни}*. Я совсем забыла сказать тебе главное.

АЛЬФОНС. И что же?

ЖОЗИАНА. Догадайся.

АЛЬФОНС. Да ладно тебе. Говори!

ЖОЗИАНА *(надев теплую варежку, чтобы вынуть рыбу из духовки)*. Мы больше не одни в башне. Появился еще один жилец.

АЛЬФОНС *(внезапно крайне заинтересованно)*. Не может быть! И на каком этаже?

ЖОЗИАНА. Не знаю... Выше нас.

Лестничные марши в башне. Ночь.

Лифт еще не работает. Альфонс взбирается по винтовой лестнице. Доходит до этажа, на котором живет новый жилец. Под дверью видит полоску света. Подходит, прижимается ухом к двери и прислушивается. Тишина. Он тихо стучит. Услышав приближающиеся шаги, отступает. Новый жилец — инспектор полиции — приоткрывает дверь. Стук ему подозрителен. Это мужчина лет шестидесяти, лысый, усталый. Он что-то дожевывает.

АЛЬФОНС. Я живу на шестом. Хотел вас поприветствовать в связи с вселением в наш дом.

Не произнеся ни слова, легким кивком головы Инспектор приглашает Альфонса войти и закрывает за ним дверь.

Квартира Инспектора. Ночь.

Это точно такая же квартира, как у Альфонса. Но набита нагроможденными друг на друга картонными коробками. Никакой мебели. Инспектор еще не закончил переезд. Помещение слегка освещается переносной лампой.

АЛЬФОНС. Вы мой первый сосед... Очень приятно... Мы не будем себя чувствовать такими одинокими.

Инспектор садится и продолжает ужинать. Это мясные консервы, которые он разогрел в банке. Альфонс садится напротив на коробку.

АЛЬФОНС. Вы холостяк?

ИНСПЕКТОР. Вдовец.

АЛЬФОНС. Примите мои соболезнования... *(Пауза.)* Я безработный. А вы?

ИНСПЕКТОР. Инспектор полиции.

АЛЬФОНС. Вот здорово!

ИНСПЕКТОР. Почему?

АЛЬФОНС. Что вы инспектор полиции...

ИНСПЕКТОР. Не понимаю.

АЛЬФОНС. Потому что я только что видел убийство в метро.

ИНСПЕКТОР *(который несколько не взволнован, ему просто наплевать)*. В самом деле?

АЛЬФОНС. Этого беднягу пырнули ножом в живот.

ИНСПЕКТОР. Вот как!

АЛЬФОНС. Ну да... Но вот что меня тревожит: нож-то был мой...

ИНСПЕКТОР. Ну и что?

АЛЬФОНС (*поставил стакан*). Встаньте на мое место... Я вот спрашиваю себя...

ИНСПЕКТОР (*по-прежнему безразлично*). О чем?

АЛЬФОНС. Не я ли его убил...

ИНСПЕКТОР. Вы не похожи на убийцу.

АЛЬФОНС (*все более волнуясь*). Если хотите, могу вам показать нож. Он лежит у меня дома в моечной машине.

ИНСПЕКТОР (*встал и приблизился к Альфонсу*). Послушайте, старина... Преступлениями и убийцами я занимаюсь весь день. Сейчас я не на службе. Я ужинаю. Я переехал, устал и мне наплевать на вас. (*Взяв Альфонса за руку, ведет его к двери.*) Так что отправляйтесь поскорее к себе и постарайтесь обо мне забыть.

Квартира Альфонса. Ночь.

В просторном ночном халате Жозиана подходит к Альфонсу, который курит, сидя в кресле.

ЖОЗИАНА. Почему ты не идешь спать?

АЛЬФОНС. Я курю.

ЖОЗИАНА. Поздно... Ты собираешься всю ночь курить одну сигарету за другой?

АЛЬФОНС (*сухо*). А почему бы и нет?

ЖОЗИАНА. Тебе не хочется спать?

АЛЬФОНС (*раздраженно*). Хочется!

ЖОЗИАНА. Так в чем дело?

АЛЬФОНС (*резко*). Представь себе, когда знаешь, что тебя будут мучить кошмары во сне, лечь спать не очень хочется... Тем более, что я курю... Не хочешь сигарету?

Протягивает ей пачку. Жозиана садится рядом и берет сигарету. Он подносит ей огонь.

ЖОЗИАНА. Ты бесишься от безделья. Тебе нужна работка потяжелее. Она тебя успокоит. (*Пауза.*) Почему ты бросил поиски?

АЛЬФОНС (*угрюмо*). К чему искать работу, если я не нахожу ее?

ЖОЗИАНА (с пониманием). Послушай... Если ты пойдешь спать, я сниму ночную сорочку...

АЛЬФОНС. Мне сейчас не до того, поверь.

ЖОЗИАНА. Мне тоже, ты знаешь... Только иногда хорошо сделать усилие. (*Посла паузы.*) О чем думаешь?

АЛЬФОНС. Я боюсь.

ЖОЗИАНА. Чего?

АЛЬФОНС. Знаешь, чем занимается новый жилец?

ЖОЗИАНА. Нет.

АЛЬФОНС. Это мент.

ЖОЗИАНА (*мягко*). Ну и что с того?

АЛЬФОНС (*взрываясь*). Разве тебе не понятно? Во сне я вижу полицейских, а когда просыпаюсь — кто оказывается передо мной? Мент! В моем доме!.. Тебе это не кажется странным?

ЖОЗИАНА. Ты ничего не сделал.

АЛЬФОНС. Вот именно... (*Подумал.*) Я только ставлю вопрос.

В полумраке комнаты Альфонс и Жозиана лежат рядом с раскрытыми главами. Альфонс держит в руке сигарету. Жозиана не спускает глаз с лица мужа. Он озабочен.

ЖОЗИАНА. Неужели я вышла замуж за убийцу?

АЛЬФОНС. Иногда лучше выйти замуж за убийцу, чем за никого. Разве ты не замечала в метро, сколько там рож людей, словно предназначенных для убийства?

ЖОЗИАНА. Нет.

АЛЬФОНС. С ума можно сойти, сколько их...

ЖОЗИАНА. И у меня рожа человека, которого могут убить?

АЛЬФОНС. Постарайся быть осторожной.

ЖОЗИАНА (*выпрямившись*). Ты так считаешь?

АЛЬФОНС (*решительно*). О, да!

ЖОЗИАНА. Ты меня напугал...

АЛЬФОНС. Да нет, нечего пугаться! В конце концов всех нас ждет один конец... Это единственная вещь, которую мы знаем наверняка. Вся проблема заключается в том, чтобы знать, как быстро это случится.

Лестничная площадка и квартира Инспектора. Вечер.

Инспектор открывает дверь.

ИНСПЕКТОР *(с упреком и устало)*. Опять вы!

АЛЬФОНС *(на удивление спокойно)*. Я беспокоюсь. Жена не вернулась. С работы она выходят в шесть часов, а сейчас половина десятого. Я собрал на стол, почистил картофель, а ее нет... Боюсь, не случилось ли с нею чего?

ИНСПЕКТОР *(миролюбиво)*. Вполне возможно... *(Кивком приглашает войти.)* Входите!

Альфонс входит. Инспектор запирает дверь. Потом снимает телефонную трубку.

ИНСПЕКТОР. Это говорит Морвандьо... Привет, Гарданны! Скажите мне, мой маленький Гарданны, какие вечером были совершены нападения. Только женщины... Да, жду.

Пока Инспектор дожидается ответа, Альфонс стоит, склонившись над ним. Помещение по-прежнему освещается переносной лампой. Коробки еще не распакованы. Все как было.

ИНСПЕКТОР *(ему ответили что-то)*. Да. Не кладите трубку... *(оборачивается к Альфонсу и очень сухо спрашивает.)* Коротко стриженная брюнетка, рост метр шестьдесят, родинка на левой груди, шрам после операции по поводу аппендицита, платиновое обручальное кольцо. Это она?

Улица и пустырь. Ночь.

С включенными фарами стоит полицейский фургон «ситроен». Крутится мигалка. Рядом тормозит легковушка «симка». Из нее вылезают Инспектор и Альфонс и идут к фургону навстречу бригадиру в форме.

БРИГАДИР. Шеф! *(Отдает честь.)*

Обмен рукопожатиями.

БРИГАДИР *(указывая на Альфонса)*. Мсье — муж?

ИНСПЕКТОР. Боюсь, что так.

БРИГАДИР *(Альфонсу)*. У вас крепкие нервы?

АЛЬФОНС *(решительно)*. Пошли, пошли!

Все трое идут на пустырь, погруженный в темноту. Впереди — бригадир, освещая дорогу ручным фонариком.

БРИГАДИР. Это тут. Поберегитесь бутылочных осколков.

Цепочка мужчин движется вперед. После нескольких шагов они оказываются перед бесформенной массой. Это труп Жозианы, покрытый плотной белой материей. Один из полицейских приподнимает край. На мгновение мы видим тело Жозианы. Бригадир, Альфонс и Инспектор смотрят на тело.

ИНСПЕКТОР. Это она?

АЛЬФОНС (*пораженный*). Да, она.

ИНСПЕКТОР. Мои соболезнования. (*После паузы.*) У нее ничего не повреждено?

БРИГАДИР. Как обычно... Вы обратили внимание, шеф, на выражение ее лица? (*Все склоняются над телом.*) Похоже, она испытывает глубокое облегчение...

ИНСПЕКТОР. Попробуй догадаться, что она испытывала в такой момент.

Бригадир с умным видом качает головой.

Квартира Альфонса. Ночь.

Альфонс в одиночестве ест суп за столом посередине комнаты. Он по-прежнему в пальто. Звонок в дверь. Альфонс поднимает голову, пребывает некоторое время в нерешительности, затем медленно встает. Закрывает нож и кладет его в карман. После чего идет открыть. В двери видит фигуру человека. Это Убийца, на его лице написана вина, воротник поднят: вид субъекта, которого преследуют.

УБИЙЦА. Вы Альфонс Трам?

АЛЬФОНС. Возможно.

УБИЙЦА (*не давая закрыть дверь*). Мне хотелось бы с вами поговорить.

АЛЬФОНС. О чем?

УБИЙЦА (*тихо*). Ваша жена...

АЛЬФОНС. Вы были с ней знакомы?

УБИЙЦА. Это я ее убил...

АЛЬФОНС (*после некоторых раздумий*). Войдите.

Убийца входит. Альфонс запирает за ним дверь.

АЛЬФОНС. Вы ужинали?

УБИЙЦА (*встав на месте*). Нет...

АЛЬФОНС. У меня остался суп... Хотите?

УБИЙЦА. Не откажусь.

Альфонс доедает свой суп. Убийца хлебает свой, но без особого удовольствия.

АЛЬФОНС. Не вкусно?

УБИЙЦА (*Не очень убедительно*). Напротив...

АЛЬФОНС. Тогда чего вы изображаете человека на похоронах?

УБИЙЦА. Не лезет в глотку...

АЛЬФОНС. Вы расстроены?

УБИЙЦА (*кивнул*). Я думаю о ней.

АЛЬФОНС. О ком?

УБИЙЦА. О вашей жене...

АЛЬФОНС (*почти радостно*). Поступайте, как я, старина, забудьте о ней.

УБИЙЦА. Я не могу ее забыть.

АЛЬФОНС (*сурово*). Ну, знаете... Если бы я вел себя, как вы, мы бы оказались в весьма затруднительном положении!.. Вам надо взять себя в руки... Иначе я вас выброшу за дверь.

Они продолжают сидеть друг против друга.

УБИЙЦА. Я мог бы взглянуть на ее комнату?

АЛЬФОНС. Вы действительно думаете, что это благо-разумно?

УБИЙЦА. Умоляю вас!

Вздыхнув, Альфонс уступает. Он встает.

АЛЬФОНС (*покровительственно*). Я не против. Но предупреждаю: вас это расстроит...

Входят в спальню. Здесь царит беспорядок. Постель не убрана. Горит ночник.

АЛЬФОНС. Не обращайте внимания на беспорядок.

У Убийцы восторг на лице, словно он попал в пещеру Али-Бабы. Он с воодушевлением разглядывает комнату.

УБИЙЦА. У нее не было личных вещей?

АЛЬФОНС. Самое необходимое. (*Оглядев комнату, берет с полки маленькую коробку.*) Возьмите... Тут ее тушь для ресниц... (*Отдает коробку.*) Можете обнаружить что-нибудь интересное в ванной...

УБИЙЦА (*разглядывая коробку с тушью*). Это была очень несчастная девушка...

АЛЬФОНС (*резко*). Я не успел что-либо сделать для нее.

Продолжая осмотр. Убийца подходит к шкафу.

УБИЙЦА. Тут ее одежда?

АЛЬФОНС. О, не Бог весть что...

С трудом сдерживая волнение, Убийца почтительно открывает дверцу шкафа. Он почти пуст. Рядом висят только платье и костюм. Убийца снимает платье. Оно белое с небольшой отделкой.

УБИЙЦА. Свадебное?

АЛЬФОНС. Да... Потом для двух сочельников... Потом для другой свадьбы — подружки по работе...

УБИЙЦА (*внимательно разглядывая платье*). Она сильно потела?

АЛЬФОНС. Знаете, брюнетки во время танцев...

УБИЙЦА. Она любила танцевать!

АЛЬФОНС. Как все женщины...

Залезает в карман пальто.

УБИЙЦА. Бедняжка...

АЛЬФОНС. Возьмите. (*Достает из бумажника фотографию.*) Это довольно приличная ее фотография.

Показывает фото Убийце и жестом дает понять, что тот может его взять.

УБИЙЦА (*рассыпаясь в благодарностях*). О, спасибо! Спасибо!

АЛЬФОНС (*взволнованно*). Во взгляде можно прочесть печаль...

УБИЙЦА (*с дрожью в голосе и с упреком*). И вы позволяли ей ходить по пустынному пригороду...

АЛЬФОНС. Я просил ее быть осторожной...

Звонок в дверь.

УБИЙЦА (*отступая*). Кто это?

АЛЬФОНС. Не шевелитесь.

Оставив Убийцу в спальне, он засовывает бумажник в карман и идет открывать. Это Инспектор с бутылкой вина.

ИНСПЕКТОР. Я вас потревожил?

АЛЬФОНС. Напротив.

Убийца наблюдает через щель раздвижной двери, Альфонс идет к нему.

АЛЬФОНС. Можете выйти. Это друг.

УБИЙЦА (*обеспокоенно*). Вы уверены?

АЛЬФОНС (*убедительно*). Конечно!.. Это инспектор полиции!

УБИЙЦА (*с облегчением*). Ну, тогда куда ни шло...

Оба присоединяются к Инспектору, который раскупоривает бутылку.

АЛЬФОНС (*Инспектору*). Разрешите представить вам убийцу моей жены.

Инспектор вынимает пробку с легким щелчком. После чего выпрямляется и пожимает руку Убийце.

ИНСПЕКТОР. Очень приятно...

Усаживаются за стол: Альфонс справа, Убийца напротив, Инспектор слева.

АЛЬФОНС. Как прошел день?

ИНСПЕКТОР. Сплошная рутина.

УБИЙЦА. Много убийств в настоящее время?

ИНСПЕКТОР. Слава Богу, немало.

УБИЙЦА. И вам удастся задержать всех преступников?

ИНСПЕКТОР. Ну, зачем же... Убийца куда менее опасен на свободе, чем о тюрьме.

АЛЬФОНС. Почему?

ИНСПЕКТОР. Потому что в тюрьме он заражает невиновных.

Звонок в дверь. Альфонс медленно встает.

АЛЬФОНС. Понятия не имею, кто бы это мог быть!

ИНСПЕКТОР. Вероятно, кто-то ошибся. В этих проклятых башнях людям нетрудно заблудиться.

УБИЙЦА (*поднимаясь*). Лишь бы не оказалась женщина...

В дверях появляется мужчина лет пятидесяти, с бородкой, respectable вида. Это Свидетель.

СВИДЕТЕЛЬ. Я помешал?

АЛЬФОНС. С кем имею честь?

СВИДЕТЕЛЬ (*таинственно*). Мое имя вам ничего не скажет. Зато я хотел бы поговорить с вами об интересующем вас деле.

АЛЬФОНС. Со мной?

СВИДЕТЕЛЬ. Да, с вами.

АЛЬФОНС. Входите!

Присутствующие оглядывают вновь пришедшего.

ИНСПЕКТОР. Хотите вина?

СВИДЕТЕЛЬ. Охотно.

Без всяких церемоний он усаживается на место Альфонса. А тот занимает место в своем любимом кресле. Он задумчив. Свидетель выпивает рюмку и с беспокойством оглядывает своих соседей. Затем решительно склоняется в сторону Альфонса.

СВИДЕТЕЛЬ. Я был в переходе метро в тот вечер, когда вы пёрнули безоружного человека ножом.

АЛЬФОНС. В самом деле?

СВИДЕТЕЛЬ (*с видом знатока*). Ловко сработано... Незаметно... Быстро... Поздравляю... «Вот, — подумал я, — парень, знающий толк в своем деле... Пойду-ка за ним, чтобы узнать, где он живет».

АЛЬФОНС. Это не я убил.

СВИДЕТЕЛЬ. В самой деле?

АЛЬФОНС. У меня украли нож.

СВИДЕТЕЛЬ. В таком случае, почему этот нож лежит на вашем столе? Мы ведь имеем в виду один и тот же нож?

Берет нож и показывает его Альфонсу.

АЛЬФОНС (*вырывая нож из его рук*). Не смейте играть с ним!

Инспектор вытаскивает пистолет и направляет на Свидетеля.

ИНСПЕКТОР. Имею честь сообщить, что я инспектор полиции и что при малейшей попытке шантажа я вас арестую.

СВИДЕТЕЛЬ (*обиженно*). Ни о каком шантаже и речь не идет!

УБИЙЦА. Давайте покороче... Наш друг потерял жену, ему нужен покой.

СВИДЕТЕЛЬ. Примите мои соболезнования.

АЛЬФОНС. Продолжайте.

СВИДЕТЕЛЬ. Вы вполне можете оказать мне... небольшую услугу.

АЛЬФОНС. Какого рода?

СВИДЕТЕЛЬ. Если еще раз пустите в ход свой нож столь же эффективно и быстро.

ИНСПЕКТОР (*с облегчением водворяя на место пистолет*). Вы меня напугали.

СВИДЕТЕЛЬ. Я очень смущен.

УБИЙЦА. Простите нашу подозрительность... Ведь такие времена настали...

СВИДЕТЕЛЬ. Вы абсолютно правы.

УБИЙЦА. Убить надо мужчину или женщину?

СВИДЕТЕЛЬ. Мужчину.

УБИЙЦА (*с сожалением*). Это не по моей части...

АЛЬФОНС (*возмущенно выпрямляясь*). Пришли не к тебе, а ко мне!

УБИЙЦА. Ну и что с того? Имею я право поинтересоваться?

ИНСПЕКТОР (*примирительно*). Господа... господа, пожалуйста!

УБИЙЦА (*с горечью*). Когда не можешь сделать жену счастливой...

АЛЬФОНС (*агрессивно*). Не смей трогать мою жену!

УБИЙЦА (*стукнув рукой по столу*). Я буду ее трогать столько, сколько захочется!

ИНСПЕКТОР (*крича*). Да перестаньте вы, черт побери! (*Свидетелю*.) Извините их, мсье... У них нервы взвинчены... Прошу вас, продолжайте...

СВИДЕТЕЛЬ. Вот ключ от подземного гаража. (*Показывает ключ Альфонсу*.) Тот человек приезжает в девятнадцать тридцать на своей зеленой «вольво» под номером 292 ВХ 74. Это на улице Амеде Кузен, дом 33-бис. Вы знаете, где находится улица Амеде Кузен?

АЛЬФОНС (*грубо выхватив у него ключ*). Найдем.

СВИДЕТЕЛЬ. Вот и прекрасно... Вы освободите меня от кошмара... Этот подлец отравил мне жизнь... Мне и жене.

АЛЬФОНС (*угрожающе*). Тогда он поплатится за это.

СВИДЕТЕЛЬ (*вставая*). Я верно делаю, что не предлагаю вам денег?

АЛЬФОНС. Разумеется... Между нами должна быть полная ясность.

СВИДЕТЕЛЬ (*с благодарностью*). Позвольте пожать вам руку.

Жмут друг другу руки.

Подземный гараж. Полумрак.

Убийца. Инспектор и Альфонс следят за въезжающими машинами.

УБИЙЦА. Впервые увижу, как умирает мужчина.

ИНСПЕКТОР. Я тоже. Обычно я прибываю слишком поздно...

АЛЬФОНС (*нетерпеливо*). Он опаздывает.

ИНСПЕКТОР. Плохая погода...

АЛЬФОНС. Тс-с!

Все трое прячутся за стоящей машиной. На втором плане медленно съезжает вниз по пандусу машина. Она тормозит на своем месте слева от них. Ее фары освещают кузов машины, за которой прячутся трое мужчин.

Альфонс и Инспектор выпрямляются. К ним подходит Убийца.

АЛЬФОНС. Это «вольво»?

ИНСПЕКТОР. Похоже...

Альфонс выпускает лезвие ножа. Инспектор вынимает револьвер, а Убийца хрустит пальцами. Вид у них угрожающий. Стараясь не выдавать свое присутствие, троица передвигается цепочкой. Альфонс прячется за огромной колонной.

Водитель выходит из машины и запирает ее. Альфонс появляется из темноты и тихо направляется к нему. Схватив человека за ворот пиджака, подносит к его лицу нож. Это Свидетель. Альфонс удивленно отступает. К нему присоединяются Убийца и Инспектор и тоже, пораженные, застывают на месте.

АЛЬФОНС. Это что еще за бардак?

СВИДЕТЕЛЬ (*невозмутимо*). Не забывайте, что должны выполнить соглашение.

ИНСПЕКТОР. Ты нас надул.

АЛЬФОНС (*пряча нож*). Я не могу убить человека, с которым только что чокался.

В гараж въезжает новая машина.

СВИДЕТЕЛЬ (*театральным тоном*). Слишком поздно. (*Улыбаясь.*) Механизм запущен.

Среди троицы паника. Они заталкивают в «вольво» Свидетеля и набиваются туда же. Рядом паркуется машина.

Внутри «вольво» Альфонс сжимает горло Свидетеля.

СВИДЕТЕЛЬ. Я жду, когда вы пустите в ход нож.

АЛЬФОНС (*зажимая ему рот рукой*). Заткнись! Умрешь позднее!

Свидетель пытается кричать. Из соседней машины вылезают приехавшие. Но им не слышен крик Свидетеля, который освобождается от руки Альфонса.

СВИДЕТЕЛЬ *(кричит)*. На помощь!

АЛЬФОНС. Ну что за мудак!

ИНСПЕКТОР *(со своего сиденья)*. Ты либо заткнешься, либо я буду стрелять.

Он схватил Свидетеля за нос, сильно ущипнул, угрожая ему револьвером.

СВИДЕТЕЛЬ *(задыхаясь)*... Ну ладно... ладно... ладно!

Альфонс, Инспектор и Убийца, видя, как удаляются приехавшие в машине, с облегчением вздыхают и вылезают из «вольво».

УБИЙЦА. Ну, такое я ввек не забуду!

Он заглядывает в машину. Свидетель недвижим. Троица замирает на месте, начиная догадываться о том, что случилось.

ИНСПЕКТОР. Этот мудак помер. *(Наклоняется над телом Свидетеля.)* Придется соблюсти формальности!.. Давай документы! *(Альфонс достает документы убитого и протягивает Инспектору, который громко читает.)* Эжен Леонар... Улица Амеде Кузен, дом 33-бис. Это здесь?

АЛЬФОНС. Да.

ИНСПЕКТОР *(властно)*. Следуйте за мной.

Холл дома. Вечер.

Трое мужчин входят в холл зажиточного дома в зеркалах. Бросаются к почтовым ящикам и изучают имена жильцов.

ИНСПЕКТОР. Леонар?.. Пятый этаж.

Устремляются вверх по лестнице.

Площадка пятого этажа. Вечер.

Все трое стоят перед дверью. Инспектор нажимает на звонок. Раздается двухтонный колокольчик. Отступают на шаг. И тотчас дверь открывает красивая, лет сорока, ничуть не удивленная женщина. Она в трауре. С вуалеткой.

ИНСПЕКТОР. Добрый вечер, мадам! Полиция! Вашего мужа только что убили в подвале... паркинга.

ВДОВА (*очень светски*). Я вас ждала. Я готова. Чемодан собран. Мне нужны еще две минуты, чтобы выключить газ и свет.

Хочет этим заняться.

ИНСПЕКТОР (*пораженный*). Куда же вы собрались?..

ВДОВА. Об этом я хотела бы узнать у вас. Муж сказал: «Они меня кокнут и поднимутся наверх... Не заставляй их ждать... Будь готова». Вот я и готова!

Холл дома вдовы. Вечер.

В сопровождении оживленной вдовы трое мужчин спускаются вниз. Нагруженный вещами Альфонс вместе с другими выходят из дома.

Машина, Инспектор и пригород. Ночь.

Инспектор за рулем своей «симки». Вдова на месте убитого. Остальные сзади.

ИНСПЕКТОР. Ну, что прикажете с вами делать?

ВДОВА (*очень раскованно*). Это ваша проблема... Вы убили моего мужа, извольте теперь обо мне заботиться. Я охотно буду носить траур, но голодать — ни-ни!

Улица. Издали подъезжает машина Инспектора. Горят фары. Внутри машины включается радиотелефон.

РАДИОТЕЛЕФОН. Вызываем все машины! Вызываем все машины!

ИНСПЕКТОР (*снимая трубку*). Морвандьо слушает.

РАДИОТЕЛЕФОН. Крамер обнаружен. Крамер обнаружен. Направляется из района Огюст Бланки в сторону улицы Теодора Ботереля. Дело первостепенной важности!

ИНСПЕКТОР. Принято!

На перекрестке «симка», визжа тормозами, делает разворот и на полной скорости устремляется в новом направлении.

АЛЬФОНС. Что случилось?

ИНСПЕКТОР. Срочное дело.

Улица Крамера. Ночь.

Въехав на улицу, по краям которой выстроились особняки и старые фонари, «симка» останавливается. Инспектор выключает мотор и гасит фары. Все вылезает из машины. Вокруг все тихо. Внезапно Инспектор останавливается, взводит курок пистолета и, держа его обеими руками, кричит.

ИНСПЕКТОР. Руки вверх, Крамер! Это я! Не смей двигаться, Крамер!

К ним направляется подозрительного вида человек.

ИНСПЕКТОР. Это я! Морвандьо!

Инспектор и его друзья, слегка напуганные, отступают. И тогда человек падает на мостовую. В его спине торчит нож. Четверка во главе с Инспектором подбегает к нему. Все склоняются над телом.

ИНСПЕКТОР. Что за черт! Это не Крамер. *(Достав документы жертвы, изучает их.)* Инспектор Каванн!.. Вот дьявол!.. Ошибка получилась.

Квартира Альфонса. Ночь.

Помещение почти в полной темноте. Дверь на лестницу открыта. Альфонс и его спутники подходят к маленькому столику посередине салона. Совершенно обессиленный, Альфонс бросает на паркет огромный чемодан. Инспектор наполняет рюмки. Альфонс зажигает свет. Все стоя чокаются и выпивают. Инспектор ставит рюмку.

ИНСПЕКТОР *(пожимая руку Альфонса)*. Спокойной ночи, старина!

АЛЬФОНС. Уже уходите?

ИНСПЕКТОР. Да.

Уходит.

УБИЙЦА. Неужели не выпьем еще по одной?

ИНСПЕКТОР *(не оборачиваясь)*. Нет. С меня хватит. *(Покидает квартиру.)*

УБИЙЦА. Выпьем по последней!

ВДОВА. Кажется, уже поздно.

УБИЙЦА *(разочарованно ставит рюмку и старается догнать Инспектора.)* Подождите меня!

Лестница. Ночь.

Убийца старается догнать Инспектора.

УБИЙЦА. Подождите меня!

ИНСПЕКТОР (*выглядывая из-за последней колонны*). Что случилось?

УБИЙЦА. Не могу ли я... переночевать у вас?

ИНСПЕКТОР. У меня? Почему?

УБИЙЦА. Печень разболелась...

ИНСПЕКТОР. Только не ждите особого комфорта. Исчезают на лестнице.

Квартира Альфонса. Ночь.

Вдова и Альфонс остались на своих местах. Вдова снимает вуалетку.

АЛЬФОНС. Предупреждаю, я хочу спать. У меня в жизни сейчас все идет наперекосяк. Мне нужно отдохнуть.

ВДОВА (*примирительно*). Никто не мешает вам спать... Только покажите, где я могу разложить свои вещи.

Входят в спальню. Альфонс тащит тяжелый чемодан. Вдова зажигает свет.

Альфонс открывает шкаф, в котором по-прежнему висит единственное платье Жозианы. Оглядев Вдову, падает на постель. Вдова кладет вуалетку в шкаф, затем снимает черное пальто, под которым оказывается черное платье с большим вырезом. Альфонс, по-прежнему в пальто, следит за ней краем глаза. Вдова открывает свой роскошный чемодан-шкаф, вынимает из него маленькую сумку и направляется в ванную. Зажигает свет и располагается там.

Альфонс, который следил за ней, поднимается и прислушивается. Слышно, как Вдова расставляет свои флакончики и тюбики. Затем возвращается. Вынимает из чемодана красивую серебряную рамку с портретом мужа. Видеть это Альфонсу неприятно. Он встает и с интересом глядит на Вдову, которая берет маленькую сумочку и опять идет в ванную.

ВДОВА (*по пути в ванную*). Вы спите в пальто?

АЛЬФОНС (*не очень уверенно*). Да... нет... в общем... нет.

Вдова входит в ванную и ногой захлопывает дверь. Альфонс слышит, как она пустила воду. Быстро снимает пальто и свитер и гасит свет. В темноте стаскивает один ботинок.

В полутьме Вдова медленно выходит из ванной, погасив там свет. Затем забирается в постель.

ВДОВА. Надеюсь, вы не храпите...

АЛЬФОНС. Нет... Думаю, нет...

ВДОВА. Доброй ночи.

АЛЬФОНС (*обернувшись*). Доброй ночи.

ВДОВА. Если вы услышите, что я рычу среди ночи, не пугайтесь. Мне иногда снятся кошмары...

АЛЬФОНС (*резко обернувшись к ней*). Мне тоже...

ВДОВА (*с интересом*). В самом деле?

Посреди ночи Альфонс просыпается весь в поту. Он сидит на постели, тяжело дыша и пристально глядя вперед. Слышен щелчок. Это Вдова взвела курок пистолета. Направляет его на Альфонса, который не может прийти в себя.

ВДОВА (*игриво*). Вам страшно?

АЛЬФОНС (*отодвигаясь*). Да...

Альфонс стоит на коленях на постели. Вдова целится в него. Ближе подходит к нему.

ВДОВА. Овладейте мной.

АЛЬФОНС (*несколько успокоившись*). Да... Это я могу сделать.

ВДОВА (*лихорадочно*). Да, да. Скорее! Сделайте меня своей любовницей.

АЛЬФОНС. Сейчас, сейчас.

ВДОВА. Я страшно возбуждена.

АЛЬФОНС (*отнюдь не возбужденным голосом*). Ну вот, и у меня тоже начинается...

Страстно бросаются в объятия друг друга.

ВДОВА (*задыхаясь*). Если я стану кричать в ваших объятиях, не пугайтесь, это значит, я начинаю оргазмировать.

АЛЬФОНС. Можете чувствовать себя совершенно свободно — в башне практически никто не живет...

ВДОВА. Господи... Я предчувствую, что с нами случится нечто прекрасное...

АЛЬФОНС (*занудно*). Столь прекрасное, что, может быть, не мешает немного обождать?

ВДОВА (*истерически*). Нет, нет! Сейчас же!

АЛЬФОНС. Сейчас же?

ВДОВА (*обнимая его за шею*). Да! Сейчас же!

В момент, когда они страстно обнимаются, раздается звонок в дверь. Альфонс поднимает голову.

ВДОВА (*продолжая обнимать его за шею*). Вы кого-то ждете?

АЛЬФОНС. Никого.

ВДОВА. Это не ваша жена?

АЛЬФОНС (*раздраженно*). Да нет же! Она умерла.

ВДОВА. Тогда кто это?

АЛЬФОНС. Не знаю.

ВДОВА. Мы ничего не слышали... Продолжим... Вы меня целовали...

АЛЬФОНС. Да... Верно.

Он страстно целует ее. Вдове это почему-то не нравится. Оба выпрямляются.

ВДОВА. Нет, прошу вас, не так... Мы не машины...

АЛЬФОНС. Простите, я сбит с толку. Сознание того, что кто-то стоит за дверью, мешает мне, ничего не могу поделать!

ВДОВА (*обреченно*). Ладно... Идите и откройте.

В полумраке Альфонс встает, натягивает на себя пальто. Вдова с расстроенным видом ложится. Альфонс закрывает раздвижную дверь.

АЛЬФОНС (*пересекая салон*). Да, да! Иду!

Открывает дверь. Перед ним Инспектор я Убийца.

ИНСПЕКТОР (*в ярости заталкивает Убийцу в квартиру*).

Вот! Я привел вам вашего приятеля. Оставьте его себе и делайте с ним, что хотите. Не могу вынести, как он кружит, кружит, кружит по комнате. Мне бы хотелось поспать хоть часок...

Уходит.

АЛЬФОНС. Да, но я занят...

Лестница. Ночь.

ИНСПЕКТОР (*с лестницы*). Выпутывайтесь, старина, как хотите. Я встаю в семь часов, чтобы отправиться в комиссариат.

Исчезает.

Лестничная площадка и квартира Альфонса. Ночь.

Альфонс враждебно смотрит на Убийцу.

АЛЬФОНС (*возвращаясь в квартиру*). И сколько времени ты собираешься меня доставать? А? Почему бы тебе не отправиться домой?

УБИЙЦА. Домой! Домой! А кто меня проводит туда?

АЛЬФОНС (*раздраженно*). Так тебя еще надо провожать?

УБИЙЦА. Не позволите же вы отправиться мне одному по пустынному городу в три часа ночи? Ведь сейчас так неспокойно!

АЛЬФОНС. Ты боишься своей тени?

УБИЙЦА. Вот именно! В точку попал!.. Я боюсь своей тени. Со мной всегда что-нибудь происходит... К несчастью, за мной всегда следует что-то черное и толкает на всякие гадости!

АЛЬФОНС (*повернувшись к нему*). Тогда избегай фонарей — будешь чувствовать, что вокруг одна тьма.

УБИЙЦА (*очень спокойно*). Ладно. Спасибо за совет! Не стану больше беспокоить... Я ухожу... Привет!

Выходит. Альфонс собирается закрыть дверь, но Убийца не позволяет ему это сделать и устремляется в квартиру.

УБИЙЦА (*вопит*). Только если в утренней газете вы прочтете обо мне, не удивляйтесь! Я умываю руки! (*Жестом показывает, что умывает руки*). Ответственность ляжет на вас. Я пошел — один. Быстрым шагом уходит.

АЛЬФОНС (*выбежав на лестничную площадку*). Обожди, пожалуйста, секунду!

Лестница в башне. Ночь.

Лестница. Замечаем спрятавшегося там Инспектора. Он прислушивается к перепалке.

УБИЙЦА. В чем дело?

АЛЬФОНС. Я сказал «секунду».

Квартира Альфонса. Ночь.

Схватив Убийцу за шиворот, Альфонс тащит его к себе.

АЛЬФОНС. Ты побудешь здесь, а я подумаю, что могу для тебя сделать.

Оставляет Убийцу посреди комнаты. Слышны вопли Вдовы. Мужчины устремляются в спальню. Вдове снятся кошмары. Голова ее мечется на подушке, она тяжело дышит, лицо искажено страхом, она стонет, кричит. Мужчины успокаивают ее. Убийца при этом входит во вкус, расточая свои ласки.

АЛЬФОНС (*убийце*). Перестань, перестань же... (*Убийца не оставляет женщину. Альфонс настаивает.*) Идем! Я провожу тебя!

Ташит за собой Убийцу, который вынужден оставить свою добычу.

Мостовая перед домом. Ночь.

Альфонс и Убийца идут по пустынной мостовой. Сзади них осталась башня.

УБИЙЦА. Ты поступаешь, как настоящий друг... Если было бы побольше таких, как ты, случилось бы меньше несчастий.

АЛЬФОНС (*нетерпеливо*). Да. Поторопись немного, пожалуйста.

УБИЙЦА. Дрейфишь?

АЛЬФОНС. Да нет!.. Ничуть!.. Но теперь в моей жизни появилась новая женщина, понимаешь? И она ждет меня!

УБИЙЦА. А ты запер дверь на ключ?

АЛЬФОНС. Нет...

УБИЙЦА. Напрасно...

Улица. Ночь.

Оба бегом устремляются в темную улочку, минуя бетонный переход, на котором прикреплена афиша.

АЛЬФОНС. До тебя еще далеко?

УБИЙЦА. Пятьсот метров... Первая налево, вторая направо — и мы на месте.

АЛЬФОНС. Тогда поспеши!

УБИЙЦА. Не говори так громко!

АЛЬФОНС. Почему?

УБИЙЦА. Во всех домах спят женщины...

АЛЬФОНС. Не болтай ерунду! Тут нет домов. Быстрее!

Немного подальше. Оба идут быстрым шагом. Перед воротами виллы Убийца останавливается. Затем с заговорщическим видом заставляет Альфонса остановиться тоже.

АЛЬФОНС. Это здесь?

УБИЙЦА. Да.

АЛЬФОНС (*сделав полуоборот*). Тогда привет!

УБИЙЦА (*схватив его за рукав*). Нет-нет... Подожди еще немного.

АЛЬФОНС. Почему? Ты у своего дома или нет?

УБИЙЦА (*застенчиво*). Но надо пройти еще через сад.

АЛЬФОНС. Да ты похуже девчонки. Может, хочешь, чтобы я тебя взял на ручки?

УБИЙЦА (*умоляюще*). Не будь свиньей...

АЛЬФОНС (*великодушно*). Ну ладно. Поторопись только. (*Дружески похлопывает его.*) Считаю до десяти. А затем смываюсь.

Пока Альфонс оглядывает окрестности, Убийца медленно, стараясь не шуметь, открывает ворота. Осторожно входит в сад. Альфонс наблюдает за ним. Убийца в страхе оборачивается.

УБИЙЦА. Ты следишь за мной, а? Не спускаешь глаз?

АЛЬФОНС (*теряя терпение*). Ты получишь под зад, если будешь продолжать в том же духе.

Убийца поднимается по крыльцу на цыпочках. В последний раз оглядывается на Альфонса. Затем вытаскивает из кармана связку ключей. Огромную. Десятков шесть всех размеров. И вставляет один в замочную скважину. Альфонс наблюдает за ним с улицы.

Сделав знак Альфонсу не шуметь, Убийца открывает дверь и проникает в дом. После чего осторожно прикрывает дверь.

Альфонс удаляется. Хлопает дверь. Раздается крик. Альфонс бегом возвращается назад. Он остается у ворот, пока на крыльце разговаривают Убийца и кто-то еще.

Красный от гнева мужчина сбрасывает Убийцу вниз. На нем майка и пижамные брюки. У него здорово мохнатая грудь.

КАМЕНЩИК (*с южным акцентом*). Я тебе покажу, где раки зимуют! Сейчас сам убедишься... Забудешь, как щекотать!

УБИЙЦА (*лежа на земле*). Извините, мсье... (*Неловко поднимается.*) Я вас принял за женщину.

Каменщик в ярости спускается по ступенькам крыльца.

КАМЕНЩИК. Ага! Значит, я смахиваю на женщину?

УБИЙЦА (*видя, что приходит его последний час*). Нет... Не совсем так... Но, знаете, в темноте... под одеялом... округлости тела...

КАМЕНЩИК (*по-прежнему с угрожающим видом*). Когда кладешь руку на зад, следует как следует присмотреться, малыш! Не дай Бог, схватишь не то, что надо — такую взбучку получишь!..

Произнося каждую фразу, он толкает Убийцу в грудь. Тогда Альфонс, стоявший у решетки, приходит на помощь другу.

АЛЬФОНС (*повысив голос*). А ты потише, потише! Достаточно! (*Подходит к ним.*) Мсье извиняется. Это печальное недоразумение... Все ведь приходят домой, чтобы лечь спать... Инцидент исчерпан.

Схватив Убийцу за плечо, выталкивает его за ограду.

АЛЬФОНС (*словно выговаривая провинившемуся мальчишке*). Иди же! Я еще с тобой поговорю!

И они быстрым шагом удаляются. Между тем Каменщик выходит на улицу и окликает их.

КАМЕНЩИК (*сердечным тоном*). Эй, а вы не хотели бы выпить что-нибудь?

АЛЬФОНС (*оборачивается и делает несколько шагов в сторону Каменщика*). Нет, спасибо... Мы не ломаемся...

Убийца тоже подходит.

УБИЙЦА. Вы не знаете в округе одинокую женщину?

КАМЕНЩИК (*подойдя к ним*). Одинокую? Дайте вспомнить... (*Подумав немного.*) Тут рядом есть одна... Если вы не имеете ничего против зрелых женщин...

АЛЬФОНС. А что вы понимаете под словом «зрелых»?..

КАМЕНЩИК. Ну, скажем, женщина, которая будет варить вам варенье.

УБИЙЦА. Она совсем одна?

КАМЕНЩИК. Совершенно... Разведенка.

УБИЙЦА. А собаки у нее нет?

КАМЕНЩИК. Нет-нет. Когда-то была, давно. Они расстались.

АЛЬФОНС. Почему?

КАМЕНЩИК. Та ее кусала.

УБИЙЦА. Она ее усыпила?

КАМЕНЩИК. Да, да. Она это тяжело перенесла.

Второй особняк. Ночь.

Убийца открывает входную дверь и проникает в вестибюль. Альфонс следует за ним. Разговаривают шепотом.

УБИЙЦА. Альфонс!

АЛЬФОНС. В чем дело?

УБИЙЦА. Послушай... Ты вел себя со мной классно... Так вот, эта женщина твоя, я делаю тебе подарок.

АЛЬФОНС. Но я не хочу!

УБИЙЦА. Доставь мне удовольствие!.. Соглашайся! Иначе я никогда не посмею прийти к тебе...

АЛЬФОНС. А ты что будешь делать?

УБИЙЦА. Прогуляюсь.

АЛЬФОНС. А твоя тень?

УБИЙЦА. Постараюсь держать руки в карманах.

Альфонс поднимается по лестнице. Достигает площадки второго этажа. В его руке нож. Осматривается. Тишину нарушает тиканье часов. Направляется к одной из комнат.

Изнутри комнаты мы видим, как дверь тихо открывается. Слышен звук взведенного курка. На постели сидят мужчина и женщина лет пятидесяти. Пока мужчина держит Альфонса на мушке, женщина звонит по телефону.

МУЖЧИНА. Если сделаешь хоть шаг, я отправлю тебя в больницу!

ЖЕНЩИНА (*по телефону*). Он только что вошел в комнату, в руках нож, поторопитесь! Муж приглядывает за ним.

АЛЬФОНС (*стоя в дверях*). Мне сказали, что вы разведены!

МУЖЧИНА. Мы были разведены! Но за неимением лучшего решили снова сойтись! Больше мы не расстанемся.

Улица. Ночь.

По улице, как затравленный, бежит Альфонс. Вслед ему раздаются выстрелы.

Тротуар перед башней. Ночь.

Альфонс продолжает бег посередине тротуара.

Квартира Альфонса. Ночь.

Альфонс входит, не зажигая свет. Затем поспешно идет в спальню. Задыхаясь, останавливается у постели. Она в беспорядке и пуста.

АЛЬФОНС. Но где она? Где она?

Заглянув в ванную, никого там не обнаруживает.

Лестница башни и площадка. Ночь.

Добравшись до квартиры Инспектора, Альфонс стучит в нее. Дверь отрывается. У Инспектора растерянный вид.

ИНСПЕКТОР. Что случилось?

АЛЬФОНС. Вдова пропала.

ИНСПЕКТОР. А мне-то что до этого?

АЛЬФОНС. Вы ее видели?

ИНСПЕКТОР. Нет! Я спал!.. Попробуйте уснуть. Уж сами выпутывайтесь с вашими бабешками.

Щелкает дверью. Альфонс остается один.

АЛЬФОНС (*разгневанно кричит*). Вы бы могли позвонить в свой комиссариат. Может, с ней что-то случилось.

Квартира Инспектора. Ночь.

Инспектор возвращается в комнату.

ИНСПЕКТОР (*минуя салон*). Я не намерен всю ночь рыскать по пустырям.

Слышны всхлипывания женщины.

ИНСПЕКТОР. Я тут... Не бойтесь!

Квартира Альфонса. День.

В великолепном черном пеньюаре Вдова готовит в кухоньке еду и несет ее Альфонсу, который еще спит в постели. Накло-

нившись над ним, она некоторое время рассматривает его. Альфонс просыпается и удивленно смотрит на нее.

ВДОВА. Хорошо спал, мой дорогой?

АЛЬФОНС. Неплохо.

Вдова ставит ему поднос.

ВДОВА. Кошмары не мучили?

АЛЬФОНС. Как обычно... А вас? (*Поправляя себя*). А тебя?

ВДОВА. Немного беспокоили. (*Встает и подходит к нему ближе. Наливает кофе.*) Тебе с молоком?

АЛЬФОНС (*с отвращением*). О нет! Черный, черный! Который час?

ВДОВА. Семь. Слышишь шум на улице? (*Тот прислушивается, глотая кофе*). Ты любишь меня?

АЛЬФОНС (*повернувшись к ней*). Да.

Собирается снова пить.

ВДОВА. Я тебя не разочаровала?

АЛЬФОНС (*ставит недопитую чашку и с удивлением смотрит на вдову*). Нет... Пьет.

ВДОВА. Я не очень кричала?

АЛЬФОНС. О, нет-нет...

ВДОВА. Благодаря тебе я совершила прекрасное путешествие...

АЛЬФОНС. Куда же?

ВДОВА. В твоих объятиях, любовь моя...

Берет гренку и начинает намазывать ее маслом.

АЛЬФОНС. Тем лучше!

ВДОВА. Я думала, что умираю раз десять. Хочешь варенье?

АЛЬФОНС. Да.

ВДОВА. Апельсиновое?

АЛЬФОНС. Красное! Красное! Она накладывает варенье.

**Лестничная площадка Инспектора и лестница башни.
Вечер.**

Темно. Альфонс решительно стучит в дверь квартиры Инспектора. Тот открывает.

АЛЬФОНС. Женеьеве плохо!

ИНСПЕКТОР. Что с ней?

АЛЬФОНС (*в панике*). Не знаю... Температура!

Отстранив Альфонса, Инспектор отправляется к нему. Быстро спустившись по лестнице, оба вбегают в квартиру, в этот момент появляется идущий снизу Убийца и следует за ними.

УБИЙЦА. Что-то случилось?

Квартира Альфонса. Вечер.

Вдова лежит в постели в испарине, с лихорадочно блестящими глазами. Похоже, сильно страдает. Задыхается.

ВДОВА. Шарль... Венсан... Марсель... Роже... Люсьен...

Трое мужчин стоят у ее изголовья.

ИНСПЕКТОР. У нее сильная лихорадка.

УБИЙЦА. Вы ей дали яд?

АЛЬФОНС (*оскорбленно*). Конечно, нет!

ИНСПЕКТОР (*обратив внимание на Убийцу*). А вы что тут делаете?

УБИЙЦА. Меня мучили дурные предчувствия.

ИНСПЕКТОР. В нашем квартале есть врач?

АЛЬФОНС. Разумеется, нет.

ИНСПЕКТОР. Тогда надо вызвать «скорую».

На темной площадке трое мужчин встречают врача. Это молодой человек с очками в оправе и коротко остриженными волосами, запыхавшийся после подъема на шестой этаж. Разглядывает их.

ВРАЧ. Кто болен?

АЛЬФОНС. Это здесь.

Указывает на дверь в квартиру, куда все четверо входят и выстраиваются, кто как, вокруг постели. Врач вынимает стетоскоп и начинает обследовать Вдову.

ВДОВА (*продолжая бредить*). Патрик... Мишель... Пьер... Жан... Жак... Эрик... Патрис... Эмиль...

ВРАЧ (*очень ласково*). Я тут, я тут.

УБИЙЦА. Сердце еще бьется?

ВДОВА. Альбер...

ВРАЧ. Похоже!

ВДОВА. Стефан... Луи... Жан...

АЛЬФОНС (*обеспокоенно*). Это серьезно?

Врач выпрямляется.

ВРАЧ. Прошу оставить меня одного с больной.

Трое мужчин выходят. Альфонс двигает дверь-гармошку. Инспектор направляется к столу, раскупоривает бутылку и наполняет стаканы.

ИНСПЕКТОР. Увидите, она выкарабкается!

УБИЙЦА. Разумеется... Это крепкая женщина.

АЛЬФОНС (*с чувством обняв за плечи своих друзей*). Как хорошо, что вы у меня есть!

Тем временем в спальне Врач поспешно снимает пиджак и стягивает брюки.

ВРАЧ. Ну я тебе покажу, дрянь ты эдакая! Я тебя не упущу!

Вскакивает на постель и целует ее в засос. Находящиеся в соседней комнате вдруг начинают догадываться, чем он занимается. Они смотрят в сторону спальни, откуда доносятся сладострастные женские крики и рычание мужчины.

В темном салоне Инспектор и Альфонс сидят на отдалении друг от друга.

Врач выходит из спальни с очень достойным видом, держа в руке свой чемоданчик. Садится за стол, уставленный распитыми бутылками, напротив Альфонса, словно ничего не произошло.

ВРАЧ. Вирусный грипп, ничего серьезного. (*Вынув из чемоданчика рецепты, начинает их заполнять.*) Будете делать ей ледяные ванны с горчичной мукой. Держите ее несколько дней в тепле. Пусть много пьет... Следите за мочой... Вы должны мне 250 франков.

Альфонс вынимает из кармана несколько смятых купюр и торопливо протягивает их лекарю.

ВРАЧ. Большое спасибо.

Сложив деньги, направляется к двери, но она не открывается. Пробует еще раз открыть. Ничего не получается.

ВРАЧ. Заперто на ключ?

АЛЬФОНС (*очень спокойно*). Да, заперто на ключ.

ВРАЧ (*после некоторых раздумий*). А вам не трудно было бы открыть ее?

АЛЬФОНС. Да, очень трудно.

ВРАЧ (*все более неуверенным тоном*). Почему?

АЛЬФОНС. Нам охота угостить тебя рюмкой вина.

ВРАЧ. Рюмкой чего?

АЛЬФОНС. Рюмкой красного...

ИНСПЕКТОР (*сидящий тоже неподвижно*). Разве ты не хочешь выпить?

ВРАЧ (*крайне обеспокоенный*). Послушайте, парни... Я верну вам ваши деньги. (*Слышно, как шуришит купюрами в кармане.*) Это несчастный случай. Клянусь, со мной это первый раз... Я не мог справиться с собой... Я не могу устоять перед вдовами...

И тут как раз на пороге появляется Вдова. В черной комбинации. С револьвером, направленным на Врача.

ВДОВА. Откуда тебе известно, что я вдова?

ВРАЧ (*в ужасе*). Эй! Неужели вы способны убить врача?

Отступает.

ВДОВА. А ты никогда никого не убивал?

ВРАЧ. Конечно... случилось... установить неверный диагноз.

Отступает под дулом револьвера.

ВДОВА. Ладно... Значит, сегодня ты больной, а я тебя лечу... Идет?

ВРАЧ (*совершенно очумевший*). Но я же не болен!..

ВДОВА. Легкое недомогание.

ВРАЧ (*прижатый к двери*). Черт возьми! Перестаньте нести чушь!

Площадка перед башней. Ночь.

Общий вид башни, в которой горит свет только в одном окне. Несколько выстрелов.

Лестница в башне. Ночь.

Альфонс, Инспектор и Убийца несут вниз тело Врача. Чтобы передохнуть, кладут его на пол. Альфонс присаживается на ступеньку.

АЛЬФОНС. Надо все же подумать о том, как прекратить эту резню.

ИНСПЕКТОР. Могло быть и хуже. Если бы башня оказалась заселена, мы столкнулись бы с куда большим числом убийств. Поверьте мне.

Башня. Улица. Ночь.

При блеклом свете фонарей они выходят из дома с трупом и направляются к малолитражке с надписью «Врачебная», стоящей у здания башни.

ИНСПЕКТОР. Надо бросить его на пустырь... Вы как считаете?

Открывает багажник.

УБИЙЦА. Было бы жаль не воспользоваться преимуществами пригорода... *(Запихивают тело в багажник.)* Дети обнаружат его завтра утром. Открывают дверцы машины.

АЛЬФОНС. Да, конечно. Ты садись сзади, у тебя короткие ножки!

Инспектор включает мотор. Зажигаются фары и подфарники.

В машине. Перекресток пригорода. Ночь.

Ведет машину Инспектор. Альфонс рядом с ним, Убийца — сзади. Внезапно включается радиотелефон.

РАДИОТЕЛЕФОН. Внимание всем машинам. Внимание всем машинам!

Инспектор берет трубку.

ИНСПЕКТОР. Морвандьо слушает.

РАДИОТЕЛЕФОН. Инфаркт третьей степени.

Малолитражка мчится на полной скорости.

РАДИОТЕЛЕФОН. Вилла Роз, дом 14. Срочно!

Слышен скрежет тормозов. Машина застывает на месте.

ИНСПЕКТОР. Принято!

АЛЬФОНС. Что происходит?

ИНСПЕКТОР. Срочный вызов.

АЛЬФОНС. Вот черт! Только этого нам не хватало!

ИНСПЕКТОР. Так мы едем туда или нет?

АЛЬФОНС. У нас другое дело.

ИНСПЕКТОР. А если там человек даст дуба?

АЛЬФОНС. Мы не врачи!

ИНСПЕКТОР. Съездим туда и вызовем «скорую».

АЛЬФОНС. А почему тот человек не может это сделать сам?

ИНСПЕКТОР. Наверное, у него нет сил!

АЛЬФОНС. Но ведь нашел же он силы позвонить!

ИНСПЕКТОР. Вероятно, подумал, что не серьезно.

АЛЬФОНС. А если не серьезно, может обождать!

ИНСПЕКТОР. А может, ему тем временем станет хуже?.. Знаешь, как бывает у сердечников? Начинается с боли под левой лопаткой. А потом припадок. Разве мы можем допустить, чтобы умер человек?

УБИЙЦА. Ладно. Поступайте, как знаете. Но без меня. Я не спец по медицине.

АЛЬФОНС. Решил слить?

УБИЙЦА. Просто я в двух шагах от своего дома. Пойду спать.

АЛЬФОНС. Тогда поспеши. Потому что в это время, возможно, умирает человек.

Вылезает из машины, чтобы позволить выйти Убийце.

УБИЙЦА. Надо размять ноги.

АЛЬФОНС *{нервно}*. Смотри не попадись.

Альфонс садится снова в машину, которая тотчас отъезжает. Убийца с безразличным видом провожает ее взглядом. Порывшись в кармане, вытаскивает свою связку ключей.

Частный особняк. Ночь.

Машина останавливается перед старым особняком. Мужчины вылезают из нее. Щелкают закрываемые дверцы. Поднимаются на крыльцо.

Вход в концертный зал в частном особняке. Ночь.

Великолепный вестибюль. Музыка. Наши знакомцы быстро входят и застывают на месте.

ИНСПЕКТОР. Черт побери, музыка!

АЛЬФОНС. Ну и что?

ИНСПЕКТОР. Терпеть не могу... Особенно струнные! Давай смоемся... Здесь плохо пахнет!

Они слегка отступают.

На балконе второго этажа стоит женщина в вечернем платье 50-х годов. Это хозяйка дома. Она их увидела.

ХОЗЯЙКА. Доктор?

ИНСПЕКТОР. Да...

ХОЗЯЙКА. Благоволите подняться вверх.

Оба медленно и нехотя поднимаются по лестнице. Хозяйка идет им навстречу.

В зале для приемов человек пятьдесят в вечерних туалетах слушают заунывную музыку, исполняемую квartetом. Средний их возраст — шестьдесят лет. Появляются Хозяйка, Инспектор и Альфонс. Все головы поворачиваются в их сторону. Квartet состоит из трех скрипачей и одного виолончелиста.

ХОЗЯЙКА. Вы любите Брамса?

ИНСПЕКТОР *(очень сухо)*. Нисколько! Где больной?

ХОЗЯЙКА. Сюда...

Хозяйка и оба приехавших пересекают помещение. Все головы поворачиваются в другую сторону.

Комната в особняке. Ночь.

Теперь музыка звучит издалека. В сопровождении Альфонса Инспектор входит в комнату. Останавливаются перед постелью. Она застлана, но в ней никого нет. Пока. Хозяйка закрывает дверь. Альфонс и Инспектор подходят ближе.

ИНСПЕКТОР *(обернувшись к Хозяйке)*. Кто же болен?

ХОЗЯЙКА. Вы сами.

ИНСПЕКТОР *(растерянно)*. Я?

ХОЗЯЙКА. Я боюсь за вас.

ИНСПЕКТОР. Я прекрасно себя чувствую.

ХОЗЯЙКА. Не думаю. Вы такой бледный...

ИНСПЕКТОР *(которому все более не по себе)*. Ничуть!

ХОЗЯЙКА. Уверяю вас... *(Некоторое время Инспектор никак не реагирует. Он застыл.)* К тому же вы вспотели...

Тот действительно плохо выглядит. И ему с каждой минутой становится хуже.

ХОЗЯЙКА. Ложитесь. В таком состоянии вам лучше не стоять.

ИНСПЕКТОР *(умоляюще)*. Альфонс!

АЛЬФОНС *(помогая хозяйке уложить его в постель)*. Ложись. Раз ты плохо себя чувствуешь. Прояви благоразумие.

На несчастного тяжело смотреть.

ИНСПЕКТОР. Альфонс!.. Не бросай меня!

АЛЬФОНС *(покровительственно)*. Я здесь, я здесь...

ХОЗЯЙКА. Вы испытываете боль под левой лопаткой?

ИНСПЕКТОР. Нисколько.

ХОЗЯЙКА. У него слабое сердце?

АЛЬФОНС. Насколько мне известно — нет. Но за последнее время он утратил былую форму...

ИНСПЕКТОР (*умоляюще смотрит на Альфонса, берет его за руки*). Альфонс!.. Вытащи меня отсюда!

ХОЗЯЙКА. Дышите глубже... Расслабьтесь...

АЛЬФОНС. У вас есть успокоительное?

ХОЗЯЙКА (*не очень уверенно*). Не бойтесь... Я все рассмотрела.

Открывается дверь и входят музыканты с инструментами. Усаживаются. Инспектор сидит на постели, Альфонс рядом с ним. Хозяйка смотрит на него с тайным ликованием.

ИНСПЕКТОР (*бледный, как смерть*). Нет!.. Нет!..

ХОЗЯЙКА (*наклонившись к нему*). Я знала, что вы любите камерную музыку... Закройте глаза и слушайте...

Музыканты настраивают инструменты.

ИНСПЕКТОР (*схватив Альфонса за руку*). Только не музыку!.. Альфонс!

Пауза. Сидящие музыканты выглядят угрюмыми. И начинают «аллегро нон троппо ма кон брио» III-го квартета Брамса.

Инспектор выглядит приговоренным к смерти, но не понимает, что с ним происходит.

Хозяйка берет Альфонса за руку и помогает ему встать.

ХОЗЯЙКА. Идемте, мой друг. Выпьете бокал шампанского. Через несколько минут все будет кончено...

Она увлекает за собой Альфонса, оставляя Инспектора с его переживаниями. Его лицо покрылось испариной.

Зал приемов в частном особняке. Ночь.

Через дверь мы видим, как толкуются гости около буфета с холодными закусками.

ХОЗЯЙКА (*держа одной рукой бокал, а другой ведя под руку Альфонса*). Я хотела бы вам дать совет: получше выбирать знакомых.

АЛЬФОНС. Но мы очень мало знакомы. Это просто сосед.

ХОЗЯЙКА. Он принес много горя.

Прогуливаются.

АЛЬФОНС (*задумчиво*). Я так и думал, так и думал...

ХОЗЯЙКА. Успокойтесь! Скоро он уже никому не сумеет причинить зла.

На первом этаже раздаются пять оглушительных выстрелов. Альфонс застывает на месте. Через зал бежит Инспектор с револьвером в руке. Гости рассыпаются перед ним.

ИНСПЕКТОР. Альфонс!.. Альфонс!..

Вбежав в зал, стреляет в потолок и сбивает люстру. Сыплется штукатурка. Комната погружена во мрак. Инспектор выходит, пошатываясь, через другую дверь и целится в люстру вестибюля. Теперь полная темнота.

ИНСПЕКТОР (*стоя рядом с Хозяйкой и Альфонсом*). Морвандьо не умер! Морвандьо дорого продаст свою шкуру! Лучше призракам держаться от меня подальше!

Продолжая стрелять в воздух, увлекает за собой Альфонса.

АЛЬФОНС (*сопротивляясь*). Перестань! Ты совсем спятил!

ИНСПЕКТОР. Я еще не кончил!..

АЛЬФОНС. Давай-давай! Пошли!

Когда они достигают площадки первого этажа, у них на глазах крадут медицинскую малолитражку, которая быстро отъезжает.

ИНСПЕКТОР (*дважды выстрелив вдогонку машине*). Негодяи!.. Сволочи! (*Затем, обернувшись к Альфонсу, спокойным, но неприятным тоном.*) Кстати, и ты...

АЛЬФОНС. Ты это о чем?

ИНСПЕКТОР. Похоже, твоя квартира скоро освободится.

АЛЬФОНС. Почему?

Инспектор идёт к Альфонсу, который умирает от страха.

ИНСПЕКТОР. Потому что ты тоже сволочь! Бросил меня! Я вычеркну тебя из своей записной книжки.

АЛЬФОНС. Вы так сделаете?

ИНСПЕКТОР. А чего стесняться... Я только что уколошил музыкантов. Стоит ли колебаться, когда речь идет о простом безработном!

Отступив назад, он целится в Альфонса и стреляет. Щелчок. Выстрела не было. Револьвер не заряжен. Еще щелчок. Это Альфонс выпустил лезвие своего ножа. Инспектор с глупым видом опускает револьвер.

АЛЬФОНС. Нет ничего лучше холодного оружия.

ИНСПЕКТОР (*умоляюще*). Неужели ты это сделаешь?

АЛЬФОНС. Почему бы и нет? Мы ведь друзья!

Мы слышим, как подъезжает машина. Альфонс оборачивается, и оба вытягиваются на полу. Это полицейский грузовичок с зажженными фарами. Затем они убегают в противоположную сторону. Полицейские вылезают из машины и поспешно избегают на крыльцо.

Улица. Ночь.

Инспектор и Альфонс со всех ног бегут вдоль улицы. Добежав до конца этой улицы, являющейся частным владением, они бросаются в другую сторону, но тут им дорогу преграждает полицейская «симка». Четверо ментов хватают их за руки.

МЕНТ. Сюда, господа! Руки к стене, ноги раздвинуть!

Толчая. Одни из полицейских прижимает Инспектора к стене, чтобы обыскать его.

ИНСПЕКТОР (*повернув голову*). Поосторожнее! Я главным инспектор Морвандьо! Совершенно убийство! Не советую дурить!

МЕНТ (*освобождая его*). Конечно, шеф!

Инспектор устремляется в полицейскую машину, чтобы переговорить по радио.

ИНСПЕКТОР. Внимание всем машинам! В четырнадцатом районе акты насилия! Ищите медицинскую машину «рено» за номером 7248 ЖВ 75. Водитель в заднем багажнике. Убийцы — молодежь... Длинноволосики... В черных кожанках!

Лестница в башне. Ночь.

Инспектор и Альфонс с трудом взбираются по лестнице, падая от усталости.

ИНСПЕКТОР (*останавливаясь*). Какого черта они не запускают лифт?

По лестнице кто-то спускается. Видна только нижняя часть ног. Альфонс расслышал шаги и замер.

АЛЬФОНС. Тс-с!

ИНСПЕКТОР (*пристроившись к нему*). Кто-то спускается.

АЛЬФОНС (*инспектору*). Надеюсь, ты не наложишь в штаны от страха?

ИНСПЕКТОР. Но у меня револьвер без патронов.

АЛЬФОНС. Не дрейфь, у меня есть нож.

На цыпочках продолжают подниматься вверх. Спустя некоторое время Альфонс делает знак Инспектору остановиться. Вынимает нож и выдвигает лезвие. Они идут дальше.

Чьи-то ноги тем временем медленно и размеренно спускаются вниз.

Появляется голова Альфонса, за которым следует Инспектор. Теперь ноги находятся в метре от них.

Еще через минуту они убеждаются, что это ни кто иной, как Убийца. Расстроенный, со слезами на глазах он бросается к друзьям.

УБИЙЦА (*монотонно*). Убейте меня, пристрелите меня! Большого я не заслуживаю!

АЛЬФОНС. Но почему?

УБИЙЦА (*вспылив*). Все то же наваждение!

Боясь поверить, Альфонс оборачивается к Инспектору.

АЛЬФОНС. Женестьева.

Квартира Альфонса. Ночь.

Крупным планом лицо мертвой Вдовы. Голова откинута и свисает с постели. Альфонс в отчаянии.

АЛЬФОНС (*ложится на труп женщины*). Бог мой, Женестьева... О, господи, Женестьева!..

В салоне Убийца сидит за столом, сжимая руками голову. Инспектор, как обычно, раскупоривает бутылку. Альфонс выходит из спальни и присоединяется к ним.

АЛЬФОНС (*встряхнув Убийцу*). Значит, всякий раз, когда я найду себе женщину, ты будешь ее кокать?

УБИЙЦА (*крича во все горло*). А кто всему виной? Вы бросили ее одну в пустой башне!.. Встаньте на мое место!

Альфонс выпускает Убийцу и с отвращением падает в кресло.

ИНСПЕКТОР (*философствуя*). Это называется динамикой убийства...

АЛЬФОНС (*по-прежнему в ярости*). Может, у него лишняя хромосома?

УБИЙЦА (*вскочив и жестикулируя*). Нисколько!.. Чокнутыми мы становимся по вине бетонных построек! Из-за пустырей... Из-за всего этого окружающего нас бесчеловечного мира!.. Чудовищный и бездушный город! А мне охота слышать, как поют птицы! (*он бредит, мечтая о сельской жизни*). Вот почему я убиваю одиноких женщин. Потому что, когда они умирают, мне кажется, что я слышу птицу, которая... испускает тихий крик... Словно я прогуливаюсь в подлесе... Это насыщает меня кислородом! Кислородом!

ИНСПЕКТОР (*повернувшись к нему, спокойно, но безапелляционно*). Заткнись!

Альфонс медленно встает, и они все вместе направляются к двери.

АЛЬФОНС. Лифт заработал!

Лестничная площадка Альфонса. Ночь.

В глубине дверца лифта. Все трое медленно приближаются к нему.

ИНСПЕКТОР. Он заработал.

АЛЬФОНС. Если он работает, значит, в нем кто-то есть.

ИНСПЕКТОР. Кто?

АЛЬФОНС. Не знаю.

УБИЙЦА (*после долгой паузы*). Куда же он направляется?

АЛЬФОНС. Тихо!

ИНСПЕКТОР (*прислушиваясь, после долгой паузы*). Никто не спускается!

АЛЬФОНС. Значит, он пустой!

УБИЙЦА. Значит, это лифт, который работает сам по себе.

АЛЬФОНС. Но ведь кто-то его вызвал?

ИНСПЕКТОР. Кто?

АЛЬФОНС (*вскрикнув*). Откуда я знаю!

ИНСПЕКТОР. Мы же одни в этой окаянной башне!

АЛЬФОНС. Похоже — нет.

УБИЙЦА. Нельзя ли отдохнуть минут пять...

Альфонс нажимает на кнопку вызова.

ИНСПЕКТОР (*пытаясь ему помешать*). Ты свихнулся?

АЛЬФОНС (*вынимая нож*). Надо действовать немедленно!

Они отступают на пару шагов. Альфонс продолжает держать нож, направляя его в сторону лифта. Лифт останавливается на их этаже. Двери автоматически раскрываются. Там никого. Вместе с другими Инспектор неуверенно направляется к лифту. Входит в кабину и осматривает ее.

ИНСПЕКТОР (*обернувшись*). Пахнет табаком... (*Выходит.*) А когда попахивает табаком, значит, запахнет жареным. Не по душе мне все это...

Холл в башне. Ночь.

В вестибюль башни цепочкой проникают полицейские.

ИНСПЕКТОР (*окруженный Альфонсом и Убийцей, отдает приказы*). Прочешите всю башню!.. Выловите всех, кто там прячется! Слезоточивый газ у вас есть?

ОФИЦЕР. Слушаюсь, шеф!

Полицейских набирается довольно много. Инспектор и его друзья стоят среди полицейских в кепи.

ИНСПЕКТОР (*обращаясь к офицеру*). Исполняйте! Я с друзьями остаюсь внизу, чтобы помешать бегству. (*Офицер делает полуборот, пока его люди удаляются.*) Мартено! Дайте мне пули, моя пушка осталась без пищи...

ОФИЦЕР (*открывая коробку*). Сколько вам, шеф?

ИНСПЕКТОР (*набирая*). Горсти хватит...

Лестница башни. Ночь.

Полицейские быстрым шагом поднимаются по лестнице. Шум от них стоит дьявольский.

Холл башни. Ночь.

Держа в руке радиотелефон, инспектор стоит около своих друзей.

ГОЛОС МЕНТА В РАДИОТЕЛЕФОНЕ. Шеф!

ИНСПЕКТОР. Слушаю!

ГОЛОС МЕНТА. Мы обнаружили задушенную женщину на шестом.

ИНСПЕКТОР. Бросьте ее. Она с нами.

Лестница и площадка. Ночь.

Полицейские бегают повсюду, открывая ударом ноги двери.

Холл башни. Ночь.

ГОЛОС МЕНТА. Шеф!

ИНСПЕКТОР. Слушаю!

ГОЛОС МЕНТА. Мы захватили подозрительного человека.

ИНСПЕКТОР (*встает и кричит в трубку*). А ну, быстренько вниз его!

Подталкиваемый полицейскими несчастный появляется в холле. Его подводят к Инспектору, который направляет на него дуло пистолета. Это напуганный, небритый верзила.

ИНСПЕКТОР. Руки вверх! Что ты делаешь в башне?.. Размещал микрофоны?

ВЕРЗИЛА (*суетась*). Но я тут живу!

ИНСПЕКТОР. В самом деле!? И с каких пор?

ВЕРЗИЛА. Сегодня!.. Я только что въехал!

ИНСПЕКТОР (*вторя ему*). Значит, ты переедешь!

ВЕРЗИЛА (*крича*). Но почему?

ИНСПЕКТОР (*крича еще громче*). Потому что мы так хотим!

ВЕРЗИЛА. Но у меня есть ордер... Я внес гарантийный минимум... Я заплатил за три месяца вперед!

Инспектор подходит к новому жильцу.

ИНСПЕКТОР. Эта башни вредна для здоровья... Здесь были убиты двое!.. Достаточно!.. Я не желаю иметь преступника в качестве нового соседа.

ВЕРЗИЛА. Но я никогда никого не убивал! Я артист!.. Музыкант! Третья скрипка в Опере.

ИНСПЕКТОР (*угрожающе*). Что ты сказал?

ВЕРЗИЛА (*смягчившись*). Я вам сказал, что я просто музыкант! Совершенно неприметный скрипач!

ИНСПЕКТОР. Надеть ему наручники!

ВЕРЗИЛА. Но почему? Что я сделал?

Полицейские надевают на него наручники. Верзила в шоке.

ИНСПЕКТОР (*направляясь к нему*). В этой башне не будет жить скрипач!.. Это башня запрещена для музыкантов!.. Никаких гамм и арпеджио. Я не хочу сойти сума, слушая, как ты пиликаешь по четыре часа в день. Скрипка стоит у меня поперек горла. У меня к ней аллергия! (*После паузы другим тоном.*) Ты не был знаком с некоей Жаклин Прадель?

ВЕРЗИЛА. Да... Она играла в трио Демаре... Великая артистка!

ИНСПЕКТОР (*повышая голос*). Очень большая музыкантша. Она была моей женой!.. Все время проводила, играя гаммы. Я тогда был начинающим инспектором полиции... Занимался всякой пакостью - избиванием арестованных, допросами круглый день... Вечером я возвращался из комиссариата без сил... А она встречала меня гаммами! Всегда гаммами! (*Выходя из себя.*) Даже пяти минут нельзя было отдохнуть! (*Более спокойно.*) Однажды я подключил ее скрипку к напряжению в 220 вольт — и была такова!.. Понятно теперь? (*Делает вид, что уходит, но затем внезапно оборачивается.*) А ведь я любил ее, был без ума от нее...

ВЕРЗИЛА. Значит, она не умерла в ванной?

ИНСПЕКТОР. Разумеется, нет... Ванну я наполнил потом.

В холле стоит тишина. Все делают вид, что страшно огорчены. Инспектор вытирает слезу и оборачивается к своим людям.

ИНСПЕКТОР (*отдавая отрывисто приказания*). Вы должны распрясть этого типа и поработать над ним, чтобы он признался во всем.

ОФИЦЕР. Конечно!

ИНСПЕКТОР. Выполняйте!

Офицер приближается к Инспектору и кладет ему руку на плечо.

ОФИЦЕР. Шеф! (*Очень мягко.*) Мы с товарищами беспокоимся о вас. (*Инспектор стоит с задумчивым видом.*) Вы стали мрачным, работаете без воодушевления. Нас это беспокоит. Не готовите ли вы нам какой-то сюрприз?.. За два года до выхода на пенсию это было бы весьма неприятно. Вам бы не мешало отдохнуть... Сделать передышку... Надо иногда отдыхать, шеф, иначе можно слететь с катушек...

Поляна и домик. День.

На лужайке, окруженной сосновым леском, стоит маленький домик. Большие ели. Полно поющих птиц.

Растянувшись в шезлонгах, перед домом в тени сидят Альфонс, Инспектор и Убийца. Они закутались в одеяла.

ИНСПЕКТОР. Мне холодно.

Весь их дальнейший разговор ведется очень медленно.

АЛЬФОНС. Дышите глубже. Проветрите легкие кислородом. Пользуйтесь такой возможностью... Тем более, что нет дождя.

ИНСПЕКТОР (*угрюмо*). Я не чувствую своих ног.

УБИЙЦА. Я тоже.

АЛЬФОНС. А вы надели толстые шерстяные носки?

УБИЙЦА. Две пары!

АЛЬФОНС. Пошли пройдемся, это нас согреет...

ИНСПЕКТОР. Нет, спасибо... Я не люблю подлески... Предпочитаю идти по открытой местности. Меня раздражает этот лес.

АЛЬФОНС. Мы же решили, если будет погода, то отправимся собирать плоды.

УБИЙЦА. Какие плоды?

АЛЬФОНС. Грибы.

ИНСПЕКТОР. Еще не родился человек, который заставит меня есть грибы!.. К тому же собирается дождь.

АЛЬФОНС. Выпьем по стаканчику красного.

ИНСПЕКТОР. От этой кислятины у меня разболелся живот!.. Это еще слишком молодое вино.

АЛЬФОНС (*разочарованно*). От вас можно сдохнуть, парни!

ИНСПЕКТОР (*распалаясь*). Сдохнуть можно не от нас! А от окружающей природы... Мне скучно тут. Мне надоела вся эта зелень! Здесь все зеленое!

УБИЙЦА (*тоже повышая голос*). Если бы дымоход в камине действовал нормально, можно было бы разжечь огонь. Вот такой! (*Показывает руками.*)

ИНСПЕКТОР. Чтобы снова сидеть взаперти, как вчера?

АЛЬФОНС. Было ветрено!

ИНСПЕКТОР. Плевать я хотел на ветер!.. Просто говенный камин — и точка!

УБИЙЦА (*взвываясь*). Но ведь теоретически огонь предназначен для того, чтобы обогревать! Так?

ИНСПЕКТОР (*цинично*). Естественно!

УБИЙЦА. Так! Как же вы хотите обогреть помещение, если приходится открывать все окна, чтобы удалить дым?

АЛЬФОНС. Мне кажется, во всем виноваты дрова.

УБИЙЦА. Что ты придираешься к дровам?

АЛЬФОНС. Они мокрые.

ИНСПЕКТОР (*все более распаляясь*). Все тут сырое! Я еще не встречал более сырого места!.. Вечером, когда я ложусь спать, мои простыни сырые... Утром не могу разогнуться. Все болит!.. А ты еще говоришь о том, что мы тут подлечимся. Я покрываюсь плесенью.

АЛЬФОНС (*его не убедили. Обозревая деревья и слушая птиц*). Сюда надо бы приехать летом...

УБИЙЦА. Без меня!..

ИНСПЕКТОР (*обрывая*). Но сейчас зима и мы мерзнем.

АЛЬФОНС. Вы такие приятные спутники.

ИНСПЕКТОР. Ты, вероятно, хочешь сказать, что тебе приятно в этой дыре?

АЛЬФОНС (*жестикую*). Почему бы нет? Я дышу... Воздух чистый... Все тихо... Я чувствую разрядку.

ИНСПЕКТОР. Ты находишь, что все тихо?

АЛЬФОНС. Да...

ИНСПЕКТОР (*не может прийти в себя*). Вот черт! Окажется, здесь тихо, хотя кругом полно птиц.

АЛЬФОНС. Ты предпочитаешь автомашины?

ИНСПЕКТОР (*отрывисто*). Может быть! Эти птицы начинают действовать мне на нервы!

Немного подумав, Альфонс встает.

АЛЬФОНС. Вы мне тоже действуете на нервы. Пойду пройду.

ИНСПЕКТОР (*вскакивал со своего шезлонга*). Нет! Оставайся тут!.. Не дури!

АЛЬФОНС. Почему?

ИНСПЕКТОР. Нам лучше не разлучаться.

АЛЬФОНС. Почему?

ИНСПЕКТОР. Не знаю... Предчувствие!

АЛЬФОНС. Какое?

ИНСПЕКТОР. Дурное... Нам надо держаться вместе.

Он снова усаживается и поправляет одеяло. Сел и Альфонс.

АЛЬФОНС (*ехидно*). Ведем себя, как старики.

ИНСПЕКТОР. Дышите!

Все трое, сидя в шезлонгах, закрыли глаза. Внезапно Инспектор выпрямляется и обеспокоенно оглядывается.

ИНСПЕКТОР. Альфонс!

АЛЬФОНС (*открыв глаза*). Что?

ИНСПЕКТОР. Ничего не намечаешь?

АЛЬФОНС (*оглядываясь кругом*). Где?

ИНСПЕКТОР. Прислушайся!

УБИЙЦА (*выпрямляясь*). В чем дело?

ИНСПЕКТОР. Птицы перестали петь.

Действительно, вокруг тишина.

АЛЬФОНС. Ты должен быть доволен!

ИНСПЕКТОР. Кретин ты несчастный!.. Если птицы не поют, значит, кто-то к нам приближается...

АЛЬФОНС. Брось болтать!

ИНСПЕКТОР. Я не болтаю... Мы ведь больше не слышим птиц.

Все трое прислушиваются. Над лужайкой повисла тишина.

АЛЬФОНС (*менее уверенным тоном*). В конце концов вы меня действительно напугаете.

Он встает. Его приятель тоже. Все вместе бегут в подлесок, где спрятана «симка» Инспектора. Он и Убийца залезают в нее, дверцы хлопают, и Инспектор начинает жать на стартер.

ИНСПЕКТОР. Окаянная сырость!

АЛЬФОНС (*громко*). А я бы назвал это саботажем.

Инспектор вылезает из машины. Убийца остается в машине.

УБИЙЦА. Подождите меня! Подождите!

Инспектор и Альфонс быстрым шагом устремляются в лес.

УБИЙЦА. Дверцу заклинило! Подождите меня!

Легкая дорога, лужайка. День.

Из-за кустарника выбегает Убийца.

УБИЙЦА. Спасибо, парни!.. Спасибо! Вы отличные ребята!

Запахавшись, присоединяется к друзьям, которые идут бок о бок. Альфонс вытащил нож, а Инспектор — револьвер.

УБИЙЦА. Спасибо.

ИНСПЕКТОР. Тихо! (*Застыл на месте.*) Молчать!

Слышно, как поет птица. Все трое выходят из леса. На дороге появляется человек в синем. Издали он кажется маленькой фигуркой. Он несет чемодан. Спокойно двигается походкой гуляющего. Трое застывают на месте.

ИНСПЕКТОР. Держитесь непринужденно.

Прячут оружие. Разыгрывая отдыхающих, направляются на встречу мужчине. Где-то вдали звенят колокольчики.

МУЖЧИНА В СИНЕМ. Господа...

ВСЕ ТРОЕ (*хором*). Мсье...

Они удаляются, а мужчина в синем смотрит им вслед.

МУЖЧИНА В СИНЕМ. Не можете ли вы мне помочь? (*Троица оборачивается.*) Я разыскиваю некоего Альфонса Трама... Мне сказали, он живет здесь.

Инспектор и Убийца смотрят на Альфонса.

АЛЬФОНС (*очень спокойно указывает на дорогу*). Очень жаль... Но мы не здешние. Эта дорога приведет вас в деревню. Там вы получите информацию.

МУЖЧИНА В СИНЕМ. Спасибо, господа... Спасибо. Вы так любезны.

Уходит в указанном направлении. Он в костюме и при галстуке. У него начинающаяся лысина и густые усы.

Троица смотрит ему вслед, а потом продолжает свой путь. Но Альфонс, обернувшись, окликает мужчину.

АЛЬФОНС. А что вам нужно от Альфонса Трама?

Мужчина в синем останавливается, а затем оборачивается.

МУЖЧИНА В СИНЕМ (*равнодушным тоном*). Просто чтобы его убить.

Инспектор делает несколько шагов и пальцем показывает на Убийцу.

ИНСПЕКТОР. Так и надо было сказать! Это он...

Инспектор и Альфонс идут дальше. Убийца с ужасом смотрит им вслед. Мужчина ставит чемодан на землю, открывает его и вытаскивает крупнокалиберный револьвер. А затем с непринужденным видом начинает навинчивать на него глушитель.

На лице Убийцы глубокая печаль.

УБИЙЦА. И скоты же вы, парни... У меня же, черт побери, дети...

Мужчина выпрямляется.

МУЖЧИНА В СИНЕМ. Очень сожалею, Трам, но я должен выполнить условие договора...

Стреляет в Убийцу. Тот падает. Все птицы запевают хором.

МУЖЧИНА В СИНЕМ (*укладывая револьвер*). Спасибо, парни! Вы позволили мне сэкономить время... Я успею на шестичасовой поезд.

ИНСПЕКТОР. Не спеши с благодарностями...

МУЖЧИНА В СИНЕМ (*удивленно*). Почему?

ИНСПЕКТОР. Потому что мы тебя обманули.

МУЖЧИНА В СИНЕМ. Значит, это был не он?

ИНСПЕКТОР. Нет.

МУЖЧИНА В СИНЕМ (*ворчливо*). Вот беда, парни!.. Ну что за работа!.. Что я буду теперь делать?

Инспектор вытаскивает свой револьвер и, целясь в мужчину, приближается к нему. Альфонс следует за ним.

ИНСПЕКТОР. А теперь, прошу тебя по-хорошему, подними вверх руки и заложи их за голову (*после паузы*). Ты знаешь, кто я?

МУЖЧИНА В СИНЕМ. Нет...

ИНСПЕКТОР. Главный инспектор Морвандьо!.. Из Парижа.

Мужчина удивлен еще более. Поднимает руки.

МУЖЧИНА В СИНЕМ. Герой Сопrotивления?

ИНСПЕКТОР. Он самый!

МУЖЧИНА В СИНЕМ. О черт!

Опускает руки. Инспектор и Альфонс подбегают к нему.

ИНСПЕКТОР. Перестань хныкать. (*Мужчина в синем явно взволнован. Снова поднимает руки.*) Ты пойдешь впереди, держа руку на голове.

МУЖЧИНА. А мой чемодан?

ИНСПЕКТОР. Конфискован!

Альфонс подхватывает чемодан и догоняет их.

МУЖЧИНА В СИНЕМ. Окаянная жизнь. Мне решительно не везет!

Подгоняемый Инспектором, он, как и те двое, перепрыгивает через труп Убийцы.

ИНСПЕКТОР. Так-то вот, дружок... Если ты маленький, нечего нападать на большого!

Лесная дорога. День.

ИНСПЕКТОР. А теперь стой... У меня заболела ступня...

Они направляются к высоким елям, которые повалены возле дороги.

МУЖЧИНА В СИНЕМ. Увидев нас, никто не остановится... Один мой вид их напугает.

АЛЬФОНС (*насмешливо*). Именно поэтому ты разъезжаешь в поезде?

МУЖЧИНА В СИНЕМ. Мне нравится поезд. Я что, не имею на это права?

ИНСПЕКТОР (*усаживаясь на один из стволов*). А хижины тебе нравятся?

МУЖЧИНА В СИНЕМ. Какого рода хижины?

ИНСПЕКТОР. Каменные... С мисками и решетками.

МУЖЧИНА В СИНЕМ. Я предпочитаю лесок...

ИНСПЕКТОР (*вынимая наручники*). Тогда пользуйся случаем. Это последний в твоей жизни.

Мужчина в синем оглядывается, чтобы запомнить все это для будущей тюремной жизни.

АЛЬФОНС. Кто поручил тебе меня убить?

МУЖЧИНА В СИНЕМ (*искренно*). Да никто!.. Ночью мне засовывают конверт в почтовый ящик и все...

АЛЬФОНС (*отрывисто*). Какой конверт?

Мужчина в синем садится рядом с Инспектором.

ИНСПЕКТОР (*раздраженный наивностью Альфонса*). Да конверт с деньгами и именем того, кого надо пришить.

АЛЬФОНС. Альфонса Трама?

ИНСПЕКТОР. Альфонса или другого... Альфонс Трам не один на свете, кого хотят убить! В эту самую минуту!

АЛЬФОНС (*садится*). Так вот, мне сейчас, здесь желательно узнать, почему меня хотят убить!

МУЖЧИНА В СИНЕМ. А вы действительно Альфонс Трам?

АЛЬФОНС. Да!

МУЖЧИНА В СИНЕМ. Так... Вот что я вам скажу: у вас есть враги.

АЛЬФОНС (*вскочил*). Какие враги?.. Где они?.. Хотел бы я познакомиться с моими врагами!

Снова садится.

ИНСПЕКТОР (*презрительно*). Оставь его. Это любитель, он ничего не понимает.

МУЖЧИНА В СИНЕМ. Жаль. Симпатичный парень. Но его сцапают на первой же засаде.

Внезапно на дорогу выезжает «ситроен» черного цвета — старенький, но в хорошем состоянии. И останавливается неподалеку от мужчин. Тот, что в синем, подходит к машине, открывает дверцу и обращается к шоферу.

МУЖЧИНА В СИНЕМ. Здравствуйте, мадемуазель! (*Шофер — женщина.*) Извините за беспокойство... Меня арестовали... Не могли бы вы довезти нас до ближайшей жандармерии?

ДЕВУШКА. Пожалуйста.

Машина продолжает свой путь, но мотор явно не тянет.

Внутри машины. День.

Трое мужчин сидят на заднем сидении. Тот, что в синем костюме, зажат между Инспектором и Альфонсом. Инспектор держит его на мушке.

ИНСПЕКТОР. Ваша машина часто так чихает?

ДЕВУШКА. Да... Когда бак на исходе...

ИНСПЕКТОР. Так у вас нет бензина?

ДЕВУШКА. Скоро его совсем не останется.

АЛЬФОНС (*раздраженно*). Значит, вы посадили нас и везете без бензина по пустынной дороге, вдаль от поселений?

ИНСПЕКТОР (*тем же тоном*). У вас хоть есть канистра?

ДЕВУШКА (*немного не смущаясь*). Ничего нет.

АЛЬФОНС. Замечательно! Замечательно!

Виадук и речка. День.

Машина, кашляя все сильнее, въезжает на виадук. Посередине моста она окончательно сдыхает.

С моста открывается вид на пустынную реку, покрытую зеленой тиной. Он зажат между скалистыми берегами. Мужчины вылезают из машины.

АЛЬФОНС (*раздраженно*). Поздравляю!.. Застрять на виадуке!

ИНСПЕКТОР. Ладно, ладно. Замечания будем делать потом!.. Надо освободить дорогу. Если появится грузовик, мы его остановим! Помогайте!

Все трое подталкивают машину. Оставшаяся за рулем Девушка бесстрастно наблюдает за ними. Внезапно Мужчина в синем застывает, пока двое других продолжают толкать. Обратив внимание на его поведение, Альфонс и Инспектор тоже останавливаются.

ИНСПЕКТОР. Что с тобой?

АЛЬФОНС. Почему больше не толкаешь?

Идет к Мужчине в синем, но тот принял какое-то важное решение. Перемахнув через перила, он прыгает в реку.

АЛЬФОНС (*возбужденно*). Этот мудака нырнул в воду!

ИНСПЕКТОР (*вытаскивая револьвер*). Далеко не уйдет.

Дважды стреляет. Мужчина в синем спешит уплыть подальше. Пули свистят вокруг него. Инспектор продолжает стрелять.

АЛЬФОНС (*крича*). Да прицелься ты! Получше целься!

ИНСПЕКТОР. Я целюсь, черт возьми!

Мужчина в синем продолжает плыть. Тем временем Альфонс идет за чемоданом. Инспектор стреляет еще несколько раз. Бросает оружие.

ИНСПЕКТОР. Вот черт! Нет пуль!

Альфонс стреляет оружием беглеца. Теперь тот кажется издалека маленькой синей точкой. Звучит выстрел. Девушка подходит к ним. Разрядив всю обойму, Альфонс бросает оружие в воду.

АЛЬФОНС. Все впустую!

ИНСПЕКТОР. Этому придурку удалось сбежать!

АЛЬФОНС. Мы не можем допустить, чтобы на свободе был такой вот убийца!

ИНСПЕКТОР. И что ты предлагаешь сделать?

АЛЬФОНС. Не знаю... Перехватить его.

ИНСПЕКТОР. Каким образом?

АЛЬФОНС (*разводя руками*). Каким? Подумай сам... Ты никогда не можешь ничего придумать!

ИНСПЕКТОР. Есть слабая надежда, что он утонет...

АЛЬФОНС. Еще чего придумал!... Смотри, как он плывет! Все быстрее и быстрее!.. Парень, который так плавает, пойдет до конца!.. Через четверть часа он выберется на берег и снова при-

мется искать Альфонса Трама!.. Ты не считаешь, что я все же имею право на отдых?

ДЕВУШКА. Надо воспользоваться лодкой...

АЛЬФОНС. Какой еще лодкой? Нет тут лодки! Ничего нет! Пустыни!

ДЕВУШКА (*невозмутимо*). В двух километрах отсюда есть пляж с лодками и всем необходимым...

АЛЬФОНС (*на пределе*). А как туда добраться? Бензина нет! Нет и машины!..

ИНСПЕКТОР (*обнимая его за плечи*). Да не нервничай ты так, Альфонс.

АЛЬФОНС. Не трогай меня.

ИНСПЕКТОР. Наверняка мадемуазель знает тропинку...

ДЕВУШКА. А вы не боитесь высоты?

АЛЬФОНС. Нет.

ДЕВУШКА. Тогда следуйте за мной!

Они идут за ней.

АЛЬФОНС. У нас даже пушек нет!

ИНСПЕКТОР. А твой нож?

АЛЬФОНС. Да, у меня есть нож!..

ИНСПЕКТОР. Вот и случай им воспользоваться!

Идут вдоль отвесной скалистой стены.

Река. День.

Мужчина в синем продолжает плыть. На заднем плане появляется лодка с людьми.

АЛЬФОНС. Направо!.. Так... Налево! Прямо! Налево!

В лодке сидят Альфонс, Инспектор и Девушка. Гребет Инспектор. Альфонс направляет его, чтобы достичь пловца. Девушка сидит сзади.

АЛЬФОНС (*кричит*). Греби сильнее! Сильнее, черт возьми!

ИНСПЕКТОР. Не могу. Я издох!

ДЕВУШКА. Хотите, я вас сменю?

ИНСПЕКТОР (*слегка обиженно*). Нет, спасибо, я уж сам...

Сидя на носу лодки, Альфонс держит в вытянутой руке раскрытый нож, готовясь нанести удар по пловцу. Лодка приближается.

АЛЬФОНС. Давай! Давай! Он рядом!

Инспектор явно устал.

ИНСПЕКТОР. Так ты бросаешь в него нож или нет?

Все более напуганный, Мужчина в синем продолжает плыть. Альфонс готовится к броску.

АЛЬФОНС. Сейчас! Сейчас!

Бросает нож клинком вперед. Мужчина в синем смертельно ранен.

МУЖЧИНА В СИНЕМ. Ай!

Он захлебывается. Видна его спина с всаженным в нее ножом. Инспектор прекращает грести, и лодка плывет по течению.

АЛЬФОНС (*обернувшись, гордый, как павлин*). Видел? А? Видел? Чисто сработано! Притормози немного... Я возьму нож, пока он не пошел ко дну... этот мудака...

ИНСПЕКТОР. Но тебе больше не понадобится нож!

АЛЬФОНС. Напротив... Давай-давай... Смотри, он начинает тонуть! Мой нож!

ИНСПЕКТОР. купишь себе другой!

АЛЬФОНС. Другого такого не найдешь. Давай-ка я сяду на весла! Подвинься!

Инспектор встает, чтобы освободить место Альфонсу.

Лодка накреняется. Инспектор хватается за Альфонса, чтобы не потерять равновесие.

ИНСПЕКТОР. Смотри, не валяй дурака, я не умею плавать!

АЛЬФОНС (*словно озаренный какой-то мыслью*). Не умеешь плавать?

ИНСПЕКТОР. Нет.

АЛЬФОНС. Тебе не следовало говорить это мне.

ИНСПЕКТОР. Почему?

АЛЬФОНС. Потому что я сейчас толкну тебя.

ИНСПЕКТОР (*не желая верить*). Да нет!

АЛЬФОНС. Напротив!

Альфонс сталкивает Инспектора в воду. Девушка сидит на своем месте. Он берет весла. За бортом Инспектор пускает пузыри.

АЛЬФОНС. Сделано доброе дело... Теперь все становится яснее.

Гребет. Девушка молчит. Альфонс чувствует неловкость.

АЛЬФОНС. Я не мог поступить иначе. Если бы не я его толкнул, он сделал бы это со мной.

ДЕВУШКА. Потому что вы тоже не умеете плавать?

АЛЬФОНС. Разумеется, не умею!... Я ничего не умею делать! Все, за что берусь, у меня не получается.

ДЕВУШКА. Может, лучше тогда, чтобы гребла я?

Альфонс встает, чтобы поменяться с Девушкой местами.

АЛЬФОНС. Да, да... Так будет лучше... Вот... Садитесь на мое место... Теперь вы будете грести, а я буду на вас смотреть, идет?

ДЕВУШКА *(по-прежнему холодно)*. Как вам угодно!..

Гребет, Альфонс наблюдает за ней. Девушка смотрит на него.

АЛЬФОНС *(растерянно)*. Нет, правда, события захватили нас так стремительно врасплах, что я не успел вам сказать. Но теперь могу... *(Пауза. Он все более смущается. Покусывает руку, не зная, как начать. Наконец решается.)*

АЛЬФОНС. Вы мне нравитесь!..

ДЕВУШКА. В самом деле?

АЛЬФОНС. Да... Вы очень красивы...

ДЕВУШКА. Чего же вы ждете тогда?

АЛЬФОНС. То есть?

ДЕВУШКА. Не знаю... Когда женщина красива... К ней подходят... обнимают... Не так ли?

АЛЬФОНС. Да... Конечно... Да... Но... вы меня смущаете...

ДЕВУШКА. Вот как!

АЛЬФОНС. Обычно я весьма предприимчив... Но сейчас... Сам не понимаю. В вас есть что-то... серьезное... *(Девушка слушает, продолжая грести.)* Что-то печальное... Может, это действует на меня... Вам грустно сейчас?

ДЕВУШКА *(мрачно)*. Я предпочла бы не говорить об этом.

Лодка тем временем оказывается в той части реки, которая не освещена солнцем.

АЛЬФОНС *(приближается к девушке, отбрасывает ее волосы, ласкает лицо)*. Напротив. Вы можете все сказать... Я пойму!.. Я - друг!.. Что с вами?

ДЕВУШКА. Мне холодно.

АЛЬФОНС *(восторженно)*. Мне тоже холодно. *(Обнимает ее за плечи.)* Вот уже много недель подряд мне холодно...

ДЕВУШКА. Вы в трауре?

АЛЬФОНС. Да... по жене...

ДЕВУШКА. А я по отцу...

АЛЬФОНС. Вот как...

ДЕВУШКА. Он был убит... ударом ножа... в переходе метро...

АЛЬФОНС. И вы знаете того, кто убил?

ДЕВУШКА (*вынимает из сумочки револьвер и направляет его на Альфонса*). Разумеется! Иначе меня не было бы здесь.

АЛЬФОНС (*говоря громче, но не в силах побороть страх*). Нет-нет, черт возьми!.. Не надо! Я ненавижу револьверы!.. Мне надоели кошмары во сне!.. Мне бы так хотелось хоть немного пожить нормально... Пять минут!.. Убил вашего отца не я!.. Я ни при чем!.. Клянусь!..

Девушка смотрит на него сурово и решительно.

ДЕВУШКА. Чем вы можете поклясться?

АЛЬФОНС. Мадемуазель, послушайте!.. Будьте благоразумны... Ведь не станете же вы стрелять?

ДЕВУШКА (*холодно*). Стану.

АЛЬФОНС (*театрально*). Да нет!.. Я не согласен!.. Я не хочу умирать!.. Я боюсь смерти!..

ДЕВУШКА (*тихо*). И напрасно... Это пустяк... Вы придумали всякие трудности... А ведь все так просто...

Теперь мы видим лодку очень далеко.

АЛЬФОНС. Мадемуазель! Послушайте!.. Нет, вы красивы! Мы почти однолетки! Попробуем пойти дальше вместе... Рука в руке.

Звучит выстрел. Становится темно, как ночью... Лодка скользит по воде. А потом исчезает из кадра.

Шарлотта Бурилли Новая жизнь галерейщика²

- Так уж вышло, - сказал Констанцио, допив последний глоток аперитива. Он произнес эту фразу, едва пошевелил губами, и в забитом кафе на набережной Сены никто не обратил на это внимания. Был хмурый полдень поздней осени, набережную про-

² Продолжение рассказа "Пикассо и наши дети" из "Опустошителя" #4. Перевод с французского Кэтти Бебер.

дувало ветром. Галерейщик Констанцио, приехавший в Париж всего пару дней назад, обдумывал свое житье.

Прошло всего лишь несколько месяцев с тех пор, как он сидел у себя в галерее в своем родном городке и случайно подумал о выставке знаменитого художника. Эта безобидная идея, легкомысленно выскочившая из уст галерейщика, с неожиданной для него скоростью обрела воплощение. Констанцио окружили помощники, соратники, спонсоры и поклонники, нашлись деньги, нашлись хитрые и ловкие люди, которые быстро провернули задуманную авантюру с максимальным размахом. Вот так сложилась их компания – галерейщик Констанцио, художник Дониц и антиквар Шульц. Для продолжения успеха или же, как говорится, для развития бизнеса они поселились в Париже.

Для Констанцио, человека размеренного и уравновешенного, этот бизнес развернулся с головокружительной быстротой. Всякий раз, когда он задумывался над событиями недавних месяцев, он не мог найти никаких причин, отчего все так закрутилось и его жизнь так резко поменяла свой ход. Оставалось только пожать плечами – так уж вышло.

Официант принес горячее – луковый суп. Констанцио решил отведать настоящих французских блюд, коль скоро он попал в эту страну, и начал с лукового супа. Перед ним поставили глиняную миску, сверху облепленную коркой запеченного сыра. Сыр по краям подгорел, и когда Констанцио ложкой попытался снять обуглившуюся корку, она провалилась в миску – мелкие горелые крошки плавали по поверхности черными точками.

Пока Констанцио возился с супом, в кафе вошел Дониц. На его шее, поверх засаленного буро-коричневого пальто, был намотан шарф в бело-голубую полоску, новый и чистый.

- Что это у вас за обновка? – удивился Констанцио, показывая на этот странный предмет одежды.

- Это шарф. Вы заметили, господин Констанцио, что все французы ходят в шарфах? У них здесь ужасные сквозняки, все насквозь продувает, вот поэтому каждый француз в любую погоду наматывает на себя шарф. И я решил не выделяться – к тому же так гораздо комфортнее.

- Ужасная расцветка, - пробормотал Констанцио. – Впрочем, дело ваше. Ну так рассказывайте, месье. Вы говорили мне по телефону, что нам срочно нужно что-то обсудить.

- Вот! – Дониц вытащил из кармана глянцевого журнал, раскрыл его на нужной странице и положил перед галерейщиком. Заметка называлась «Мини-Моне». В ней сообщалось, что в Англии у восьмилетнего мальчика вдруг раскрылся необычайный талант живописца. Мальчик рисует пейзажи в стиле Моне по шесть штук в неделю, которые бойко раскупаются ценителями за большие деньги. Выставки-продажи расхватываются в считанные минуты. В свои восемь лет ребенок уже заработал четверть миллиона. В доказательство в журнале присутствовали репродукции пейзажей, которые Констанцио тщательно изучил.

- Ну, что скажете? – нетерпеливо спросил Дониц.

- Насколько вообще можно судить по репродукциям, типичный импрессионизм. Мальчик уловил его суть: воздух, дыхание, особый свет, игра широких мазков... Вы же сами знаете, месье Дониц, стоит поймать суть чьей-то манеры и, можно сказать, стиль полностью в ваших руках. А дальше пиши себе на здоровье, хоть шесть картин в неделю, хоть тридцать шесть. Этот мальчик – подражатель, но не художник, и вы понимаете это не хуже меня, не так ли? Но вообще... В свете недавних событий... Это довольно забавное совпадение. Моне и восьмилетний мальчик... Пикассо и наши дети... Совпадение довольно забавное.

- Да к черту все эти совпадения, – Дониц перегнулся через столик, и на галерейщика пахнуло его спертым дыханием. – Вот смотрите: мальчик подражает известному художнику – и прославился! И загребает неплохие деньги! Его имя в мировой прессе! А всего делов-то – скопировать стиль. Почему так, господин Констанцио? Вы же понимаете, что я в этом смысле гораздо более талантлив, да что там – я в этом смысле гений! Почему у меня нет славы, мирового имени, толпы поклонников, домика на побережье? Может быть, мне тоже стать известным мальчиком? Как вы думаете, косметологи могли бы сделать из меня юношу?

- Восьмилетним мальчиком вам не стать, дружок, а талантливый юноша никого не удивит. Здесь дело не в возрасте, а в неожиданности. Вдруг начинает рисовать тот, от которого этого совсем не ждали. Английский ребенок, африканский слон или слепая слабоумная старуха. Понимаете? А вы, месье, в этом смысле самый обычный человек. Смирись с этим.

Дониц откинулся на спинку стула.

- Слепая слабоумная старуха... Именно старуха, а не старик... Она живет в бедном приюте, и у нее под губой большая бородавка. Медсестры говорят, ей недолго осталось. Старуха бредит. Она говорит: Принесите краски! Принесите мне краски! Ей дают что-то простое, гуашь или акрил, ей дают альбом и она рисует... А? Синьор Констанцио, неплохая идея? Старухой-то я легко мог бы стать.

Подошел официант, забрал остывший суп, спросил, не угодно ли чего-нибудь еще. Констанцио заказал два кофе.

- Вы пустились в театральщину, господин Дониц. Эта старуха слишком уж эксцентрична. К тому же, дружок, вам как художнику это не принесет известности: при удачном стечении обстоятельств вы прославите имя вымышленной старухи, а не себя самого.

Дониц забрал журнал, свернул трубочкой и засунул обратно в карман. Затем взял чашечку кофе, поднес ко рту и отхлебнул. Галерейщик внимательно следил за ним, ему казалось, что Дониц сейчас непременно должен пролить кофе себе на новый шарф – но нет, все обошлось.

- Ну в общем, да, я с вами согласен, - сказал художник. – Со старухой я немного перегнул. Но ведь есть какие-то другие способы. Я уверен, что они есть. Сеньор Констанцио, подумайте. Вы же у нас мозг предприятия. Шульц – кошелек, я – гений, а вы – мозг.

- Вы утрируете, впрочем, как всегда. Вы уже показывали эту статью месяце Шульцу?

- Нет еще. Только сегодня купил журнал. К Шульцу зайду вечером. Я бы прямо сейчас пошел, но он запретил мне появляться в его лавке, как вы знаете. Так значит, сеньор Констанцио, вы согласны, что идея стоящая?

- Ну, идеи пока никакой нет. Однако в ваших словах есть определенный смысл. В наше дело следовало бы внести новизну. Тут я согласен.

От дверей кафе Констанцио и Дониц пошли в разные стороны. Галерейщик, испытывая легкую досаду из-за неудавшегося обеда, направился в антикварную лавку. Она занимала просторное помещение из нескольких залов в тихой улочке respectable квартала. В первом зале Шульц стоял рядом с представительной дамой, которая рассматривала картину на стене. Кар-

тина, а точнее, набросок углем представлял юную девушку в балетном платье, закинувшую назад гибкие руки. Платье было небрежно покрашено голубой пастелью. Дама, скептически скривив губы, тщательно осматривала небольшое полотно.

Едва Констанцио переступил порог, как Шульц протянул руку в его сторону и сказал:

- А вот и наш эксперт! Вы очень вовремя, синьор. Мадам, позвольте представить – синьор Констанцио, галерейщик, искусствовед, знаток. Он вам все расскажет об этом маленьком шедевре.

С той же скептической гримасой дама повернулась к галерейщику и стала осматривать его плотную фигуру в добротном верблюжьем пальто. Затем снова повернулась к Шульцу:

- Так это настоящий Дега или подделка?

- Знаете, мадам, в любом другом магазине вам бы продали эту картину как подлинник, но только не у нас, – сказал Шульц и снова протянул руку к Констанцио. - Вот у нас есть эксперт, он вам сейчас все объяснит.

Констанцио прокашлялся, встал рядом с дамой и тоже принялся смотреть на картину. Выдержав паузу, он произнес:

- Это не оригинал, скорее всего, это картина ученика или поклонника Дега, очарованного талантом мастера. Нарисована явно в более поздний период. К тому же сам мастер не пользовался обычными красками, он готовил пастель по своему собственному рецепту. И вот этот голубой цвет, вот эта краска - несколько иного качества, чем у Дега. С другой стороны, всем известно, что художник был подслеповат, А за десять лет до смерти и вовсе потерял зрение. Поэтому все различия в манере картин позднего периода можно приписать этой его болезни. В общем, если не быть экспертом, то сложно отличить эту картину от кисти Дега, но вам я честно скажу – нет, это лишь подражание. И вот еще...

Констанцио подошел к картине и пристально всмотрелся.

- Взгляните сюда, мадам, в правый нижний угол. Видите – вроде бы подпись Дега, но если приглядеться повнимательнее... Вот эти небольшие штрихи углем перед подписью... Видите?

Дама сощурилась, наклонилась и почти уткнулась носом в картину.

- Нет, я ничего не вижу.

- Но посмотрите же! Из этих штрихов явно видятся буквы а la... То есть а la Дега. В манере Дега... Неизвестный художник не

стал скрывать своей подделки. Однако же, если вы повесите эту милую картину у себя в гостиной, то можете запросто выдать ее за подлинник. Картина прекрасная, и вряд ли кто-то отличит ее от руки великого мастера.

- И все-таки я ничего не вижу, – дама сделала шаг назад, раскрыла и снова закрыла свою сумочку. – Так сколько же стоит этот набросок?

- Ну... - пробормотал Констанцио, почесывая подбородок, - оригинал бы стоил около миллиона. А эта прелестная вещица, думаю, не больше пятидесяти тысяч.

Дама и галерейщик повернулись к Шульцу.

- Ну, пожалуй... - произнес Шульц, глядя на картину так, будто ему не хотелось с ней расставаться. – Ну хорошо, за пятьдесят тысяч я ее уступлю.

Дама отошла от стены еще на пару шагов и снова уставилась на картину. Затем раскрыла сумочку, вытащила чековую книжку:

- Я беру.

Покупательница ушла. Констанцио еще раз взглянул на то место, где только что висела картина.

- Неплохо! – сказал он. – Я вижу, господин Шульц, вы уже совсем освоились на новом месте.

- У нас проблемы с Доничем, - мрачно произнес Шульц. – Подождите, я вам кое-что покажу.

Шульц ушел в подсобку и через секунду принес картину средних размеров, покрытую тряпкой.

- Этот эскиз, который мы только что с вами продали, он вчера набросал прямо при мне, за полчаса. А перед этим он всучил мне вот что.

Шульц снял тряпку. На полотне была та же самая танцовщица, только отлично прорисованная и выписанная пастелью. Констанцио взял картину, вытянул руки и повернул ее к свету. Затем поставил картину на прилавок и отошел на пару шагов. Как и прежде, когда он видел работы Донича, у галерейщика возникло желание купить картину для себя или, на худой конец, приобрести ее для постоянной экспозиции в своей галерее. Картина была хороша. Донич прекрасно уловил стиль Дега, и если бы не свежесть красок, то отличить кисть Донича от кисти великого импрессиониста было бы не так просто. Однако и холст, и краски были совсем новыми, и в связи с этим танцовщицу нельзя припи-

сать ни самому Дега, ни его ученикам – очевидно, что картина написана недавно.

Шульц с недовольством наблюдал за тем, как Констанцио любит картину. Наконец галерейщик отвернулся от полотна, и Шульц быстро закрыл картину тряпкой.

- Ну, что скажете, господин эксперт? Кажется мне, что вы стали поклонником нашего Доница.

Констанцио задумчиво потер лицо.

- Надо что-то делать. Вы правы, с Доницем надо что-то делать. Знаете ли, он сегодня сообщил мне, что он гений, а гению положена слава и богатство. Дониц хочет славы. И нам с вами, господин Шульц, надо с этим считаться, не то он, того и гляди, ускользнет из-под крыла и наделает глупостей. К тому же, надо как-то развить наше предприятие.

- И что вы предлагаете?

- Может быть, устроить какой-то трюк, перформанс... Скажем, сеанс гипноза. Приглашаем гипнотизера, и Дониц под гипнозом в узком кругу избранной публики рисует шедевры в стиле великих художников. И тут же устраиваем аукцион на картину. Думаю, прибыль будет немалая. Ну и Доницу – его слава.

Шульц нахмурился.

- Перформанс, гипноз... Это напоминает мне салон мадмуазель Алисии. Помните ее? Она вам, кстати, передавала привет. Моя дочь, Грета, с ней по телефону болтает чуть не каждый день. Ну да ладно... Что ж, давайте попробуем гипноз. Посмотрим, что выйдет. Во сколько нам обойдется гипнотизер, интересно?

В этот момент в лавку Шульца вошли двое мужчин. Один, повыше ростом, остановился неподалеку от прилавка и стал внимательно разглядывать нефритовую статуэтку. А второй обошел помещение лавки, бегло осматривая товары. Оба посетителя производили впечатление вполне солидных покупателей, но Шульц, как заметил Констанцио, насторожился и быстро убрал картину Доница за прилавок. Тогда тот, что пониже, подошел к антиквару:

- Добрый день, меcье. У вас прекрасный магазинчик. Вы ведь недавно открылись?

Шульц любезно ответил на приветствие и подтвердил:

- Да, моя лавка открылась неделю назад. К вашим услугам, меcье.

- Спасибо, спасибо. А не продаете ли вы живопись? Я интересуюсь картинами, - произнес низкий мужчина и заглянул за прилавок.

- Бывает, что продаем, но сейчас, к сожалению, нет ничего интересного.

- А что это за холст? Можно взглянуть? – низенький указал на картину Доница.

- Нет, это не для продажи.

- И все-таки позвольте посмотреть. Если нельзя купить, то можно хотя бы взглянуть?

- Прошу прощения, месье. Это моя личная вещь, подарок. Я не могу вам ее показать. – Шульц говорил мягко, но увидев в глазах посетителя неутраченное назойливое любопытство, добавил твердым голосом: – Я вам ее не покажу.

Посетители пожали плечами, пробормотали «ну что ж, ну что ж...» и вышли из лавки. Констанцио спросил с удивлением:

- Месье Шульц, вы думаете, эти двое что-то разузнали? Опять старая история?

- Ну, пока что волноваться не о чем. Слухи ползут, это нормально. Однако гипнотизера я разыщу сегодня же. Приходите ко мне вечером, часам к семи, обсудим все вместе с Доницем.

Выйдя из антикварной лавки, Констанцио в раздумье направился вверх по улице и на углу увидел итальянский ресторанчик. Ему сильно захотелось есть, наестся наконец чем-то вкусным и сытным, и он вошел в ресторан. В зале было пусто, ни одной живой души. Однако мгновение спустя из кухни выскочил толстый лысый человечек в черном костюме с бабочкой и замахал руками, усаживая Констанцио за столик.

- Бон джорно, бон джорно! Проходите, месье, садитесь. Как вы любите: у окна, в уголке? Вот здесь удобный диванчик, прошу вас. Что будете кушать: омлет, пасту, лазанью?

- Пасту с мясом, красное вино, десерт, - Констанцио снял пальто, которое тут же подхватил итальянец, и расслабленно уселся на диванчик.

Итальянец скрылся на кухне и тут же вернулся со стаканом прозрачной жидкости на подносе.

- Сейчас все будет готово, через секунду, а пока отведайте граппы, за счет заведения, угощаю.

- Нет-нет, я не люблю граппу, я голоден, нельзя ли поскорее принести еду?

- Один момент, месье. Все же выпейте, прошу вас, отличная граппа, тосканских виноградников, ну хоть один глоток.

- Не настаивайте, синьор, не хочу. – И чтобы не продолжать это бессмысленное пререкание, Констанцио попытался перевести разговор на другую тему. – А что это у вас посетителей нет? Не время? Рановато для публики?

Итальянец вздохнул и отхлебнул граппы из стакана.

- Время здесь ни при чем. Все дело в Карло. Карло был нашим поваром.

Принесли пасту и вино. Констанцио взял в руки вилку.

- И что с ним случилось? – спросил он.

- Бедный мой Карлито... В общем, это длинная история, синьор. Хотите послушать?

Констанцио кивнул с набитым ртом.

- Карло – это сын моего двоюродного брата, мой племянник. Он всегда был чудаковат, с самого детства, но готовил отлично, и я пообещал брату, что возьму его к себе и буду за ним присматривать. И все было как нельзя лучше. Французы полюбили наш ресторан, восхищались искусством Карло, от посетителей отбою не было. Представляете, полный зал с утра до вечера.

Итальянец обвел взглядом зал и шмыгнул носом.

- Эх... Золотое было время! Карло так прославился здесь, что один адвокат даже хотел его у меня купить. Вот умора! Как будто я торгую племянниками. Но потом на Карло нашло... Он возомнил себя... Сначала он отказался от меню. Он шел на кухню и импровизировал. Что-то там заваривал, поджаривал, подсыпал... Какое блюдо получится, никто не знал, не знал и сам Карло. Так что посетитель не мог выбирать, он был вынужден есть то, что ему сделает повар. И все бы ничего, многим нравилось. Некоторых клиентов мы потеряли, но ресторан был на хорошем счету. Я частенько стоял на кухне, следил, чтобы Карло не перегнул палку. Но он все-таки ее перегнул.

Итальянец допил граппу одним глотком, сбегал к бару и принес еще два стакана.

- Синьор, давайте выпьем. За бедного моего племянника.

Констанцио, справившийся с большой тарелкой пасты, уже не был так категоричен.

- Ну что ж, пожалуй, попробую.

Они чокнулись, Констанцио сделал маленький глоток и скривился.

- Нет уж, прошу прощения, синьор, но граппа – не мой напиток. Не обижайтесь. Продолжайте. Что же было дальше с вашим племянником?

- Он тронулся умом. Он уже не подпускал никого на кухню, приносил какие-то пакетики, травки, запах стоял очень странный. Он вообразил себя великим алхимиком, или как это там называется. Но вкус у его блюд был отменный. Хотя и необычный. Из-за этой странности вкуса мы снова лишились части клиентов, зато у нас были завсегдатаи, несколько десятков постоянных клиентов, и, в общем-то, мы не бедствовали. Но посетители то и дело любопытствовали: из чего приготовлено это, из чего – то. Карло раздражался, и как-то раз он притащил из холодильника баранью тушу, бросил ее на стол перед одним таким любопытным и стал объяснять. Вот из этой части я делаю жаркое, из этой – рагу, а ногу вот так отрезаю и запекаю в сливках с базиликом. А другому любознательному бедолаге он залез ложкой в суп, вылавливал кусочки кореньев и трав и объяснял их название и назначение. Вот такие он устраивал выходы ежедневно. Другой ресторатор выгнал бы такого повара ко всем чертям, несмотря ни на что, но я не мог. Ведь я обещал своему брату. Поэтому я стоял в стороне, опустив руки, и наблюдал, как мое прекрасное заведение превращается в балаган.

Итальянец допил свой стакан и замолчал. Констанцио закончил обед, вытер салфеткой рот.

- Спасибо, синьор, вкусный обед. Однако, я думаю, его готовил не Карло. Что же случилось с вашим племянником потом?

- Случилось то, что и должно было случиться. Бедный Карлито, я не смог его уберечь. Он попал в лечебницу. Он был женат на Марии, чудесной женщине, но ее терпение лопнуло. Ведь дома он устраивал те же сцены. В один прекрасный день Мария решила, что соус пахнет цианистым калием и Карло хочет ее отравить, и она вызвала неотложку. Беднягу увезли в лечебницу для душевнобольных, или, как здесь говорят, в психушку. Я навещаю его каждую неделю. Но он и там не успокоился – устроился поваром при больничной кухне. И знаете, теперь к нему туда ходят

обедать наши бывшие клиенты. Он стал знаменит на весь Париж. Пообедать у безумного Карло – это шик.

Итальянец опустил голову и замолк. А потом тихо продолжил.

- А мой ресторанчик теперь пустует. Так, вечером забежит стайка тощедадых малолеток, закажет одну пиццу на всю компанию. И пара-тройка алкоголиков напьется дешевым вином, пока все не попадают на стол головой. Вот и вся моя клиентура.

Констанцио достал кошелек.

- Ну, не расстраивайтесь, дружок. Ваш новый повар весьма хорош, все у вас наладится. Благодарю за обед.

Он положил на стол купюру и вышел.

Дул зябкий ветер, небо затянулось тучами. Тем не менее, галерейщик решил прогуляться и неспешно направился вниз по улице, куда глаза глядят. Он снова оказался у реки, пересек мост и вошел в парк. В малолюдном парке царила меланхолия. Голые деревья тянули к тучам крючковатые ветви, зеленые стулья, составленные в кружки, пустовали, на головах порывевших статуй неподвижно сидели упитанные чернохвостые чайки. Под грустную мелодию одиноко крутилась карусель с блестящими белыми лошадами в разноцветной сбруе. На одной из лошадей сидела маленькая девочка в шапке, надвинутой по самые брови. Ее пухлое, будто надутое, лицо в очках с толстыми линзами улыбалось с неземным блаженством.

Констанцио прошелся по аллеям, подошел к пруду, где мальчик лет восьми запускал кораблик с ярко-красным парусом. Глядя, как кораблик скользит по воде, Констанцио размышлял о том, как он откроет в этом городе свою галерею, в просторном светлом помещении, в уважаемом квартале. Превосходная постоянная экспозиция, выставки гениев прошлого и современности... Его мечты прервал тощий и бледный до синевы подросток в тонкой трикотажной курточке с капюшоном. Он подошел сзади и тронул галерейщика за рукав. Вероятно, он говорил Констанцио что-то из-за спины, но Констанцио не расслышал. Ежась от ветра в своей курточке, подросток еще раз спросил:

- Моне?

Констанцио недоуменно уставился на него. Причем здесь Моне?

- Не понимаю вас, меcье.

- Монеи? – снова повторил подросток и потер большим и указательным пальцами.

Наконец галерейщик догадался. Этот юноша говорит по-английски на французский манер, с ударением на последний слог. «Монеу» - он хочет денег.

- Ноу мани, дружок, - ответил Констанцио. - Не подаю.

Вечером галерейщик пришел к Шульцам. Антиквар перевез в Париж всю свою большую семью, но нынешняя его квартира была не намного просторнее, чем прежняя. Так же, как и в прежние времена, трое компаньонов расположились за столом на кухне, где жена Шульца еще мыла посуду с ужина. Шульц рассказал Доничу идею с гипнозом. Художник нахмурился.

- А вдруг я и вправду усну под этим гипнозом? Как я буду рисовать? Надо мне постараться не засыпать, а лишь сделать вид, тогда я смогу рисовать по-настоящему.

- Будете рисовать во сне, Дониц. Иначе зачем нам гипнотизер? Можно было бы обойтись без гипнотизера, но тогда кто поверит, что вы рисуете под гипнозом? Дорогой месье Дониц, вы должны уснуть и рисовать во сне так же хорошо, как вы рисуете наяву. Постарайтесь внушить себе это. Для вашей же пользы. Ведь, собственно, вся эта затея устроена исключительно ради вас, ради вашей славы.

Шульц легонько стукнул кулаком по столу, как бы демонстрируя, что возражений он не потерпит.

В дверь позвонили, и жена Шульца провела на кухню пожилого господина в очках в золотой оправе.

- Доктор Абрахамс, - сказала жена.

- Гипнотизер, - сказал Абрахамс.

Констанцио оглядел гостя и подумал, что, пожалуй, гипнотизер обошелся Шульцу в круглую сумму. Очки и дорогой костюм, портфель из крокодиловой кожи и холеные пухлые руки – очевидно, сей господин неплохо наживаетесь на своих услугах.

Шульц встал.

- Вот, месье Абрахамс, вот, собственно, тот молодой... гм... человек, - он указал на Доница. Тот отвернулся и стал смотреть в окно, – чьи способности к живописи мы бы хотели исследовать под гипнозом. Прошу, господа, пройдемте. – Мужчины встали из-за стола и пошли за Шульцем. Тот привел их в комнату своей дочери, Греты. У большого окна, за которым над парижскими

крышами выцветали последние краски заката, стоял мольберт с чистым холстом. Рядом с мольбертом, аккуратно, как инструменты дантиста, были разложены кисти и краски.

- Это правда, господин доктор, что если внушить человеку, что он великий художник, то он начинает рисовать как мастер? – спросил Шульц.

Абрахамс уселся в кресло, открыл портфель, вынул бархатную тряпочку и стал тщательно протирать очки.

- Мастер не мастер... Но... Рисовать он будет, конечно, лучше... Чем раньше... Чем до того, как... Все зависит от таланта. Вот мы и проверим... Есть ли талант... - гипнотизер говорил очень медленно, покашливая. Почистив очки, он надел их и несколько раз поправил указательным пальцем на переносице, пристально глядя в Доница. Донич, напряженно выпрямив спину, смотрел в окно.

- А как долго сохранится гипнотическое внушение? Будут ли новые способности действовать по окончании сеанса?

- Как долго... Будут, да... Пару дней... Может быть, неделю... Не больше... Зависит от человека... От него зависит...

- Ну что ж, - заключил Шульц, - пора начинать. Кстати, сеньор Констанцио, как насчет прототипа? В кого из художников мы, так сказать, превратим нашего друга Доница? Настоятельно рекомендую выбрать личность уравновешенную, спокойную, чтобы без отрезания ушей и прочего.

Констанцио задумался.

- Гении, знаете ли, все не от мира сего. Но давайте возьмем того же Пикассо, к примеру. Вполне вменяемый был человек.

- Ну что ж... - снова сказал Шульц.

В этот момент в комнату вошла Грета, худая черноволосая девочка с искривленным болезнью телом. Она встала у двери, склонив вывернутую шею и неуклюже задрал плечо.

- Я хочу посмотреть, - сказала она тонким настойчивым голосом. Шульц посмотрел на нее недовольно, но не стал перечить.

- Сядь в углу и сиди тихо, - сказал он строго. – Чтоб ни одного звука, понятно?

- Если все готовы, - продолжил Шульц, - можем начинать. Доктор, прошу вас, начинайте.

Абрахамс обратился к Доницу четким, почти механическим голосом.

- Слушайте мой голос. Вы слышите только мой голос.

Констанцио следил за действием. Он не раз видел по телевизору, как проводится сеанс гипноза, и сцена, которую он сейчас наблюдал, ничем не отличалась от телевизионного шоу. Все это походило на представление, цирковой фокус, и Констанцио охватила легкая досада. Однако буквально через минуту Донич закрыл глаза, голова его свесилась, тело расслабилось. И после того, как Абрахамс сообщил ему: «Вас зовут Пабло Пикассо, вы великий художник», Донич развалился в непринужденной позе, заложив ногу за ногу.

- Пожалуйста, господа, знакомьтесь, - наконец сказал доктор Абрахамс. – Нас посетил мэтр Пикассо.

Донич открыл глаза и обвел присутствующих добрым, покровительственным взглядом. Шульц посмотрел на Констанцио и едва заметно кивнул головой - мол, действуйте.

- Эээ... - Констанцио несколько заволновался. – Господин Пикассо, мы очень рады вашему визиту. Мы, знаете ли, высоко ценим ваше искусство и... Хотим обратиться к вам с просьбой. Пожалуйста, месье, нарисуйте что-нибудь на этом холсте.

Донич удивленно поднял брови.

- Рисовать здесь? – Он подошел к мольберту, покрутил в руках кисточку и бросил ее обратно на столик. – Да вы шутите.

Констанцио и Шульц посмотрели на Абрахамса. Гипнотизер произнес, четко выделяя каждое слово:

- Господин Пикассо, возьмите кисточку и рисуйте.

Донич обернулся к Абрахамсу.

- Вы мне приказываете? Вы – мне? Вы хотите, чтобы Пабло Пикассо, всемирно известный художник, участвовал в вашем маленьком домашнем представлении? Вы, верно, готовы заплатить? Скажем, сто тысяч франков? А? Вы мне сто тысяч франков, а я вам пару фиолетовых линий. Идет?

Донич вдруг весело рассмеялся.

- Нет, камарадос, это шутка. Ни одной линии я вам не нарисую. Нет и нет.

Донич снова уселся в кресло, закинул ногу за ногу, продолжая смеяться, и вторя ему, из угла послышался звонкий смех Греты. Абрахамс молча развел руками.

После того, как художника привели в чувство, гипнотизер удалился. Однако Донич, проснувшись, был полон энергии.

- Я хочу рисовать! Прямо сейчас! Верните доктора, я ему покажу! Грета, иди сюда! Нет, лучше оставайся там.

Донич схватил грифель и начал набрасывать силуэт сидящей в углу Греты. Скособоченные плечи и вся ее худенькая фигурка прекрасно подходили для натуры Пикассо. Донич лихорадочно водил грифелем по холсту.

- Ничего уже не вернешь, - мрачно сказал Шульц, даже не глядя на старания Донича. – Что вы скажете, синьор Констанцио?

- Балаган какой-то, - пробормотал Констанцио. – Сумасшедший дом.

И тут в его голове смутно забрезжила новая идея, но галерейщик, наученный опытом, не стал ее озвучивать.

Констанцио вернулся к себе в гостиницу, портье передал ему записку от мадемуазель. На клочке бумаги крупным витиеватым почерком было написано: «Проездом в Париже. Хотела повидаться. Зайду завтра в десять. Алисия». И действительно, ровно в десять утра на следующий день Алисия постучала к нему в номер. Констанцио был рад ее видеть. Мадмуазель Алисия, художница, учительница рисования и хозяйка спиритического салона живо напомнила галерейщику спокойные дни в его родном городе, по которому он уже успел соскучиться.

Алисия прошла по его крохотной комнате, включила и выключила настольную лампу, потрогала пальцем обивку кресла, выглянула в окно.

- Уютненько, - сказала она. – А я приехала за покупками и решила тебя навестить. Как ты?

- Прекрасно. А что там у нас в городе, какие новости?

- Какие там могут быть новости. Скучотища. Вот твоя жена решила собаку завести.

- Собаку? Зачем? Я терпеть не могу собак. Что это ей взбрело?

- Ну, я зашла к ней вчера, чтобы твой адрес узнать, а она начала жаловаться, что, мол, ты уехал, ее бросил, а ей тревожно, страшно. Дом пустой, а она одна. Вот пусть хоть собака будет рядом.

- Никаких собак! Передай ей, пожалуйста, дружочек Алисия, что скоро все здесь наладится, и я ее заберу. Пусть немного пождет. А собаку я запрещаю, так ей и скажи.

- Кстати, она тут тебе передала кое-что.

Алисия полезла в свою сумку и положила на стол большой сверток. Сквозь бумагу проступали большие жирные пятна.

- Что это? – спросил Констанцио.

- По-моему, курица.

Алисия снова заглянула в свою сумку.

- Ах, черт, все испачкалось! – она вытащила из сумки не-большой рулон, на котором тоже оказались несколько жирных пятен. Констанцио опытным глазом определил, что в рулоне картина.

- Что это такое, дружок? Что за картина?

- Да так, пустяки... Ну, могу показать, если хочешь.

- Это твоя новая картина? Покажи, конечно.

Алисия развернула рулон. Констанцио недовольно поджал губы. На небольшом полотне были нарисованы подсолнухи, явно в подражание знаменитому оригиналу, но это было лишь жалкое, нелепое подражание.

- Ну как? – спросила Алисия, едва заметно волнуясь.

- Милые цветочки, - хмуро ответил Констанцио. И посмотрел на художницу. - Зачем ты их нарисовала?

Алисия швырнула картину в сторону.

- Хорошо, я скажу тебе честно. Я, конечно, не ваш месье Донич, гениальный подражатель. Но... Я хочу быть в вашей команде. После вашей выставки в городе такая скука. Вы уехали, и теперь вообще ничего не происходит. Мои картины никого не интересуют. Грета уехала с вами, и теперь на мои спиритические сеансы никто не ходит. Без Греты дýхи нашим дамам не являются. В общем... Жизни нет. Я прошу тебя, возьмите меня в свою компанию. Я могу помогать, организовывать. Мы с Гретой можем открыть здесь свой салон. И школу обучения живописи. Я понимаю, в Париже этим никого не удивишь, но мы могли бы придумать что-нибудь такое... Школа живописи для детей-сирот, для детей-инвалидов, для детей-шизофреников. Плюс дýхи. А? Неплохо?

- погоди, дружок, - сказал Констанцио, - но я-то здесь с какого боку? Открывай свой салон дýхов или школу шизофреников, если тебе хочется. Но при чем здесь я? Или Шульц, или Донич?

- Ах, я не знаю! – Алисия упала в кресло. – Пока не знаю. Я просто хочу быть вместе с вами, в одной упряжке. Понимаешь? И я этого добьюсь, - она снова вскочила. – Ты меня знаешь!

В этот момент в комнате зазвонил телефон. Звонил молодой человек, подручный Шульца в антикварной лавке, и дрожащим голосом просил Констанцию срочно приехать.

- Срочно, синьор, как можно скорее, здесь такие неприятности. Месье Дониц скандалит. Лавка закрыта. Пожалуйста, быстрее.

Примчавшись к лавке, Констанцию обнаружил, что входная дверь заперта, и небольшая толпа зевак заглядывают внутрь сквозь стекло витрины. Он вошел в лавку с черного хода, прошел через подсобку, где у стены стоял дрожащий помощник, и в торговом зале увидел растерянного Шульца и Доница, размахивающего пачкой эскизов. Дониц, завидев Констанцию, тут же обрушился на него.

- А вот и наш эксперт, весьма кстати. Смотрите! – Он сунул Констанцию эскизы, на которых была нарисована Грета. – Здорово? А? Это не подделка. Это подлинник. Пикассо умер, да здравствует Пикассо. Пикассо это я. – Дониц подошел к старинному зеркалу в золоченой рамке и стукнул кулаком по своему отражению. Зеркало покачнулось, но не разбилось. – Вот он Пикассо. Я бы мог нарисовать все его шедевры так, что ни одна сволочь в экспертной комиссии не найдет отличий. Но я не буду этого делать. Нынче Пикассо жив, и он создает новые картины. Откройте вашу лавку, Шульц, пусть народ видит.

Констанцию поймал беспомощный, умоляющий взгляд Шульца. Галерейщик вышел в подсобку, нашел в телефонном справочнике номер психиатрической больницы и вызвал неотложку.

- Мания величия, - сказал он в трубку. – Художник воображает себя Пикассо и громит лавку. Будьте любезны, поскорей.

Машина вскоре приехала, санитары взяли Доница под локти. Художник сначала вырывался и продолжал кричать, но когда его начали связывать, он вдруг стих и посмотрел на своих компаньонов испуганно и отчаянно.

- Господин Шульц, синьор Констанцию, друзья! Вы что, меня в психушку хотите уложить? Это за все, что я для вас сделал? Прошу вас, не надо. Скажите, что это недоразумение. Отпустите меня!

Доница усадили в неотложку. Дверь машины захлопнулась и прищемила кусок полосатого, бело-синего шарфа. Констанцию и

Шульц смотрели, как кончик шарфа развевается на ветру позади уезжающей машины.

- Все вышло слишком неожиданно, - грустно сказал Шульц, глядя вдаль, где только что скрылась неотложка. – Надо было поехать с ним в больницу, объяснить врачам, что он не болен, что это лишь следствие гипноза, и через несколько дней все пройдет. Синьор Констанцио, - попросил Шульц, - поезжайте прямо сейчас. Еще не поздно.

Констанцио молчал. Они стояли у входа в лавку, и толпа зевак, собравшаяся на скандал, начала расходиться. Но Констанцио заметил двух уважаемых граждан, одного повыше, другого пониже, которые вчера заходили к антиквару. Они стояли совсем рядом и смотрели сквозь витрину внутрь помещения, где на полу были разбросаны эскизы Доница. Тот, что повыше, достал фотоаппарат и начал щелкать. Констанцио повернулся к Шульцу.

- Пойдемте в лавку, господин Шульц. Здесь неудобно разговаривать.

Как только антиквар открыл дверь, несколько человек из зевак, а с ними и те двое, попытались войти внутрь. Констанцио преградил им дорогу.

- Извините, господа, подождите еще несколько минут. Нужно навести порядок после... гм... инцидента. Лавка откроется через десять минут, господа.

Оказавшись внутри, Констанцио быстро изложил Шульцу свою идею.

- План таков. Пусть Доница признают невменяемым, больным. Мания величия, нарциссизм, шизофрения, что угодно. Лечить не надо, напротив, пусть он будет в таком состоянии, как сегодня. Или вчера, на сеансе. Понимаете, господин Шульц? Нам нужен сумасшедший, пациент психбольницы со справкой, объявляющий себя Пикассо и рисующий как Пикассо. А мы оформим опекунство над невменяемым художником и право распоряжаться его картинами. И тогда - всем сестрам по серьгам. Дониц получит то, что он так хотел, славу, известность, а мы получим его картины.

- Да, я понял, - пробормотал Шульц. - Неплохо придумано. К тому же Доница всегда можно регипнотизировать. Если Дониц-Пикассо упадет в цене, то мы сделаем из него Доница-Матисса или Доница-Ван-Гога.

Констанцио и Шульц улыбнулись друг другу.

- Я, пожалуй, съезжу в больницу, успокою нашего гения, - сказал Констанцио. - А вы, господин Шульц, сделайте звоночек доктору. Объясните ситуацию, обсудите детали, возможно, потребуются расходы. Впрочем, в этих делах вы лучше разбираетесь, тут я вам не указ.

- Поезжайте, дорогой синьор. Пора уже открывать лавку.

- А эскизы эти мы оставим здесь, - Констанцио кивнул на пачку рисунков, которые помощник Шульца аккуратно сложил на прилавке, - и если те два проныры попросят их показать – что ж, покажем.

Компаньоны пожали друг другу руки.

В больнице Констанцио первым делом отправился к Доницу. В палате стояло шесть кроватей, Дониц лежал за перегородкой у окна. Вымытый и причесанный, в свежей голубой пижаме, Дониц выглядел очень больным. Он лежал и безучастно смотрел сквозь оконное стекло на серое осеннее небо. Увидев галерейщика, он лишь слабо скривил губы. Констанцио попытался ободрить художника, объяснить, обнадежить, но Дониц не реагировал на его слова. Только когда Констанцио, отчаявшись, собрался уходить, Дониц произнес:

- Мне нужна отдельная палата.

- Да. Конечно, - кивнул галерейщик.

- Отдельная просторная палата с большим окном, окно выходит на восток или на юг, - сказал Дониц.

- Хорошо, - ответил Констанцио.

- Свежие газеты каждое утро, - добавил Дониц.

Констанцио достал записную книжку.

- Что-нибудь еще?

- Фрукты. Я люблю апельсины, виноград, спелые груши. Бутылку хорошего коньяка, коньячную рюмку. Пачку листов для эскизов, карандаши, пастель, уголь.

Констанцио записал.

- Это все?

- Пока все. Если что-нибудь понадобится, мой доктор вам позвонит, - ответил Дониц, не поворачивая головы. – Можете идти.

После посещения больного художника Констанцио направился к врачу. Психиатр, крепкий молодой мужчина с ярким ру-

мянцем на щеках, заулыбался, услышав фамилию своего пациента.

- Да-да. Уже звонили. Никаких проблем. Мы, конечно, сделали ему укол, чтобы не буянил, но если вы не хотите его лечить, то лечить не будем. Как скажете.

- А что, господин доктор, если бы вы его лечили, то от чего? Каков диагноз?

- Диагноз довольно-таки обычен, месье. У нас с таким диагнозом два корпуса битком набиты. Возможно, паранойяльная шизофрения, мегаломания, делирий, бред, синдром Кандинского-Клерамбо и так далее.

- Как вы сказали? Какой синдром?

- Кандинского-Клерамбо. Это так, навскидку. Более точно скажу после полного обследования.

- Нет, господин доктор, в обследовании нет необходимости. Того, что вы сказали, вполне достаточно. Значит, говорите, диагноз обычный? Распространенный?

- Ну конечно, месье, такое в наше время часто можно встретить. Чуть человек забудется, как тут же начнет бредить, воображать, галлюцинировать. Принимать фантазию за действительность. Раздваиваться и растриваться. Выдавать себя не за того, кто он есть. Не успеешь глазом моргнуть, как окажешься в лечебнице. Ха-ха. Такое время, месье, такие нынче люди. Но вот зато у нас есть один больной, вот он – редкая птица, уникал, гордость всей клиники. Один на всю Европу. К нему что ни день – то консилиум, студенты, ученые со всего света.

Доктор протянул руку, достал с полки папку и открыл на первой странице.

- Вот он, мальчик, четырнадцать лет, зовут Илайя. Мать – певица филармонии, - доктор закрыл папку. – Певица из нее плохая, все где-то на вторых ролях, на подпевках, но разъезжает по гастроллям, пытается чего-то добиться в жизни. А мальчик один, без любви, без заботы. Вот и сошел с ума.

- Ну, мало ли детей без любви, без заботы... А что же с ним необычного? – спросил Констанцио.

- Не разговаривает. Не ходит. Не принимает пищу. Лежит, мычит, и самое интересное - ест только сам себя.

- В каком смысле?

- Да в самом буквальном. Приходишь к нему палату: Илайя, ну как ты? Он мычит. Я говорю: Что ж ты такой худой, почему не ешь? А он - хватя себя за руку и откусывает кусок. И сразу глотает. Вся постель перемазана кровяными пятнами. Я говорю: Да что ж ты делаешь, бедолага, ты же скоро совсем себя съешь. А он опять свою руку кусает, чуть повыше. Худой, кожа бледно-желтая, сухая, весь в ранах. Хотите посмотреть?

- Нет-нет. – Констанцио посмотрел на часы. – Мне уже пора. Очень много дел. Прощайте, господин доктор, я должен идти.

- Ну что ж, до встречи, месье, - улыбнулся доктор.

После больницы Констанцио поехал к себе в гостиницу. Пора бы уже заняться своими делами, подумал он. В этой суете с Доничем его личные планы остались в стороне, и теперь галерейщик решил позаботиться о них. Первым делом надо подыскать помещение для новой галереи. Поеживаясь от зябкого ветра, Констанцио прошелся по улице и зашел в магазинчик печатной продукции. Пока он выбирал газеты с объявлениями, мрачный продавец магазина не произнес ни слова, будто бы вообще не замечал посетителя. Молча взял деньги, молча отсчитал сдачу и едва кивнул на машинальное «спасибо», произнесенное Констанцио. От этого у последнего слегка поднялось настроение.

Насвистывая, он поднялся на свой этаж в гостинице и уже было собрался вставить ключ в замочную скважину, как в коридоре открылась дверь одного из номеров и оттуда выглянула Алисия.

- Констанцио! – Она замахала рукой. – Подойди, пожалуйста.

- Ну что, как дела? – спросила она, когда Констанцио подошел. И не дожидаясь ответа, сказала, - Хочу тебе кое-что показать.

- Опять что-то нарисовала? – спросил Констанцио.

- Да, это рисунки, но не мои. Сейчас увидишь. Заходи.

Вид у Алисии был торжествующий и чрезвычайно довольный, и, подавшись любопытству, Констанцио зашел в комнату.

- Знаешь, я решила задержаться в Париже. Вот, тоже сняла номер. Садись. Как у вас дела, нормально идут?

- В целом, нормально.

Констанцио сел и огляделся. Номер Алисии был гораздо просторней, чем его собственный, но уже заставлен безделушками.

Пахло духами и ванилью. По всей видимости, номер состоял из двух комнат – за дверью в стене, кто-то еле слышно возился.

- Кто у тебя там?

- Грета. Пришла рисовать. Раньше, до переезда, она училась у меня живописи. Помнишь? Тебе еще понравилась ее вазочка с яблоками. Ну вот, сегодня она пришла ко мне, захотела продолжить учиться, раз уж я сейчас здесь. И вот, кстати. Она мне кое-что принесла. В подарок.

Алисия открыла ящик стола, вынула эскиз и протянула его Констанцию. Это был рисунок Доница, тот самый набросок гриффелем, который художник сделал после сеанса гипноза в комнате Греты.

- Натуральнейший Пикассо, не правда ли? – сказала Алисия.

- Правда. И что ты собираешься с ним сделать?

- Думаю, продать. Вот только пока не решила кому и за сколько. И кого назвать автором.

- Ну что ж, дружок, тебе повезло. Думаю, скоро ты сможешь продать этот эскиз за две-три сотни тысяч, - Констанцию протянул эскиз Алисии обратно. – А в авторстве все же нет сомнений, автор – Дониц.

- Скоро? А что будет скоро? Вы хотите рассекретить Доница?

- Дело в том, что Дониц заболел. Он в больнице. У него, в некотором роде, психоз.

- Ах, психоз... То есть после гипноза... Ну понятно.

- Алисия, дружок, не переживай. В больнице я говорил с психиатром, веселый такой человек, он сказал мне, что в наше время это с каждым может случиться. Расскажи лучше, как у тебя дела.

- Жаль, Констанцию, кофе не могу тебе сварить. Хорошо бы сейчас чашечку кофе. В общем, дела у меня нормально. Я навела справки: здесь есть подходящие люди, здесь Грета, можно открыть спиритический салон. К тому же... Знаешь, что сказала мне Грета о Донице?

В эту секунду из соседней комнаты показалась девочка.

- Мадемуазель Алисия, хочу у вас спросить, по поводу оттенка. Пойдемте.

Грета увела Алисию в другую комнату, и Констанцию пошел вслед за ними.

В другой комнате галерейщику тут же бросилась в глаза большая картина, которую рисовала Грета. На ней был изображен вид из окна. Над темными парижскими крышами восходило солнце, его прозрачные лучи расходились по всему полотну энергичными, полупрозрачными мазками. Пока художницы совещались по поводу красок, Констанцио любовался работой девочки. Солнце, окаймленное темными силуэтами, живо сияло в самом центре полотна.

- Прекрасная картина, Грета, - сказал Констанцио. - Ты, наверное, знаешь, у Эдварда Мунка есть картина с похожим содержанием, но стиль у тебя свой собственный. Очень хорошая работа.

- Спасибо, - ответила Грета, не повернув головы.

- А Мунк, кстати, тоже... - начала было Алисия, но осеклась на полуслове. После паузы она продолжила прежний разговор. - Так вот, я хотела рассказать тебе о Дониче. Грета, я думаю, сеньор Констанцио должен знать. Донич вчера рисовал Грету, ты, наверное, уже видел его эскизы. И он хочет, чтобы Грета ему позировала и дальше. Она согласилась при условии, что четвертую часть рисунков он будет отдавать ей. Так они и договорились.

- Натурщицей? А господин Шульц разрешил?

- Нет, не разрешал, - раздался голос из-за их спин. И Алисия, и Констанцио стояли лицом к мольберту и не слышали, как Шульц вошел в комнату. Констанцио сразу понял, что Шульц необычайно напряжен. Его лицо покраснело, и хотя он старался говорить спокойным, медленным голосом, но тон был выше обычного, временами срываясь на совсем визгливые нотки.

- Грета! Я запрещаю тебе позировать Доничу. Я запрещаю тебе участвовать в спиритических сеансах. Рисование мы тоже отложим до лучших времен, пока ты не начнешь вести себя прилично и слушаться родителей. Мы тебя слишком избаловали, давно пора взяться за твоё воспитание. Хватит рисования. Хватит искусства. Займешься чем-нибудь другим - будешь учить языки, читать книги. Матери некогда тобой заниматься, так найдем гувернантку. И с сегодняшнего дня - ни шагу из дома без моего разрешения, поняла?

Грета слушала, улыбаясь и помахивая кисточкой. От этого Шульц совсем рассвирепел.

- Перестань смеяться, когда отец с тобой разговаривает! Я с тобой не шучу! Посажу тебя под домашний арест, шагу больше за порог не ступишь. Позировать она собралась. Натурщица, черт тебя дерит! Ясновидающая! Художница! Все, я сказал, больше никаких фокусов. В шахматы теперь будешь играть. Посмеешься тогда у меня.

- Ну па-апа... - протянула Грета, привычно-капризным голосом. – Я же ничего такого не делаю... Мадмуазель Алисия, скажите...

Вместо Алисии за девочку вступился Констанцио.

- Господин Шульц, может быть, все-таки помягче... Посмотрите на ее картину, это же талант. Грета – настоящий художник.

- А я сказал, хватит с нас художников! – рявкнул Шульц. – Голова трещит от этих талантов. Грета, домой! Живо!

Грета, казалось, скособочилась еще сильнее и несколько секунд неподвижно смотрела перед собой.

- Ах так... - наконец произнесла она, быстро оглядела комнату и взяла с полки декоративную свечку. – Секундочку, папа. Я иду. Дайте кто-нибудь мне спички.

Алисия достала из кармана коробок.

Грета зажгла свечу и поднесла ее пламя к уголку своей картины на мольберте. Холст ярко вспыхнул, огонь моментально охватил весь мольберт, языки пламени быстро дотянулись до тонкой оконной занавески.

Алисия, отпрянув от жара, громко завизжала. Шульц сгреб вопящую Грету за плечо и поволок прочь из комнаты. Констанцио схватил плед, набросил его на мольберт, сорвал занавеску и стал топтать пламя. Алисия опомнилась и побежала в ванную за водой. В стену начали стучать соседи. Не прошло и десяти минут, как пожар был потушен, но комната изрядно пострадала: обгорелые тряпки валялись в луже на полу, краски растеклись по ковру, мерзко воняло гарью. Тут же в номер Алисии постучал портье. Констанцио кивнул Алисии - мол, извини, дружок, с портье ты справишься лучше меня - и пошел к себе.

Войдя к себе в номер, он с облегчением запер дверь. В комнате стоял густой гниловатый запах жареного. Констанцио тут же увидел источник запаха – большой масляный сверток на столе, та самая курица, которую передала его жена. Констанцио вдруг почувствовал сильнейший приступ голода, ведь с самого утра он не

успел даже подумать о еде. Разорвав кое-как оберточную бумагу, галерейщик отломил куриную ногу и вгрызся в нее зубами.

Антонен Арто Покончить с шедеврами³

Одна из причин удушливой атмосферы, в которой мы живем без надежды на обжалование или побег, - атмосферы, к созданию которой все мы, даже самые революционные из нас, приложили руку - заключена в почтении ко всему написанному, сформулированному или нарисованному, к тому, что обрело форму, - как если бы всякое выражение не исчерпало себя вконец, не подошло к той точке, в которой всем вещам следует испустить дух, чтобы затем вернуться и начать все с начала.

Нужно покончить с идеей шедевров, предназначенных для так называемой элиты, шедевров, которые не понимает толпа; нужно признать, что внутри духа нет заповедных областей, как нет их для тайных сексуальных сближений.

Шедевры прошлого хороши для этого прошлого: они не годятся для нас. Мы имеем право сказать то, что уже было сказано, и даже то, что не было сказано, способом, присущим только нам, способом непосредственным, прямым, отвечающим нынешним типам чувствования, способом, понятным для всех.

Глупо упрекать толпу в том, что у нее нет чувства возвышенного, когда это возвышенное путают с одним из его формальных проявлений, которые, впрочем, всегда оказываются проявлениями уже благополучно похороненными. И если, скажем, нынешняя толпа больше не понимает пьесы "Эдип-царь", я рискну утверждать, что вина тут лежит на этом "Эдипе-царе", а не на толпе.

В "Эдипе-царе" представлена тема Кровосмешения и идея, согласно которой природа всегда смеется над моралью; там говорится также, что где-то существуют некие слепые силы, которых нам стоило бы остерегаться, и что эти силы называют судьбой или как-нибудь еще.

³ Перевод с французского Сергея Исаева.

Помимо этого, тут присутствует эпидемия чумы, выступающая физическим воплощением этих сил. Но все это - облаченное в такие одеяния и написанное таким языком, который утратил всякую связь с судорожным и грубым ритмом нашего времени. Софокл, возможно, говорит возвышенно, однако он прибегает к приемам, которые уже вышли из моды. Он говорит чересчур тонко для нашей эпохи, и потому может показаться, что он говорит неточно и не к месту.

Между тем толпа, которую заставляют содрогаться железно-дорожные катастрофы, толпа, которой ведомы землетрясения, чума, революция, война, - толпа, которая восприимчива к беспорядочным и тяжким мукам любви, - вполне способна подняться до всех этих высоких понятий, ей нужно лишь осознать их, но при условии, что с ней сумеют говорить ее собственным языком, при условии, что представление обо всем этом достигнет ее не посредством ветхих одеяний и поддельных слов, принадлежащих мертвым эпохам и никогда уже более не восстановимым.

Как и прежде, толпа сегодня жадна до тайн: она требует лишь осознания законов, сообразно которым проявляется судьба, и, возможно, разгадки секретов ее вмешательства.

Оставим классным наставникам критику текстов, эстетам - критику форм, и признаем наконец, что то, что было некогда сказано, говорить более нельзя; что одно выражение не годится на то, чтобы его употребляли дважды, оно не живет дважды; что всякое произнесенное слово мертво и действует лишь в тот момент, когда произносится, что форма, которую раз употребили, более не нужна и зовет лишь к поискам иной формы, и что театр - это единственное место в мире, где сделанный жест не возобновляется дважды.

Если толпа не идет к литературным шедеврам, это значит, что шедевры эти литературны, то есть жестко зафиксированы, и зафиксированы в формах, не отвечающих требованиям времени.

Вместо того, чтобы обвинять толпу и публику, нам бы следовало обвинять ту формальную ширму, которую мы ставим между собой и толпой, равно как и ту форму нового идолопоклонства - поклонение раз и навсегда установленным шедеврам, составляющее одну из сторон буржуазного конформизма.

Этот конформизм, вынуждающий нас смешивать возвышенное, идеи, вещи с теми формами, которые они обретали во време-

ни и в нас самих, - в нашем сознании снобов, изысканных толкователей и эстетов, - с формами, более невнятными для публики.

Было бы напрасным тут обвинять во всем дурной вкус публики, которая упивается бессмыслицами, коль скоро мы не показали этой публике настоящего зрелища; а я ручаюсь, что вы не покажете мне здесь настоящего зрелища, - настоящего в высшем понимании театра, - после недавних великих романтических мелодрам, то есть на протяжении последних ста лет.

Публика, принимающая ложь за истину, обладает чувством истины и всегда реагирует на нее, когда последняя являет себя. Однако сегодня истину следует искать не на сцене, но на улице; и когда уличной толпе предоставляется возможность проявить свое человеческое достоинство, она всегда его проявляет.

Если толпа отвыкла ходить в театр; если все мы в конце концов стали рассматривать театр как низший род искусства, как средство вульгарного развлечения, если мы стали использовать его для того, чтобы дать выход нашим худшим инстинктам, - все дело тут в том, что нам слишком часто говорили, будто все это имеет отношение к театру, то есть ко лжи и иллюзии. Все дело в том, что за четыреста лет, то есть со времен Возрождения, мы привыкли к чисто описательному театру, к театру, который повествует - и повествует о психологии.

Дело в том, что все изощрялись, заставляя жить на сцене существа правдоподобные, но отъединенные от нас, когда зрелище разворачивается по одну сторону, публика же остается по другую; дело в том, что толпе предлагали просто зеркало, отражающее то, что она есть.

Сам Шекспир несет ответственность за такое извращение и упадок, за эту идею незаинтересованного театра, который стремится к тому, чтобы театральное представление не затрагивало публику, чтобы предложенный образ не вызвал потрясения всего ее организма, чтобы он не наложил на нее неизгладимый отпечаток.

И если у Шекспира человека порой заботит нечто, превосходящее его природу, речь все равно определенно идет о последствиях такой озабоченности для человека, то есть о психологии.

Психология, ожесточенно упорствующая в том, чтобы свести неизвестное к известному, иначе говоря, к повседневному и обыденному, выступает причиной такого упадка и такого ужасного

расточения энергии, которое, как мне кажется, подошло к своей крайней черте. И мне представляется, что театр, да и мы сами, должны покончить с психологией.

Впрочем, я полагаю, что в этом все мы сходимся и что нет необходимости опускаться до отвращения к современному, в частности, к французскому театру, чтобы заклеить театр психологический.

Истории, связанные с деньгами, огорчения из-за денег, общественный карьеризм, любовные муки, к которым никогда не примешивается альтруизм, сексуальные порывы, припудренные эротикой, лишенной всякой загадки, - все это не имеет отношения к театру, коль скоро входит в сферу психологии. Эти мучения, эти бесчестные поступки, эти грубые спаривания, перед лицом которых мы оказываемся теперь всего лишь теми, кто получает удовольствие, подсматривая в замочную скважину, - они закисают и обращаются в революционные порывы: в этом надо отдавать себе отчет.

Но это еще не самое худшее. Если Шекспир и его подражатели долгое время внушали нам идею искусства для искусства, когда искусство стоит по одну сторону, а жизнь - по другую, можно было вполне довольствоваться этой бесполезной и бездельной идеей, пока жизнь, протекавшая за ее пределами, еще держалась. Но сейчас слишком многие признаки свидетельствуют о том, что все, ради чего мы жили, более не держится, что все мы безумны, повергнуты в отчаяние и больны. И я призываю нас к противодействию.

Эта идея независимого, отдельного искусства, поэзии чар, существующих лишь для того, чтобы зачаровывать нас в минуты отдыха, есть идея декаданса, и она в высшей степени способна продемонстрировать нашу способность к кастрации.

Наше литературное восхищение Рембо, Жарри, Лотреамоном и некоторыми другими авторами, восхищение, которое двоих довело до самоубийства, для других же сводится к пустым разговорам в кафе, составляет часть этой общей идеи литературной поэзии, независимого, отдельного искусства, нейтральной духовной деятельности, которая ничего не делает и ничего не производит; и я свидетельствую, что именно в тот самый момент, когда индивидуальная поэзия, занимающая лишь того, кто ее пишет, и в мгновение, когда он ее пишет, свирепствовала самым ужасным

образом, театр был наиболее презируем поэтами, у которых никогда не хватало ни чувства, ни прямого и массового действия, ни пользы, ни опасности.

Нужно покончить с предрассудком относительно письменных текстов и письменной поэзии. Письменная поэзия годится на один раз, а затем ее следует уничтожить. Пусть мертвые поэты уступят место другим. Во всяком случае, нам следует понять, что именно наше преклонение перед тем, что уже сделано, - каким бы прекрасным и реальным оно ни было, - наводит на нас оцепенение, заставляет нас замереть и мешает нам войти в соприкосновение с силой, пребывающей внизу, с силой, называемой мыслящей энергией, жизненной силой, предопределенностью перемен, менструациями луны или чем угодно. За поэзией текстов стоит просто поэзия, без формы и без текста. И подобно тому, как истощается эффективность масок, применяющихся в магических операциях некоторых племен, - после чего эти маски годятся лишь на то, чтобы сдать их в музеи, - точно так же истощается и поэтическая действенность текста, поэзия же и действенность театра относится к числу тех, что истощаются наименее быстро, поскольку она допускает действие того, что выражается в жесте и произношении, - того, что никогда не воспроизводится дважды.

Речь идет о том, чтобы понять, чего же мы хотим. Если мы все готовы к войне, к чуме, голоду и массовой резне, нам не нужно даже говорить об этом, достаточно, если мы просто будем продолжать. Продолжать вести себя как снобы, толпиться перед тем или другим певцом, тем или другим восхитительным зрелищем, которое не выходит за пределы сферы искусства (а русские балеты даже в моменты высшего своего великолепия никогда не выходили за пределы сферы искусства), перед той или другой выставкой станковой живописи, где то здесь, то там вспыхивают весьма впечатляющие формы, которые, однако же, взяты наобум, без достоверного осознания тех сил, которые они могут привести в движение.

Нужно покончить с этим эмпиризмом, с этой случайностью, с этим индивидуализмом и этой анархией.

Довольно индивидуалистических стихов, от которых гораздо больше выигрывают те, кто их создает, чем те, кто их читает.

Раз и навсегда - довольно уже всех этих проявлений замкнутого, эгоистичного и личностного искусства.

Наша анархия и путаница нашего духа являются лишь функцией от анархии всего прочего, - или, скорее, все прочее есть лишь функция от этой анархии.

Я не из тех, кто верит, будто для того, чтобы театр изменился, должна измениться цивилизация; но я верю, что театр, используемый в своем высшем и возможно более трудном смысле, наделен силой воздействия на вид и формирование вещей: и происходящее на сцене сближение двух страстных проявлений, двух живых очагов, двух нервных магнетизмов - это нечто настолько же полное, настолько истинное, даже настолько предопределяющее, каким в жизни бывает сближение двух эпидерм в позорном соединении, лишенном всякого завтра.

Вот почему я и предлагаю театр жестокости. - В этом маниакальном стремлении все обесценить, - стремлении, которое сегодня свойственно нам всем, - стоит мне только произнести слово "жестокость", как всем начинает казаться, будто я подразумеваю "кровь". Но "театр жестокости" означает трудный и жестокий театр прежде всего для меня самого. В плане же представления речь идет не о той жестокости, которую мы способны проявлять друг к другу, взаимно раздирая на части наши тела, расчленяя наши соответствующие анатомические организмы, или же, подобно ассирийским императорам, отправляя Друг другу с посыльным мешочки с человеческими ушами, носом или аккуратно вырезанными ноздрями, - о нет, речь идет о той гораздо более ужасной и необходимой жестокости, которую могут проявлять по отношению к нам вещи. Мы не свободны. И небо еще может обрушиться нам на голову. И театр создан для того, чтобы научить нас прежде всего этому.

Или же мы окажемся в состоянии, применяя современные и пригодные сейчас методы, вернуться от всего этого к той высшей идее поэзии, поэзии, творимой театром, - идее, стоящей за всеми Мифами, что поведаны великими древними трагиками, окажемся в состоянии еще раз вынести религиозную идею театра, иначе говоря, сумеем без медитации, без ненужного созерцания, без смутных снов прийти к осознанию, равно как и к овладению некоторыми преобладающими силами, некоторыми понятиями, управляющими всем (а поскольку понятия, когда они эффективны, несут в себе свою энергию, нам нужно обнаружить в себе эти энергии, которые в конечном счете создают порядок и поднима-

ют ценность жизни), - или же нам останется только махнуть на себя рукой, оставив все без отклика и без последствия, останется только признать, что мы пригодны теперь лишь для беспорядка, для голода, крови, войны и эпидемий.

Или мы сведем все искусства к некоему центральному отношению и к центральной необходимости, найдя аналогии между жестом, совершаемым в живописи или театре, и жестом, сотворенным раскаленной лавой при извержении вулкана, - или же нам нужно прекратить заниматься живописью, досужими пересудами, перестать писать и вообще делать что бы то ни было.

Я предлагаю вернуться в театре к этой простейшей магической идее, подхваченной современным психоанализом, - идее, согласно которой, чтобы добиться выздоровления больного, нужно заставить его принять внешние очертания того состояния, в которое его желательно привести.

Я предлагаю отказаться от того эмпиризма образов, которые случайно привносятся бессознательным и которые столь же бессознательно вводятся в оборот; их называют поэтическими образами, а стало быть, образами герметическими, как если бы тот род транса, что несет с собою поэзия, не находил себе отзвука во всей нашей чувственности, во всех нервах, и как если бы поэзия была некой смутной силой, не разнообразящей своих движений.

Я предлагаю вернуться посредством театра к идее физического постижения образов и средств погружения в транс, подобно тому, как китайской медицине были ведомы в человеческой анатомии особые точки, которые можно было уколоть, а уж те, в свою очередь, управляли всем, вплоть до самых тонких функций.

Если кто-нибудь позабыл коммуникативную мощь и магический миметизм жеста, театр может вновь обучить его этому, поскольку жест несет с собою свою силу, в театре же все равно действуют человеческие существа, которые призваны проявлять силу жеста, ими совершаемого.

Заниматься искусством - значит лишить жест его отзвука во всем организме, между тем как этот отзвук, коль скоро жест совершен в надлежащих условиях и с надлежащей силой, склоняет организм, а уж через него - и всю индивидуальность человека, к тому, чтобы принимать отношения, соответствующие совершенному жесту.

Театр - это единственное место в мире и последнее средство в оставшемся нам наборе, которое позволяет прямо пробиться к цельному организму; в период невроза или низкой чувственности, вроде той, в которой мы погрязли сейчас, это средство помогает нам бороться с этой низкой чувственностью физическими способами, которым она не в силах противостоять.

Если музыка воздействует на змей, то это происходит не благодаря возвышенным духовным понятиям, которые она им сообщает, но потому, что змеи длинны, потому что они во всю длину тянутся по земле, потому что тела их касаются земли почти всей своей протяженностью; и музыкальные вибрации, передающиеся земле, достигают змей как некое весьма изысканное и весьма долгое поглаживание; ну что ж, я предлагаю поступать со зрителями примерно так же, как со змеями, когда тех закидают, - иначе говоря, через посредство организма заставить их вернуться к самым изысканным понятиям.

Вначале действовать грубыми средствами, которые с течением времени становятся все более изысканными. Эти непосредственные грубые средства с самого начала захватывают внимание зрителя.

Вот почему в "театре жестокости" зритель находится посредине, тогда как зрелище окружает его со всех сторон.

В этом зрелище постоянно его озвучивание: звуки, шумы, крики прежде всего привлекаются ради своих вибрационных свойств, а уж затем - ради того, что они представляют.

В число этих средств, которые становятся все более изысканными, в свой черед вступает и свет. Свет, что создан не только для того, чтобы окрашивать или освещать, свет, несущий с собою свою силу, свое воздействие, свои смутные внушения. А ведь свет зеленой пещеры создает для организма совсем не те же чувственные предрасположенности, что свет просторного ветреного дня.

Вслед за звуком и светом приходит черед действия и динамика этого действия: именно здесь театр, вовсе не копируя жизнь, вступает в общение, - коль скоро он на это способен, - с чистыми силами. И независимо от того, принимают это или нет, все равно существует оборот речи, называющий "силами" то, что внутри бессознательного порождает заряженные энергией образы, а во внешнем плане приводит к бесцельному преступлению.

Сжатое и неистовое действие в чем-то подобно лиризму: оно вызывает сверхъестественные образы, кровотечение образов, и хлещущая кровавая струя образов пребывает как в голове у поэта, так и в голове зрителя.

Каковы бы ни были конфликты, которыми одержимо сознание эпохи, я бросаю вызов зрителю, которому передали свою кровь неистовые сцены, который ощутил в себе движение высшего действия, который во внезапной вспышке озарения увидел в необычайных фактах необычайные и существенные движения собственной мысли, - когда неистовство и кровь были поставлены на службу неистовству мысли, - я бросаю вызов зрителю, предлагая ему выйти наружу, за пределы идей рискованной и случайной войны, бунта и убийства.

Будучи изложенной таким образом, эта мысль кажется слишком поспешной и детской. Скажут, что пример вызывает к другому примеру, что внешняя форма, свойственная выздоровлению, влечет за собою выздоровление, тогда как внешняя форма убийства - убийство. Все зависит от способа и от степени чистоты, с которой это делается. Есть, конечно, и риск. Но не следует забывать о том, что хотя жест в театре и неистов, он все же бескорыстен, что театр наставляет как раз о бесполезности действия, которое, раз совершившись, более не может быть совершено, - равно как и о высшей бесполезности не использованного действием состояния, каковое, будучи обращенным, вспять, создает тонкую возгонку чувства.

Стало быть, я предлагаю театр, где физические неистовые образы размалывают и гипнотизируют чувственную сферу зрителя, захваченного театром так, как можно быть захваченным водоворотом высших сил.

Это театр, который, оставив психологию, повествует о необычайном, выводит на сцену естественные конфликты, естественные и утонченные силы, театр, который прежде всего представляет себя в качестве исключительной силы отвлечения. Театр, который вызывает трансы, подобно тому, как трансы бывают вызваны танцами дервишей и индейцев айсау, театр, который обращается ко всему организму с помощью точно рассчитанных средств, - эти средства по сути те же, что и мелодии ритуалов исцеления у некоторых племен: мы восхищаемся ими, когда

слышим записи на пластинках, но сами не способны порождать нечто подобное в своей среде.

В этом есть некоторый риск, но я полагаю, что в нынешних обстоятельствах на него стоит пойти. Я не думаю, что нам удастся вдохнуть новую жизнь в то положение вещей, в котором мы находимся, и я не думаю, что стоит труда вообще за него так уж держаться; но я предлагаю нечто для того, чтобы выйти из маразма, - вместо того, чтобы беспрерывно стонать, жалуясь на этот маразм, равно как и на скуку, инертность и глупость всего на свете.

Вадим Климов 15 историко-философских замечаний

I

Принцесса на горошине. Горошин на самом деле две: одна в голове, это мозг принцессы, другая под периной или под кроватью или даже на другом этаже. Первая горошина не позволяет принцессе сделать что-либо со второй, которую она ощущает всем своим естеством, но из-за горошины в голове не может ничего изменить.

Известно, что пропорциональное увеличение или уменьшение горошин ведет к улучшению или усугублению ситуации соответственно.

II (кулинарное)

В свободное от работы время Адольф Гитлер любил бывать в Освенциме, где готовил заключенным вкуснейший гуляш по-тирольски. Слава об этом гуляше была такова, что евреи из других лагерей часто провоцировали конфликты с администрацией, чтобы переехать в Освенцим.

История гуляша по-тирольски заканчивается на Нюрнбергском процессе, где это блюдо подверглось запрету наравне с нацистской идеологией.

III

Оказывается, известная притча об осле, который не смог выбрать, с какой кучи сена ему начать и умер от голода, имеет начало, которое все рассказчики почему-то пропускают.

Прелюдия притчи такова. Осел находит кучу сена и сам делит ее пополам, чтобы сначала съесть одну половину, а потом вторую. Но, не в силах выбрать, какая будет первой, а какая второй, умирает голодной смертью.

Дополнение к замечанию #3 (об осле)

Осел делит сено на кучи не ради удовольствия, а для того, чтобы оно остыло. Изначально осел сталкивается с большой кучей горячего сена. Температура такова, что есть его невозможно. Поэтому осел разделяет кучу на две. И умирает в ожидании, когда сено остынет и его можно будет есть.

Английские джентльмены подышают перед чашкой остывающего чая, а ослы перед горячим сеном.

IV (усатые матросы)

Матросам, как известно, запрещено выходить в море с усами. Или, как выражают эту мысль на морском языке: выходить в море *в усах*. Морьякам низкого ранга надлежит оставлять усы на берегу. И никаких исключений не предусмотрено.

Объясняется это просто. На корабле матрос с усами подвержен гораздо большей опасности, чем без усов. В любой момент усы могут спутаться с канатами и повесить матроса на мачте. Или даже прилипнуть к смоле, не позволив матросу выполнить работу.

Или, что самое страшное, когда матрос вывалится за борт, рыбы, схватившись за его усы, потянут бедолагу ко дну. Ему не останется ничего другого, как погибнуть.

Однако в древности все обстояло иначе. Вместо мореплавания тогда практиковалось сакральное мореплавание. И матросам разрешалось выходить в море с усами. Или, более правильно, *в усах*. Потому что древние моряки обладали способностью в случае необходимости отбрасывать усы, как ящерицы отбрасывают хвосты.

Ничто не стоило вывалившемуся за борт матросу отбросить усы, как только за них уцепятся крупные рыбыны. А затем, забравшись обратно на корабль, отпустить усы снова.

Описанная метаморфоза получила название вырождения мореплавания. Вырождение заключается в том, что матросы стали безусыми.

V (традиционалистское)

Французский традиционалист и эзотерик Рене Генон писал, что конец времен, вернее, конец человеческого цикла, помимо хорошо известных знамений (таких как смешение каст, доминирование количества над качеством и др.) будет сопровождаться еще тем, что грибы сбросят, наконец, маску пассивного повиновения и начнут мстить людям, убивая и калеча их где ни попадя.

Дело в том, что по Генону положение грибов в духовной иерархии выше положения человека. Однако осуществление на Земле представило грибы в таком виде, что ничто не помешало выродившемуся человеку начать употреблять их в пищу. А делать это было категорически нельзя.

Скрытый последователь Генона Сергей Курехин ввел в обиход концепт Ленина-гриба. Непосвященные профаны восприняли его как шутку, не придав иного значения. Однако Ленин-гриб — прежде всего символ, причем символ одновременно доступный, глубокий и парадоксальный.

Оказывается, Ленин, ключевая фигура пролетарской революции, перенесший идеи материализма, атеизма и марксизма из области представлений в реальность, был не человеком, а грибом. То есть существом, превышающим человека онтологически.

Об этом следует говорить.

VI (теологическое)

Когда я был студентом и дискутировал о религии и атеизме, то время от времени натывался на такой странный выверт, что, мол, и верующие верят в Бога, и неверующие тоже верят, но не в Бога, а в его отсутствие.

В эстетическом плане такой подход казался мне грубоватым. Складывалось впечатление, что вера воспринимается как постыдная заразная болезнь, и верующие вынуждены оправдывать

ся: не только они больны, но и все остальные заражены. И если симптомы еще не проявились, то в ближайшем будущем обязательно проявятся.

Итак, неверующие верят в то, что Бога нет. Но, в таком случае (ведь эту цепочку можно продолжить) и верующие верят не в Бога (или его существование), а в то, что Бог не отсутствует.

Или, что почти одно и то же. Верующие не верят в то, что Бога не существует.

VII (про галстук)

Удивительно, но галстук, сугубо мужской атрибут одежды, в подавляющем большинстве случаев сами мужчины подобрать не могут. Зато с этим прекрасно справляются женщины: их жены, матери или любовницы.

В гардеробе обычного мужчины висит галстуков десять, из которых семь-восемь можно безбоязненно надеть, их купили женщины. А два-три галстука купил сам мужчина, на людях в них лучше не показываться.

Известная древнеримская поговорка гласит:

Нет жены – нет галстука

Точно и лаконично.

В Татаро-монгольской империи практиковался закон, по которому войну запрещалось носить галстук, если он неженат. Нарушившим закон отрубали голову. Причем рубили по самое основание шеи, нередко захватывая часть груди. Чтобы родственники не могли похоронить тело, повязав галстук на обрубок шеи.

Этот мудрый закон, охранявший эстетическое спокойствие татаро-монголов, был отменен Папой Римским в эпоху Возрождения, но действует до сих пор.

VIII (кинематографическое)

Всем знаком знаменитый анекдот о первом кинопоказе братьев Люмьер, когда на экране демонстрировалось прибытие поезда и зрители в ужасе выбежали из зала.

Современный обыватель относится к людям прошлого с неоправданным высокомерием, считая их нелепым глупцами. Конечно, обывателю смешно, что зрители убежали от движущегося на экране поезда. Современному человеку и в голову не приходит, что кинопоказы, о которых идет речь, проводились в клубе у железнодорожной станции. И зрители движущихся картинок, считали, что наблюдают железную дорогу в окно.

Разумеется, они были ошеломлены, когда поезд направился прямо на них. Инстинкт самосохранения вытеснил ощущение парадоксальности (зачем было подводить рельсы к клубу?) и зрители в панике бросились на улицу.

После чего произошло самое интересное, о чем не упоминает почти никто. В это же время к станции подходил реальный поезд, под которым и погибла большая часть выбежавших зрителей.

Спасаясь от кинематографического поезда, они попали под колеса настоящего. Реальность завершила виртуальный образ.

IX

Как известно, Америку открыл в конце XV века Христофор Колумб. Иногда, чтобы подчеркнуть первенство испанского мореплавателя используют слово *первооткрыватель*. Как будто можно было открыть Америку во второй раз. Или в третий.

Вероятно, первооткрывателем стали называть Колумба, когда выяснилось, что до него в Америке побывали исландские викинги. Исландцы стали как бы открывателями материка, а Христофор Колумб, проделавший ту же процедуру чуть позже, - первооткрывателем.

Но и мытарства скандинавов отходят на второй план, если вспомнить, что в момент первооткрытия Америки, она уже была плотно заселена людьми, успевшими создать развитую цивилизацию, разделенную на государства.

В этом и проявляется многозначность понятия открыть. "Открыть Америку" и "открыть дверь".

Представьте, что вы приходите к кому-то в гости. Открываете дверь и с порога заявляете:

- Я открыл вашу квартиру.

- Нет, - поправляют вас, – вы открыли дверь. А квартира была и до вас открыта. Свидетельством чего являемся мы, жильцы.

- Нет, - в свою очередь не соглашаетесь вы и повторяете. – Я открыл вашу квартиру.

И, так как вы настаиваете на своем, в вас потихоньку начинают признавать первооткрывателя. Когда, спустя некоторое время, вы случайно встречаетесь с жильцами той вашей квартиры, они говорят:

- Спасибо, что открыли нашу квартиру.

И вы скромно киваете.

Х (современное)

Как стало известно нашим историкам, в ответ на культовую монографию Миши Вербицкого "Антикопирайт" клоун Юрий Куклачев готовит в том же издательстве "Опустошитель" свою книгу "Антивербицкий".

Полемика между культурологом-математиком и клоуном-культурологом развернулась в 2009-м году и закончилась в суде. Куклачев и его кошки обвинили Вербицкого в клевете. Клоун заявил, что никогда не издевался над животными. Да и не мог издеваться - кошки, а не он, Юрий Куклачев, - настоящие хозяева запрещенного в цивилизованных странах цирка.

Юрий Куклачев сообщил, что в своей книге представит убедительные доказательства, что именно Вербицкий, а не сам Куклачев, издевался над кошками, заставляя жить и работать в антисанитарных условиях.

Готовящаяся книга клоуна, ставшего в последнее время главным интеллектуальным оппонентом Миши Вербицкого, - крестовый поход кошек-артистов против клеветы и дурновкусия математики.

- В математике, - заявил Юрий Куклачев, - клевета есть единственный метод доказательства. А дурновкусие – ее эстетическая

основа, стилистическая база. "Антивербицкий" – это наше духовное становление. И ваше становление, если вы готовы сопротивляться злу.

- Мы победим любой ценой, - сообщил клоун в конце выступления.

XI (апология тирана)

На днях наткнулся на великолепную иллюстрацию изречения *"Всему свое время"*. Анонимный автор, разворачивая плоскую мыслишку, внезапно вспомнил об Адольфе Гитлере и его увлечении игрушечными солдатами.

Дело в том, что Гитлер сохранял интерес к солдатам вплоть до того времени, когда его ровесники давно уже интересовались девушками. Что из этого вышло, мы прекрасно знаем. Всему свое время.

В свете обозначенной подробности нацистский диктатор предстает всего лишь неполноценным инфантилом, отстающим от сверстников примерно вдвое.

Но проходит пара десятков лет и ситуация переворачивается с ног на голову. Инфантил выступает с потрясающими речами на площадях всех городов Германии. Гениальный агитатор, он выстраивает одну из самых успешных политических партий в истории человечества. Его ровесники, до этого интересовавшиеся девушками, теперь интересуется исключительно будущим фюрером.

Вскоре Гитлер им становится. И теперь уже дети его ровесников с фюрером в сердце и свастикой в документах штурмуют чужие города, покоряя мир. Десятки миллионов немцев вовлечены в крупнейшую мировую бойню, от ответственности за которую пытаются ускользнуть их внуки.

Но нет. Скольким внукам не удастся свалить гигантскую вину на одного человека – отстающего в развитии ребенка.

С самого детства и вплоть до финала Второй мировой Адольф упоенно играл в солдатики. Выстраивал стратегию, осуществлял боевые операции, отдавал приказы игрушечным фигуркам, расставленным на столе. А его современники считали, что бедный инфантил отдает приказы лично им. И совершали на

фронтах преступления, за которые все вместе ответили на послевоенных антинацистских процессах.

Сам же Адольф избежал суда, спрятавшись среди игрушек. Он до сих пор играет в солдатики на одном из чердаков в предместье Берлина.

ХII (нигилистическое)

Американский философ Кен Уилбер писал о нигилизме так:

Но нигилизм остается в дураках. Они талдычат, что верить не во что. Они не признают никакой системы ценностей; не принимают никакой точки зрения; не верят ни в какие принципы. Однако они едят три раза в день, а потому они явно верят в пищу. По ночам они спят и, следовательно, верят в отдых. Они стремятся иметь воду, тепло и кров и, значит, глубоко верят в физиологические потребности. Большинство из них, несомненно, верит в секс. Иными словами, они не лишены ценностей — они просто верят в общий набор ценностей вместе с кроликами, крысами и куницами.

Эта загадочная алогичная конструкция с кроликами и куницами кажется неполной из-за отсутствия в ней оппонентов нигилизма и самого Кена Уилбера, изобретателя так называемого интегрального подхода.

Дело в том, что не-нигилисты, заявляя о наличии у них неких принципов и ценностей, прекрасно совмещают эти принципы и ценности с принципами и ценностями кроликов, крыс и куниц.

Не-нигилисты едят три раза в день, а потому явно верят в пищу. По ночам не-нигилисты спят и, следовательно, верят в отдых. Не-нигилисты стремятся иметь воду, тепло и кров и, значит, глубоко верят в физиологические потребности. Большинство из них, включая и Кена Уилбера, несомненно, верит в секс. Иными словами, не-нигилисты верят в общий набор ценностей вместе с кроликами, крысами, куницами и нигилистами.

ХІІІ (теологическое)

В популярном позднесоветском фильме "Каникулы Кроша" присутствует эпизод, на который следовало бы обратить особое внимание.

Главный герой из-за наивной неопытности попадает в банду перекупщиков нэцкэ. Банда с помощью объявлений в газетах находит старушек и по дешевке скупает у них нэцкэ. Нэцкэ – это японская миниатюрная скульптура.

Так вот, главный герой, Крош, случайно узнает, что купленную за двадцать пять рублей игрушку перепродадут за сто рублей. Крош возмущен мошенничеством - тем, что старушку не поставили в известность об истинной стоимости ее имущества. Однако вскоре Крошу сообщают, что нэцкэ оказалось искусной подделкой, то есть старушка обманула их, а не они ее.

Крош ликует, он почти счастлив оттого, что обманули не они, а их. В этом нам видится ядро советского морализма. Секулярное государство заимствует мораль христианской религии. В описанном эпизоде отчетливо проявляется тема греха.

Грех настолько неявно обозначен в религиозных догматах, что сам верующий действует практически вслепую. Он не может самостоятельно определить, является ли то или иное действие греховным. Поэтому вынужден каждый раз обращаться к представителю церкви. Собственно, исключительно для этой цели поздняя христианская церковь и существует.

Кроша несказанно рад, когда ему удается спихнуть грех на старуху. Это она, а не он совершила махинацию с поддельным нэцкэ. Теперь старухе, а не ему нести ответственность перед богом или, в случае советской морали, перед абстрактным императивом.

Между тем, если слегка приподняться над уровнем индивидуального восприятия, становится очевидным, что грех никуда не исчезает. Для мира нет разницы, совершает преступление один человек или другой. Грех занозой входит в мир и остается внутри в независимости от того, кто его совершил. Ликовать из-за того, что преступник не ты, а твой ближний, как минимум не по-христиански.

Иисус говорил, возьми у обидчика грех за левую щеку, а если понадобится, то и за правую. К сожалению, учение ортодоксального христианина давно позабыто и каждый норовит въехать в рай небесный на грехах ближнего, а не на своих собственных.

XIV (экстремистское)

К тринадцатому историко-философскому замечанию, теологическому, плотно примыкает четырнадцатое замечание, экстремистское.

Как верующий без церковного наставника не в состоянии определить, где он грешит и неправильно понимает Писание, точно так же обращающийся к массам индивид не может даже приблизительно знать, есть ли в его словах признаки экстремизма.

Это знание - прерогатива экспертов. Специалистов, которых нанимают судебные или прокурорские представители для определения вины подсудимого.

Важный момент. Без помощи экспертизы ни репрессивный аппарат государства, ни массы, к которым апеллирует злоумышленник, не могут знать, возбуждает ли он ненависть либо вражду к так называемым социальным группам.

Сам злоумышленник, что совсем уже смешно, этого тоже не знает. Иначе он мог бы выступить в качестве эксперта на своем же процессе.

Однако двух экспертов на одном процессе быть не может. Подобно гаданию, где только единичное обращение к случайности гарантирует правильный результат (или не гарантирует), в деле выявления экстремизма лишь один эксперт может проделать правильную экспертизу.

При появлении второго эксперта, который заведомо вступит с первым в полемику, ценность экспертизы мгновенно утрачивается.

XV (египтологическое)

Как известно, египетские пирамиды, чудо инженерной и магической мысли, построили динозавры. Причем достаточно дав-

но, чтобы успеть вымереть из-за планетарного катаклизма. Пирамиды же остались.

Однако есть и другое объяснение. Пирамиды соорудили евреи. Они как раз пребывали тогда в рабстве у египтян и те заставили их построить пирамиды. Затем Моисей увел своих соплеменников, они сорок лет слонялись по пустыне, пока не попали в места, приспособленные для жизни.

В пользу второй гипотезы говорит тот факт, что ни одной египетской пирамиды после исхода евреев построено не было.

Как и многое вообще, первое и второе объяснения можно синтезировать. Получится совершенно новая гипотеза, лишенная недостатков обеих старых, и обладающая суммой их сильных сторон.

Третья гипотеза. Путешествуя по миру, евреи оказались в Египте, где попали в рабство к динозаврам и построили по их указанию пирамиды. Затем динозавры вымерли от планетарного катаклизма. Евреи же спаслись от катаклизма в пустыне. Они вынуждены были оставаться там в течение сорока лет, пока мороз не сменился обычной температурой.

Это объяснение расставляет все точки на законные места. И предотвращает появление новых.

Некоторые статьи Конституции РФ

Статья 3

1. Предъявитель суверенитета и единственный источник владычества в Федерации России - его многонациональный народ.

2. Сброд реализует владычество прямо, также как в организациях государства и автономных местных администраций.

3. Верхнее прямое выражение власти народа - референдум и полная свобода.

4. Никто не может приспособливать власть в Федерации России. К узурпации или присвоению властной ответственности стремятся согласно Федеральному закону.

Статья 14

1. Федерация России - светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

2. Религиозные группировки отделены от государства и, будь они хоть равны перед законом, все равно.

Статья 19

1. Они все равны перед законом и судом.

2. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, принадлежности к политическим партиям, религиозным верованиям, также как и другим обстоятельствам. Мы запрещаем любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой и национальной принадлежности, языка или национальности.

3. Человек и женщина имеют равные права и свободы и такие же возможности, какие только осуществимы.

Статья 26

1. Каждый имеет право на то, чтобы определять и на то, чтобы показывать национальный шарнир. Никто не может быть вынужденным к определению и указанию национального шарнира.

2. Он считает каждого прямым для использования родного языка или, на выбор, свободным от языка, связей, образования, образования и работы.

Статья 31

Граждане Федерации России имеют право объединяться мирно без оружия, вести встречи, любые встречи и демонстрации, кинопоказы, следования и манжеты

Статья 40

1. Он считает каждого прямым в жилище. Никто не может быть лишенным произвольно жилища.

2. Организмы власти государства и автономных местных администраций оживляют недвижимое, соединяют условия для осуществления права на жилище.

3. Другим нуждающимся гражданам, нуждающимся в жилище, он предоставляет безвозмездно или за доступную плату другие фонды жилищ государства, офицеров полиции согласно процедуре, установленной обычаем.

Статья 44

1. Мы гарантируем каждому литературную свободу, искусствам, ученым, техникам и другим внешним работникам образования. Интеллектуальная собственность защищена обычаем.

2. Он считает каждого прямым в участии в культурной жизни и использовании культурных учреждений на подходе к культурной стоимости.

3. Каждый побуждает к тому, чтобы заботиться об историческом предохранении и культурном и домашнем наследии памятников истории и культуры.

Статья 69

Федерация России гарантирует права радикальных народов согласно началам универсально принятых процедур международного права и международных договоров по Федерации России.

Статья 81

1. Президент Федерации России выбран для продолжительной службы от шести лет гражданам Федерации России на основании равенства генерала и прямого голосования и секретных тщательных исследований.

2. Президент Федерации России может выбирать гражданина Федерации России не самым юношеским способом на 35 лет, живя постоянно в Федерации России не меньше 10 лет.

3. Тот же человек может заниматься функцией Президент де ла Федератион России более двух непрерывных периодов.

4. Способ выбора Президент де ла Федератион России определен Федеральным законом.

Статья 88

Президент Федерации России в обстоятельствах и в порядках, предвиденных федеральным конституционным законом, ходит по территории Федерации России или его отдельных областей чрезвычайным образом с немедленным сообщением об этом в Совет от федерации и Думу государства.

Статья 119

Судьи могут быть гражданами Федерации России, которые достигли 25 лет, у которых было когда-то юридическое образование и древность юридической профессии не меньше пяти лет. Федеральный закон может устанавливать дополнительные требования и лишать имущества.

Рене Генон
Социальный хаос⁴

В настоящей работе мы не намерены специально останавливаться на рассмотрении социальной действительности, так как она интересует нас лишь косвенно, представляя собой довольно второстепенную область приложения фундаментальных принципов. Именно за счет этой второстепенности социальный уровень ни в коем случае не может стать той областью, с которой должно начаться исправление актуального положения дел в современном мире. Если бы все же это исправление началось именно с социальной сферы, с исправления следствий, а не причин, оно не имело бы никакого серьезного основания и, в конце концов, оказалось бы очередной иллюзией. Чисто социальные трансформации никогда не могут привести к установлению истинной стабильности, и если упустить из виду необходимость изначального соглашения в отношении основополагающих и абсолютных принципов (запредельных сугубо социальной действительности), в этой области придется всякий раз все начинать заново. Поэтому мы глубоко убеждены, что политический уровень цивилизации есть не что иное, как внешнее, коллективное выражение общепринятого в данный период типа мышления. Тем не менее, нам не удастся полностью обойти молчанием те аспекты современного хаоса, которые пропитывают эту социальную сферу.

Как мы уже показали, при существующем положении вещей на Западе никто более не занимает места, свойственного ему в соответствии с его внутренней природой. Именно это имеется в виду, когда говорится об отсутствии в современном мире кастовой системы. Каста в традиционном понимании этого термина есть не что иное, как выражение глубинной индивидуальной при-

⁴ Глава из книги "Кризис современного мира". Перевод с французского Наталии Мелентьевой.

роды человека со всем набором особых предрасположенностей, слитых с этой природой и предопределяющих каждого к выполнению тех или иных обязанностей. Но как только выполнение этих обязанностей перестает подчиняться строго установленным правилам (основанным на кастовой природе человека), неизбежным следствием этого оказывается такое положение, когда каждый вынужден делать лишь ту работу, которую ему удалось получить, даже в том случае, если человек не испытывает к ней ни малейшего интереса и не имеет никакой внутренней квалификации для ее исполнения. Роль человека в обществе в таких условиях определяется не случайностью, которой вообще не существует, но тем, что имеет видимость случайности - системой самых разнообразных условных и незначительных факторов. При этом единственный имеющий основополагающее и глубинное значение фактор - мы имеем в виду принципиальное различие внутренней природы людей - учитывается менее всех остальных. Именно отрицание этого существеннейшего различия, неминуемо ведущее к отрицанию социальной иерархии в целом, является истинной причиной всего того социального хаоса, который царит сегодня в общественной жизни Запада. Это отрицание изначально не было вполне осознанным и реализовалось скорее на практике, нежели в теории, так как полной отмене каст предшествовало их смешение, или, иными словами, все началось с неверного понимания врожденной индивидуальной природы человека, а закончилось полным забвением самого факта существования такой природы (а также связанного с ней естественного неравенства). Как бы то ни было, это отрицание различия внутренней природы людей было возведено в принцип под именем "равенство". Не составляет никакого труда доказать, что равенство вообще невозможно, и что его нигде не существует, хотя бы уже потому, что не может существовать двух совершенно одинаковых и, тем не менее, совершенно отличных друг от друга существ. Гораздо труднее продемонстрировать различные нелепые последствия этой абсурдной идеи "равенства", во имя которой людям пытаются навязать полное единообразие во всем, в частности, через всеобщее и одинаковое для всех образование, основываясь на совершенно ложной предпосылке, будто все в одинаковой степени способны понять определенные вещи и будто одни и те же методы для объяснения этих вещей годятся для всех без исключения.

Однако здесь следует заметить, что в современном образовании речь, как правило, идет отнюдь не о том, чтобы обучающиеся "поняли" те или иные идеи, а о том, чтобы они "заучили" их. При этом память здесь подменяет собой разум, а само образование, видимое как нечто сугубо вербальное и книжное, согласно современной концепции, имеет своей целью такое накопление рудиментарных и беспорядочных, гетерогенных идей, при котором качество полностью приносится в жертву количеству. Как и во всех остальных областях современного мира, здесь мы имеем дело с распылением и множественностью. Можно было бы долго распространяться о порочности "всеобщего образования", однако мы не можем сделать этого в рамках данной работы. Кроме того, помимо частного применения принципа "равенства" к социальной сфере, существует множество других не менее извращенных и порочных его применений в других сферах; при этом последние настолько многообразны, что даже их простое перечисление является почти невыполнимой задачей.

Сталкиваясь с идеями "равенства" и "прогресса" или с какими-то другими подобными современными догмами, большинство из которых окончательно оформились в 18 веке, мы, естественно, не можем допустить, что они появились спонтанно и самопроизвольно. На самом деле это результаты "гипнотического внушения" в самом прямом смысле этого слова, хотя, конечно, эти идеи никогда не смогли бы серьезно повлиять на общество, не будь оно само в какой-то степени готово к их восприятию. Нельзя сказать, что именно подобные идеи породили современное мировоззрение, но они, без сомнения, весьма способствовали утверждению этого мировоззрения, равно как и его развитию вплоть до достижения им критической стадии, до которой оно никогда не смогло бы дойти без их помощи. Если бы это "внушение" внезапно потеряло свою силу, коллективное человеческое мышление почти сразу изменило бы свое качество и свою ориентацию. Именно поэтому подобное "внушение" бдительно поддерживается теми, кто прямо заинтересован в сохранении современного извращенного состояния цивилизации, и особенно теми, кто стремятся еще больше извратить его. Не потому ли, несмотря на стремление современных людей превращать все в предмет дискуссии, эти догмы тщательно уберегаются от того, чтобы стать объектами полемики, и считаются бесспорными и абсолютными

при полном отсутствии каких бы то ни было логических оснований для этого? Кроме того, не так просто выяснить, до какой степени честны пропагандисты подобных идей и в какой мере эти люди попадают в свою собственную ловушку и, обманывая других, становятся в конце концов жертвами собственной лжи. В подобных случаях именно обманутые и реально поверившие в ложь чаще всего служат наилучшим инструментом для обмана других, так как истинным инициаторам лжи довольно трудно симулировать личную убежденность в правоте заведомо фальшивых идей. И тем не менее, у истоков подобного внушения должны стоять вполне сознательные личности, прекрасно отдающие себе отчет в прагматических целях подобных "гипнотических сеансов", а также отлично знающие истинную цену этим идеям. В данном случае мы используем термин "идея" весьма условно, так как совершенно очевидно, что здесь мы сталкиваемся с тем, что не имеет ни малейшего отношения к интеллектуальной области, а значит, строго говоря, не может быть названо "чистой идеей". Это "ложные идеи" или, другими словами, "псевдо-идеи", предназначенные, в первую очередь, для пробуждения у людей "сентиментальных реакций" - именно с их помощью легче всего влиять на толпу. В подобных случаях гораздо важнее сами слова, нежели заключенные в них идеи, и большинство идолов современности - это не что иное, как слова. Часто мы даже сталкиваемся с таким удивительным явлением, как "вербализм", сущность которого состоит в том, что само звучание произносимых слов порождает у невежественных слушателей или читателей иллюзию мысли. В этом отношении особенно показательно влияние, оказываемое на толпу ораторами, и, даже не подвергая феномен "вербализма" специальному анализу, легко понять, что речь здесь идет о самом простом и классическом гипнозе.

Но оставим разбор этих сторон нашей темы, и вернемся к следствиям, проистекающим из отрицания всякой подлинной иерархии. Заметим, что в настоящее время случаи, когда человек выполняет свойственные его внутренней природе функции, являются исключительными, тогда как в нормальной ситуации исключительным должно являться прямо противоположное. Более того, сегодня часто один и тот же человек выполняет последовательно совершенно различные функции, как если бы он мог менять свои способности по своему желанию. В эпоху предельной

"специализации" это должно было бы выглядеть парадоксальным, но, однако, это факт, особенно часто встречающийся в сфере политики. Несмотря на то, что компетентность так называемых специалистов зачастую является чистой иллюзией или, по меньшей мере, ограничена чрезвычайно узкими рамками, все же большинство людей искренне верят в эту компетентность. В этом случае следует задать вопрос, почему подобная вера в компетентность специалистов не распространяется на политиков и почему полное ее отсутствие у них практически никогда не служит препятствием для их карьеры? При здравом размышлении в этом, в сущности, не окажется ничего удивительного, так как здесь мы имеем дело с естественным результатом демократической концепции, согласно которой власть должна приходить снизу и корениться в большинстве, что с необходимостью предполагает отказ от всякой подлинной компетентности, всегда несущей в себе элемент хотя бы незначительного превосходства, естественного превращающего ее в достояние меньшинства.

Здесь следует, с одной стороны, вскрыть ряд софизмов, лежащих в основании демократической идеи, а с другой - показать связь этой идеи с современным мировоззрением в целом. Едва ли надо специально подчеркивать, что наша собственная точка зрения, лежащая в основе наших суждений и оценок, выше какой бы то ни было партийности и не имеет прямого отношения к актуальным политическим дискуссиям. Мы рассматриваем данные вопросы совершенно объективно, точно так же, как мы рассматривали бы любой другой предмет, стремясь лишь с предельной ясностью обнаружить основания, на которых покоятся те или иные явления. На самом деле для того, чтобы все демократические иллюзии, столь характерные для современных людей, были раз и навсегда рассеяны, необходим именно такой объективный и беспристрастный подход. В случае идеи демократии мы снова имеем дело именно с "внушением", таким же очевидным, как и та его форма, о которой мы говорили несколько выше. Когда то или иное убеждение распознается как результат простого внушения и когда механизм воздействия этого внушения становится очевидным, само оно тут же теряет свою силу: в подобных вопросах беспристрастное и чисто "объективное" (как это модно говорить сегодня вслед за специфической терминологией некоторых немецких философов) исследование намного более эффективно,

нежели сентиментальные декламации и партийные дебаты, которые, будучи лишь выражением тех или иных сугубо индивидуальных и частных мнений, ничего никогда никому не доказывают.

Самые решительные доводы против демократии можно сформулировать следующим образом: высшее не может происходить из низшего, поскольку из меньшего невозможно получить большее, а из минуса плюс. Это абсолютная математическая истина, отрицать которую просто бессмысленно. Следует заметить, что точно такой же аргумент применительно к иной области можно выдвинуть против материализма. И в подобном сближении демократии с материализмом нет никакой натяжки, так как они гораздо теснее связаны между собой, чем это кажется на первый взгляд. Кристально ясным и в высшей степени очевидным является утверждение, гласящее, что народ не может доверить кому бы то ни было свою власть, если он сам ею не обладает. Истинная власть приходит всегда сверху, и именно поэтому она может быть легализована только с санкции того, что стоит выше социальной сферы, то есть только с санкции власти духовной. В противном случае мы сталкиваемся лишь с пародией на власть, не имеющей оправдания из-за отсутствия высшего принципа и сеющей повсюду лишь хаос и разрушение. Нарушение истинного иерархического порядка начинается уже тогда, когда чисто временная власть стремится освободиться от власти духовной или даже подчинить ее в целях достижения тех или иных сугубо политических целей. Это является первоначальной формой узурпации, которая пролагает путь всем остальным ее формам. Истинность данного положения легко продемонстрировать на примере французской монархии, которая, начиная с 14-го века, сама того не ведая, подготавливала Революцию, уничтожившую, в свою очередь, и ее саму. В другом месте мы поясним это более подробно, в настоящий же момент ограничимся лишь простым упоминанием этого факта.

Если под словом "демократия" понимать полное самоуправление народа, правление народа над самим собой, в таком случае оно включает в себе абсолютную невозможность и не может иметь никакого реального смысла ни в наше время, ни когда бы то ни было еще. Не следует поддаваться гипнозу слов: представление о том, что одни и те же люди одновременно и в равной сте-

пени могут быть и управляющими и управляемыми, является чистейшим противоречием, поскольку, если использовать аристотелевские термины, одно и то же существо в одной и той же ситуации не может пребывать одновременно в состоянии "акта" и "потенции". Соотношение между управляющим и управляемым с необходимостью предполагает наличие именно двух полюсов: управляемые не могут существовать без управляющих, даже если эти последние незаконны и не имеют на власть никаких других оснований, кроме своих собственных претензий. Но вся искусная хитрость тех, кто в действительности контролируют современный мир, состоит в способности убедить народы, что они сами собой правят. И народы верят тем охотнее, что это для них весьма лестно, тем более что они просто не обладают достаточными интеллектуальными способностями, чтобы убедиться в совершенной невозможности такого положения дел как на практике, так и в теории. Для поддержания этой иллюзии было изобретено "всеобщее голосование": предполагается, что закон устанавливается мнением большинства, но при этом почему-то всегда упускается из виду, что это мнение крайне легко направить в определенное русло или вообще изменить. Этому мнению с помощью соответствующей системы внушений можно придать желаемую ориентацию. Мы не помним, кто впервые употребил выражение "фабрикация мнений", но оно удивительно точно характеризует данное положение вещей, хотя к этому следует добавить, что не всегда те, кто внешне контролируют ситуацию в обществе, располагают всеми необходимыми для этого средствами. Последнее замечание помогает понять, почему полная некомпетентность даже самых высоких политических деятелей не имеет все же решающего значения для состояния дел в обществе. Но поскольку мы не намереваемся здесь разоблачать систему действия того, что называют "механизмом власти", заметим лишь, что сама эта некомпетентность политиков лишь служит укреплению демократической иллюзии, о которой мы говорили выше. Более того, некомпетентность необходима таким политикам, чтобы подкрепить видимость своей изначальной причастности к большинству, чтобы доказать свое сходство с большинством, которое, будучи поставленным перед необходимостью высказать свое мнение по тому или иному вопросу, обязательно обнаружит свою полнейшую некомпетентность, так как большинство в своей массе с не-

обходимостью состоит из людей некомпетентных, в то время как люди, основывающие свое мнение на действительно глубоком знании предмета, всегда неизбежно окажутся в меньшинстве.

Итак, мы показали, что даже допущение возможности большинства самому устанавливать законы, является глубочайшим заблуждением. Даже если это допущение остается только теоретическим и не соответствует никакой реальности, все равно интересно исследовать, каким образом такое мнение смогло укорениться в современном мировоззрении, каким тенденциям оно соответствует и какие потребности (хотя бы по видимости) оно удовлетворяет. Принципиальная несостоятельность данного положения заключается в уже отмеченном нами аспекте: мнение большинства не может быть ни чем иным, кроме как выражением некомпетентности, независимо от того, является ли оно результатом недостатка умственных способностей или следствием простого невежества. Здесь можно привести в пример некоторые наблюдения относительно "массовой психологии" и особенно тот широко известный факт, что ментальные реакции, возникающие среди объединенных в толпу индивидуумов, проявляются в форме коллективного психоза, и их интеллектуальное качество соответствует не просто среднему интеллектуальному уровню индивидуумов, собравшихся в толпе, но уровню самых низменных и недалеких среди них. В несколько ином контексте следует заметить также, что некоторые современные философы пытаются ввести демократическую теорию в гносеологию и утверждают, что мнение большинства должно быть решающим и в самой интеллектуальной сфере. При этом "критерий истинности" они усматривают в так называемом "общественном договоре" или "универсальном консенсусе". Даже если предположить, что по какому-то вопросу все люди придут к определенному согласию, это еще отнюдь не означает, что такое согласие доказывает истинность чего бы то ни было. Более того, если подобное единство взглядов действительно наличествует (хотя это почти невероятно, поскольку, каким бы ни был конкретный вопрос, всегда найдутся люди, у которых вообще нет никакого мнения по этому поводу или которые просто никогда о нем не размышляли), истинность его невозможно проверить на практике, так что подтверждением и признаком его адекватности останется лишь само это согласие большинства, но большинства конкретного, то есть принадлежа-

щего к той или иной группе, с необходимостью ограниченной в пространстве и времени. В этой области отсутствие подлинного интеллектуального обоснования у подобных теорий представляется тем нагляднее, чем активнее задействованы здесь сентименты - ведь именно они играют столь важную роль во всем, что касается политической сферы. Влияние сентиментов, чувств является наибольшим препятствием для понимания определенных вещей, которые при иных обстоятельствах без труда могли бы быть адекватно поняты теми, кто обладает для этого достаточными интеллектуальными качествами. Эмоциональные импульсы мешают мысли, и использование этого обстоятельства является обычной хитростью всех политических манипуляций.

Но давайте посмотрим еще глубже: что составляет сущность закона о большинстве, который проповедуется современными правительствами, и в котором эти правительства видят оправдание своей власти? Это закон материи и грубой силы, закон, тождественный физическому закону, согласно которому масса, увлекаемая своим весом, давит на все то, что находится у нее на пути. Здесь мы и обнаруживаем точку соприкосновения между демократической концепцией и материализмом, и именно в этом следует искать причины тому, что данная концепция так укоренилась в современном мышлении. Благодаря ей полностью переворачивается нормальный порядок вещей и устанавливается приоритет множественности, который на самом деле существует только в материальном мире. В духовном же мире, и более обобщенно, в универсальном порядке во главе иерархии стоит Единство, поскольку именно Единство, Единица есть изначальный принцип, из которого происходит в дальнейшем всякая множественность. Как только этот принцип Единства теряется из виду или отрицается, остается лишь чистая множественность, которая строго тождественна материи. Более того, говоря несколько выше о законе массы и о весе, мы употребили понятие "веса" не только в качестве простого примера для сравнения. Дело в том, что в области физических сил, в самом обычном понимании этого слова, вес означает стремление к падению и тенденцию сжатия, предполагающих все возрастающую ограниченность существа и одновременно постоянно увеличивающуюся множественность, представленную в данном случае увеличивающейся плотностью. Именно эта тенденция определила форму человеческой активно-

сти с самого начала современной эпохи. И следует заметить, что благодаря своей способности к одновременному разделению и ограничению материя была названа схоластической философией "принципом индивидуации". Это помогает связать воедино предмет нашего настоящего анализа, и все, сказанное выше относительно индивидуализма: демократическая эгалитарная тенденция тождественна тенденции "индивидуализации", которая в иудео-христианской традиции именуется "грехопадением", нарушившим изначальное единство. Множественность, рассматриваемая отдельно от своего принципа, истока и поэтому не могущая более быть приведенной к единству, в социальной области проявляется в представлении об общности, понимаемой лишь как арифметическая совокупность составляющих ее индивидуумов. И на самом деле подобная общность не может являться ни чем иным, так как она не связана в этом случае ни с каким принципом, превосходящим индивидуальный уровень. Законом подобной общности может служить лишь закон большинства, закон большого количества, и на этом, собственно, и основана демократическая идея.

Здесь следует заранее предупредить о возможности неадекватного понимания изложенных нами положений: когда мы говорили о современном индивидуализме, мы разбирали почти исключительно его проявления в интеллектуальной сфере, и кое у кого могло поэтому сложиться впечатление, что в социальной сфере дела обстоят несколько иначе. На самом деле, если брать термин "индивидуализм" в его узком понимании, может возникнуть иллюзия, что индивидууму может быть противопоставлена общность, и что прогрессирующее вторжение государства во все сферы жизни, параллельно с разрастанием социальных институтов, является признаком тенденции, направленной против индивидуализма. Однако это не соответствует действительности в том случае, если общность представляет собой простую математическую совокупность индивидуумов, и как таковая не может быть противопоставлена им. Равно и государство в современном его понимании есть не что иное, как простое представительство масс, не отражающее более никакого высшего принципа. При этом следует напомнить, что сам индивидуализм в нашем определении как раз и является отрицанием всякого высшего и сверхиндивидуального принципа. Поэтому, если и возникают конфликты между различными социальными тенденциями, кореня-

щимися в сугубо современном мировоззрении, они являются конфликтами не между индивидуализмом и чем-то отличным от него, но между различными формами одного и того же индивидуализма, под какой бы личиной он ни выступал. И нетрудно заметить, что подобные конфликты никогда еще не были столь частыми и серьезными, как сегодня, благодаря отсутствию всякого принципа, способного объединить множественность, а также и потому, что сам индивидуализм уже изначально предполагает разделение. Это разделение и проистекающий из него хаос являются неизбежными следствиями всецело материальной цивилизации, так как сама материя есть истинный источник всякого разделения и множественности.

И наконец остается рассмотреть последнее следствие демократической концепции, состоящее в отрицании идеи элиты. Не случайно "демократия" противопоставляется "аристократии", поскольку этимологически слово "аристократия" означает "власть лучших", "власть элиты". Элита в своем изначальном смысле может представлять собой только меньшинство, и ее сила, а точнее, ее авторитет, основывающийся на ее интеллектуальном превосходстве, не имеет ничего общего с силой количества, на которой основывается демократия, в соответствии со своей собственной логикой настаивающая на принесении меньшинства в жертву большинству, а значит, качества в жертву количеству и элиты в жертву массам. Поэтому направляющее воздействие подлинной элиты и даже сам простой факт ее существования - естественно, она может выполнять свои функции при условии, что она действительно существует, - в принципе не совместимы с демократией, основывающейся на эгалитарных концепциях, а значит, на отрицании всякой иерархии (ведь в самом своем основании демократическая идея исходит из предположения, что любого индивидуума вполне можно заменить другим индивидуумом, так как все они математически тождественны, хотя на этом математическом тождестве все сходство и заканчивается). Подлинная элита может быть только интеллектуальной элитой. Поэтому и современная демократия может возникнуть только там, где подлинной интеллектуальности более не существует, что и имеет место в случае современного мира. Однако никакого равенства на деле не существует, и несмотря на все попытки свести всех к единому уровню, различия между людьми никогда до кон-

ца не исчезают. Это заставляет (вопреки самой логике демократии) изобретать различные ложные или псевдоиерархии, высшие уровни которых зачастую претендуют на то, чтобы считаться единственной подлинной элитой. И эти ложные иерархии строятся всегда на относительных и условных основаниях чисто материального характера. В качестве единственного социального различия современные общества признают лишь различие в материальном положении, то есть параметр чисто материальный и количественный, и это является единственной формой неравенства, допускаемой демократическими режимами, материальными и количественными в самой своей основе. И даже те, кто выступают против такого положения дел, неспособны предложить никакого действенного средства для исправления существующей аномалии, из-за отсутствия обращения к принципам высшего порядка подчас даже усугубляя в негативном ключе актуальную ситуацию. И здесь борьба разворачивается между различными аспектами демократии, в большей или меньшей степени акцентирующими эгалитарную тенденцию, точно так же, как в другом случае речь шла о борьбе между различными аспектами индивидуализма. Фактически демократизм и индивидуализм в конце концов совпадают.

Все эти соображения позволяют ясно понять сущность социальной ситуации в современном мире, и вместе с тем показывают единственно возможный выход из хаоса в социальной сфере, равно как и во всех остальных: этим выходом является восстановление подлинной интеллектуальности, которая должна привести к очередному формированию новой истинной элиты. В настоящее время такой элиты на Западе не существует, так как этот термин нельзя применять к тем разрозненным и изолированным друг от друга элементам, которые несут в себе лишь потенции истинно духовного порядка. Эти элементы чаще всего представляют собой лишь тенденции, стремление к восстановлению нормы, и уже одно это заставляет их противодействовать современному миру. Но будучи только потенциями, они не могут влиять на положение дел хоть сколько-нибудь эффективно и серьезно. Всем им недостает истинного знания доктрин традиции, которые невозможно воссоздать путем простой импровизации, исходя только из чистой автономной интеллектуальной логики, способной, особенно в актуальных, крайне неблагоприятных для этого

обстоятельствах, возместить недостаток знания весьма фрагментарно и неполно. В конечном итоге, мы имеем дело лишь с разрозненными усилиями, которые часто оказываются дезориентированными из-за недостатка знаний принципов и отсутствия руководства, в нормальном случае осуществляющегося посредством традиционных доктрин. Можно было бы утверждать, что свойственная современному миру дисперсия, разрозненность, распространяющаяся даже на его заклятых врагов, есть способ самосохранения этого мира. Это положение дел неизбежно сохранится до тех пор, пока противодействие современному миру протекает лишь в сугубо "профанической" сфере, которая, будучи естественной и единственно приемлемой для духа современности территорий, всегда предоставляет этому духу исключительные преимущества. И сам тот факт, что враги современного мира все же предпочитают оставаться в рамках именно этой области, свидетельствует, что влияние самого этого мира затрагивает и их самих. Вот почему, многие люди, чьи благие намерения не подлежат никакому сомнению, не способны понять, что начинать надо только с первопринципов, и они продолжают растрачивать свою энергию в той или иной относительной, частной сфере (социальной или какой-то иной), где по определению в актуальных условиях невозможно добиться ничего подлинного или долговечного. У истинной элиты, если бы таковая существовала, не было бы необходимости прямо вмешиваться в подобные частные сферы или участвовать в каких-либо внешних действиях. Она управляла бы ходом вещей так, что большинство людей просто не знало бы об этом, и она была бы тем более эффективной, чем более невидимой. Достаточно вспомнить все, сказанное выше о силе внушения, которая для того, чтобы быть эффективной, отнюдь не требует никакой истинной интеллектуальности. И этот пример поможет нам представить, какой могущественной должна быть сила влияния истинной интеллектуальной элиты, действующей еще более невидимо и тайно в гармонии со своей внутренней природой, укорененной в чистой интеллектуальности и чистой духовности. И вместо того, чтобы ослаблять эту интеллектуальную силу противостоящей современному миру элиты, разделяя ее под влиянием законов множественности и вовлекая ее в сферу иллюзий и лжи, следовало бы, напротив, позволить ей

сконцентрироваться на единстве принципа, и тогда она рано или поздно должна была бы отождествиться с силой самой истины.

Алексей Лапшин

Свобода и демократия

Понятие «демократия» неотделимо от власти. Демократия – власть демоса. Для большинства это всего лишь хрестоматийное определение из словарей и учебников. В массовом сознании демократия, прежде всего, ассоциируется с некой утилитарно понимаемой свободой. Свободно голосуем, пересекаем границы, отстаиваем свои права, делаем деньги или становимся хиппи, читаем, говорим, пишем... Все эти свободы (реальные и мнимые) в представлении масс и составляют суть демократии. Важнейший вопрос о власти сводится к процедуре «независимого волеизъявления» - так называемым выборам. В соответствии с идеологией представительской демократии общество на время делегирует полномочия управления своим избранникам. Представители власти понимаются как наёмные работники, задача которых обеспечивать комфорт и безопасность населения.

Отсутствие экзистенциального, тем более, метафизического измерения власти в теории представительской (либеральной) демократии – очевидно. В реальности управление демократическими обществами осуществляется, конечно, не так профанически, как описывается апологетами либерализма. Но этой темы мы ещё коснёмся. Пока же поговорим о самой сути взаимоотношений между свободой и властью. Существует ли онтологическое противоречие между этими понятиями или же они тождественны друг другу?

Фундаментальные особенности человека, данные ему от рождения, – свобода и беззащитность. «Я» - свободно бросить вызов предопределённости окружающего мира, но беззащитно перед закономерностью смерти. Хронос с серпом в руке – древний языческий символ тщетности усилий перед неумолимым временем. И всё же герои рода человеческого не смиряются с фатумом. Это неистребимое стремление к свободе одновременно является и проявлением воли к власти. Очевидно, в человеческом виде

заложено стремление подчинить онтологический уровень своим проектам. Неснимаемое противоречие материального мира состоит в том, что человек способен достичь очень высокой степени свободы, но никогда не сможет обладать подлинной властью. Истинным держателем бытия может быть только внеонтологический субъект, которым человек по определению не является. Максимальная же свобода достигается разжиганием в себе искры этого внеонтологического субъекта, искры Божьей.

Данное противоречие - едва ли не главная причина конфликтности человеческой истории. Носители материальной власти закономерно пытаются ограничить пространство неподконтрольной им свободы, а по возможности, и сократить его до минимума. Сейчас мы видим, как наступление осуществляется уже в масштабе глобального проекта.

Основополагающее свойство свободы – способность «я» отделять себя от внешнего мира, быть обособленным. Именно эта способность к различению является наибольшим раздражителем для «хозяев дискурса». Власть готова делать уступки на социально-правовом поле, но при условии, что личность не будет мыслить себя вне пределов системы. Социальное для власти вторично по сравнению с экзистенциальным. Главное для неё получить контроль над внутренним «я» человека. Только тогда проект можно будет считать по-настоящему завершённым.

Чтобы сделать процесс внешне безболезненным, система выхолащивала понятие свободы, включая его в некие формальные юридические рамки. В массовое сознание внедрялось представление о свободе, как о чисто внешнем состоянии, поддержание которого зависит от социального строя. То есть, если формально зафиксированные права соблюдаются, значит, общество можно считать справедливым. Требующие большего объявляются радикалами или фриками. Вопрос о внеонтологической направленности свободы для человеческой массы вообще закрывается. Он слишком взрывоопасен для элиты.

Свобода... О её смысле столетиями размышляли философы, за неё сражались и погибали поколения. Много действительно стоящих идей было высказано, и много крови пролито. Тем печальнее нынешнее состояние общества. Людям навязано самое упрощённое, наиболее приземлённое понимание свободы. Окажется, свобода - это всего лишь возможность удовлетворять

свои запросы (если они не противоречат интересам других), оставаясь при этом в безопасности. Примерно так можно сформулировать доминирующую сегодня либеральную доктрину.

Человек с ограниченным до такой степени пониманием свободы не в состоянии всерьёз поставить вопрос о власти. Его восприятие социальной реальности чрезвычайно плоско и, по сути, рефлекторно. Актёры политической сцены в либерально-демократических обществах также не возвышаются над стандартным уровнем социального коллектива. Консерваторы, либералы, левые – все их реакции на те или иные события элементарно предсказуемы. Несмотря на идеологические противоречия, настоящий конфликт между ними невозможен, поскольку все они являются частью одного пазла. Особого значения политическим актёрам придавать не стоит, так как они и в самом деле, за редким исключением, взаимозаменяемые фигуры. Ловушка системы в том, что внешнее многообразие создаёт иллюзию присутствия альтернативы. В действительности же современные демократические выборы каждый раз подтверждают существующий статус-кво.

Подлинные элитарии системы напоминают анонимных тиранов на планете Эдем из романа Лема. Все эти скрытые от широкой публики директора международных банков, транснациональных корпораций, представители закрытых клубов и советов, безусловно, пытаются управлять ходом истории. Цель элиты – безграничная свобода и власть над онтологическим уровнем. Но не является ли сама элита частью пазла? Вызов ей, несомненно, возможен. И начинается он с осознания внеонтологической природы свободы.

персонажи

Андрей Король

Между скукой и усталостью. О детстве

Дети – те же взрослые, только хуже. Среди людей принято считать, что детство – лучшая пора жизни. Мое детство было тяжелым. Я не могу назвать его кошмарным, но оно не было безоблачным. Будучи ребенком, я замечал, насколько ужасен мир. В тот период моей жизни я считал, что весь свет заполнен насилием и злобой. С тех пор мое мнение не изменилось. Я был добрым ребенком, то есть слабым и трусливым. Я ко всему относился с любовью, к людям тоже, правда замечал, что все они эгоистичны, алчны и жестоки. Я старался не конфликтовать со сверстниками, потому что боялся драк с ними. Они не отличались от других детей: были безмозглыми грязными зверятами.

Я любил игры. Из-за того, что мои ровесники отличались крайней жесткостью и подлостью, я общался с детьми младше меня. Они были наивными и кроткими. Мне нравилось их контролировать, я с удовольствием помыкал ими. Я почти не позволял себе издеваться над ними. Ни разу никого не ударил. Малыши обожали играть со мной. Я выдумывал фантастические миры и развлекал их. Мне было приятно видеть восторженные лица. Спустя годы, когда я был подростком и уже с презрением относился к детским играм, мне пришлось столкнуться с агрессией маленьких детей. Следовало их жестоко избить. Я выбрал другой путь: стал рассказывать зверьям невероятные истории. Они жадно слушали. Когда я им сказал, что мне пора уходить, то они заверещали: «Останься! Расскажи еще что-нибудь!» Передо мной были дети, в жизни которых не хватало взрослого внимания и нежности. Мне было жалко их. Сейчас, конечно, я бы не стал церемониться с мелким зверьем. С наслаждением надрал бы их маленькие ушки. Вряд ли после такой экзекуции дети стали бы добрее, зато я бы получил большое удовольствие. Никогда наказание не служило для того, чтобы исправить кого-то. Оно существует лишь затем, чтобы каратель был удовлетворен страданием нака-

зуемого. Люди любят причинять друг другу боль. Это очень приятное занятие. Лучше его только насилие над теми, кто слабее и не способен в ответ дать сдачи. Поэтому люди стараются обзавестись потомством. Правильнее было бы сказать, что в первую очередь детей хотят женщины. Они слабы и навредить способны лишь самым слабым: животным и детям. Мужчины же вынуждены признать, что потомство им тоже нужно. Иначе они потеряют возможность и дальше пользоваться сексуальными услугами своих партнерш. К тому же многие из них - обыкновенные рохли, не имеющего собственного мнения. Они соглашаются с тем, что детей стоит завести, не имея силы возразить своим самкам. Редко кто из них может признаться себе в том, что не видит в детях ничего хорошего. Ребенок постоянно испражняется и орет. Он неприятен на вид и потребляет много ресурсов, не давая ничего взамен. Женщины возражают: «Дети дарят нам тепло и радость!» Так можно сказать про полезный и дешевый обогреватель, но не о детях. Не приходится удивляться, что многие из баб смотрят на потомство, как на инвестиции в свое сытое будущее. Если ребенок достигает каких-либо успехов в жизни и приносит прибыль своей матери, то она счастлива. Некоторые дети не могут отдать вложенный в них капитал, тогда их ждут мамкины проклятия и угрозы.

Человечество плодится и загаживает собой всю планету. Оно уничтожает огромное количество ресурсов. Большая часть людей совершенно не нужна ни природе, ни мне. Всех этих нищих и грязных тварей следует употребить с большой пользой. Ими можно удобрить поля, из них получится отличное душистое мыло или питательный корм для домашних животных. Это, конечно, далеко не полный перечень того, как стоит употреблять обычного человека в хозяйстве. Звучит довольно утопично. Лучшие из людей пытались осуществить нечто подобное, но им помешали. Так случается с любыми хорошими начинаниями — человечество их не понимает и старается остановить.

Люди напоминают довольных животных, когда видят, как из потных чресел выползают их склизкие уменьшенные копии. Когда я вижу человека, то хочу его ударить ногой, а встречая дитя, именно так и делаю.

В детстве я не мог позволить себе такую роскошь, как физическое насилие. Вместо этого я много читал. В основном эта была

фантастическая литература. Это было не единственным моим развлечением. Зимой вместе с другими детьми лепил ледяные замки. Мы остервенело закидывали друг друга снежками (делали их как можно тверже). Некоторые боялись участвовать в зимних войнах, но им тоже доставалась своя порция снежных ударов. Обычно после таких битв домой приходил мокрым, замерзшим и счастливым.

Как только наступала весна, и появлялись первые бабочки и жуки, я начинал на них охоту. Меня завораживал их фантастический вид и сверхъестественная красота. Они словно были жителями иного мира. Из всех живых существ только насекомые могут заслужить мое восхищение и уважение. Конечно, среди них есть неприятные виды, которые напоминают своими повадками нас. К примеру, большая часть людей считает не нужным иметь свое мнение, стараясь не выделяться из своего окружения. Многие насекомые поступают так же. Их понять-то не сложно: они маленькие, каждый хищник норовит обидеть букашку. Они прячутся от угрозы как могут: становятся похожими на ветки, камушки, листочки. Когда я вижу, как насекомые имитируют любую вещь, поверхность, даже животных, то допускаю, что они способны сымитировать многих из нас (если уже так не сделали), ведь, чтобы стать человеком, делать многое не надо. Главное уметь слиться со средой обитания.

Пойманных насекомых я высушивал в закрытых спичечных коробках или стеклянных банках. Если пауков и жуков было довольно просто найти и поймать, то с бабочками все было иначе. Я с сачком бегал по звенящим от зноя лугам за перламутренницами, лимонницами и капустницами. Этих бабочек было довольно много. Я же хотел изловить ярко-желтого махаона. Он редко появлялся и быстро исчезал. Я так ни разу его и не поймал.

Иногда летом я забывал о развлечениях и собирал пустые бутылки, сдавал их, а полученные деньги тратил на игрушки или отдавал семье.

Дети не могут долго сидеть на месте. Они шныряют туда-сюда, словно муравьи. В отличие от этих насекомых им нет нужды искать себе пищу. Детвора любит бесцельно шататься. Я часто уходил далеко от дома за новыми впечатлениями. Мог бродить часами по чужим улицам и районам. Я почти не уставал. У детей много энергии, не зря детский труд такой прибыльный. Они иде-

альные рабы: безвольны, слабы и тупы. В хозяйстве они лучше любой скотины, поэтому люди и рожают их.

Ребенок агрессивно относится к любым запретам. Ему нравится преступать их. Он не знает, что такое преступление, но боится наказания. Я часто воровал с чужих огородов овощи. Меня и других ребят гоняла бабка Нина, злобная пожилая усатая жена со стеклянным глазом и волевым подбородком. Ее жесткий характер позволял ей одолевать любые жизненные трудности. Она смогла завладеть новым местом (за которое билось несколько семей) для огорода.

Когда ученые говорят, что человек произошел от обезьяны, то они, скорее всего, наблюдали за поведением своих детей. Они обожают лазать по деревьям и делают это не хуже любой макаки. Я любил взбираться по скользким стволам на ветки, богатые фруктами и ягодами, мог есть целыми днями хрустящие зеленые яблоки, сочные сахарные груши, кисло-сладкие вишню и черешню. Порой я карабкался на верхушки деревьев для того, чтобы почувствовать опасность. Время от времени устраивал там игры с малышкой.

Маленьким людям всегда нужен образ врага. Он объединяет их в монолитную массу. Слабый и трусливый становится храбрее и смелее. Вместе с мальчишками моего двора я участвовал в стычках против пацанов из соседнего дома. Мы кидали в них крупные камни, стеклянные бутылки и острые палки. Они отвечали тем же. Стоило нашим запасам истощиться, как мы давали деру. Наши противники бежали за нами, но мы были шустрее и прятались в своих квартирах. Меня удивляет тот факт, что никто в этих столкновениях не пострадал.

Я любил рыться на помойках в поисках причудливых вещей. Такими для меня являлись: сломанная техника, бытовые приборы, старые игрушки и тому подобный бесполезный хлам. Возможно, что я высматривал труп среди этого мусора, поскольку я видел перед собой смерть вещей. Они когда-то защищали человека от остального мира, а теперь закончили свои дни на свалке. С людьми происходит тоже самое, но вокруг их смерти зачем-то устраивают ханжеские ритуалы.

Самым ярким эпизодом моих поисков был случай со стеклянной капсулой. Она была довольно большой, а внутри блестел серый порошок. Я расколол капсулу и вдохнул содержимое. У

меня сильно заболел нос, и из него потекла красная жижа. Позже выяснилось, что это была марганцовка. Среди других моих идиотских поступков следует выделить забеги с другими детьми. Мы скакали как лошади, стремясь обогнать друг друга. Не редко разбивали ноги и руки в кровь. Чаще всего я обгонял остальных. Я был сильно рад этому.

Мальчишки любят проверять друг друга на смелость. Если ты слаб, то достоин презрения. Тебя будут постоянно унижать и бить. Поэтому мало кто отказывался от участия в опасных забавах. Если кто-то из мальчишек находил осиное гнездо, то мы шли его разорять. У нас были палки и булыжники. Самые смелые сбивали осинники и быстро удирали. Очень важно было убежать как можно скорее, иначе осы могли жестоко наказать за разрушение их жилища. Не всем этого удавалось избежать. Мой друг оказался мишенью для ос. Он весь был в белых волдырях от укусов рассерженных насекомых. Дело было летом, поэтому они забирались под майку и шорты. На зареванное и обезображенное лицо моего друга нельзя было смотреть без ужаса. Но это не отменяло и того, как все-таки было приятно наблюдать за страданиями того, кто оказался не таким удачливым и ловким, как ты сам. Чтобы повторить это прекрасное чувство, я отправлялся к осиным гнездам с малышами. Они бегали не так быстро, как мои ровесники и не ведали, как это больно, когда десятки ос жалят тебя. Если бы они знали о той боли, которая ждала их, то ни за что не пошли со мной разорять осинники. Я знал, что мелюзга будет искусана, и чувствовал, что поступаю подло, но ничего поделать с собой не мог. Нам приятны чужие страдания. Еще приятнее быть их источником. Я не мог причинить зло тем, кто был сильнее меня, также у меня не хватало духу действовать прямо, не прибегая к хитростям. Именно поэтому я приводил мелких к гнездам ос. Они не могли понять моих намерений и если бы даже поняли, то ничего сделать мне бы не смогли: я был старше и сильнее. Родители, конечно, злились, видя искусанных и плачущих детей, но ничего сделать мне не могли. Ведь я никого не тащил волоком.

Пришел день, и уже никто не хотел идти со мной уничтожать ос (многих хорошо покусали). Мне пришлось позвать мальчишку, которого все ненавидели. У него были проблемы с головой. Он не умел считать до десяти. Его любимым героем был Гитлер. Иногда с ним пытались заговорить, он рычал, брызгал слюной и

выплевывал из себя: «Хайль, Гитлар!». На всех его тетрадях были нарисованы свастики. Еще у него текли густые зеленые сопли. Он их вытирал грязными руками. От него воняло несвежим мясом. Но его мать была от сына в восторге. Из-за любви к Гитлеру с ним никто не дружил. Мне же было интересно наблюдать за этим дебилом. Звал его Рустам. С ним невозможно было ни о чем говорить. Он мог лишь приветствовать фюрера. Я не знаю, откуда у него взялась такая страсть к Гитлеру. Рустам любил играть в солдатики, изображая битвы, где фашисты побеждали. Многие ему пытались объяснить, что фашизм – это плохо. Но что объяснишь маленькому азиату с рожей кретина, пускавшего пузыри слюны и соплей и яростно кричавшего: «Хайль, Гитлер!»? Он вызывал у меня смешанные чувства: презрение, жалость и ненависть. Я решил привести Рустама к картонной коробке, где среди мусора лежали арбузные корки. На них сидели мухи и осы. Я сказал Рустаму помочиться на них. Он с восторгом это сделал. С какой же радостью я наблюдал за тем, как его жалили осы. Он стоял на месте и верещал. Дебил даже не понял, что надо бежать. Его сопливые вопли веселили меня. Еще больше обрадовало, что мать Рустама жестоко избивала его. Меня никто не наказал.

Рустам не был единственным идиотом в том доме, где я жил. Их было много, но самой замечательной была Ирка. Страшная немолодая женщина. Ее умственное развитие остановилось на уровне подростка. Она получала за это пенсию по инвалидности. Ирка любила целый день сидеть на лавочке, постелив для своего толстого зада газетку. Она могла общаться лишь с детьми. Они зло шутили над ней: дергали за волосы, обзывались и плевались. Она пыталась догнать обидчиков, но у нее это не получалось, поэтому она истошно визжала. Ее дикий визг вызывал гнев у всех моих соседей, а у детей довольный смех. Когда над Ирккой не измывались, то она показывала нам фотографии голых женщин. Они были вырезаны из бульварной газетенки. У Ирки была большая коллекция этих фотографий, и свою страсть она объясняла тем, что собирает их для своего мужа. Он должен был убедиться в том, что она уже взрослая и все знает о сексе. Нам, детям, это было непонятно, но мы ржали над голыми гениталиями и грудями. Ирку часто бил отец. Весь дом считал, что он жестокий самодур. Я думаю иначе: как можно сдерживать себя и не избить беззащитного и слабого человека? А если он еще и умственный

инвалид, раздражающий своей тупостью, то насилие неизбежно. В конце концов, это так здорово! А Ирка к тому же всегда излучала любовь к другим людям. Ее уродливое пучеглазое рыло вечно лыбилося. Без сомнения, этому способствовало домашнее насилие: зачастую жертва получает не меньшее удовольствие, чем сам насильник.

Дети злее взрослых. Они видят, что взрослые сильнее, умнее и гораздо свободнее в своих желаниях, и завидуют этому. Отсюда детская ненависть к более бесправным и слабым существам, чем они сами: инвалидам, другим детям, животным и бомжам. Мы любили издеваться над бомжами, благо их хватало. У этих попрошаек был кроткий нрав. Некоторые из нас приносили им воды и еды. Как-то раз я этим воспользовался. Грязный жизнерадостный бомж попросил у меня попить. Я решил пописать в пластиковую бутылку, а сделал это в густой траве, чтобы он не видел меня, и отдал ему пузырь со своей мочой. С каким наслаждением он пил желтую жидкость, и как над ним смеялась детвора. Мне стало совестно. Наверное, я испугался, что бомж может накинуться на меня и избить. Некоторые из бездомных нас ненавидели. Они брали бутылки и камни и гонялись за нами. Но догнать бомжи никого не могли. У них не было здоровья и сил для этого. Я уверен, что, если бы была возможность убить бича, то мы воспользовались бы этим. Забили бы палками и закидали камнями. Мы бы хорошо провели время!

В детстве я столкнулся с голодом. Это были тяжелые времена для моей семьи. Я не помню точно, сколько это длилось (возможно, что и несколько лет), но даже день голода — это вечность. Когда появлялся хлеб, то я подолгу сосал его корки, чтобы продлить удовольствие. Во время голода я старался забыться во сне. Иногда я смотрел телевизор, где все насыщали свои желудки. Голодный мечтает набить свое пустое брюхо. Больше его ничего не волнует.

Детство состоит не только из времени и людей, но и включает в себя определенное пространство. Недалеко от моего дома находился парк, поделенный на несколько зон. В одной была роща, в другой — старые аттракционы, а в третьей — загаженные деревянные домики. В роще было много деревьев, на которые я часто лазал. Так же там было множество арыков с водой, по ним пускали самодельные кораблики из пенопласта, и два небольших

поля, где мы играли в футбол. Атракционы работали редко, и я их почти не посещал, к тому же для этого нужны были деньги, которых у меня не было. Зато часто проводил время среди деревянных домиков. Они были просто невероятно изгажены. В каждом десятки куч человеческого и собачьего дерьма. От них жутко воняло. Среди киселя разноцветного поноса, то и дело попадались использованные презервативы и шприцы. В домиках мы играли редко: туда приходили для оправления большой и малой нужды.

Моя жизнь все дальше уходит во тьму между скукой и усталостью. С течением времени я все больше забываю о том времени, когда был ребенком. Воспоминания путаются и бледнеют, а люди, вещи и места исчезают. Детство становится похожим на навяждение, от которого спасет только время.

Содержание номера

Вступление	4
<u>микро</u>	
Нарезка avisual	6
<u>проза</u>	
Валерия Кабис. У Слонов Большие Уши	11
Станислав Курашев. Бойня в мексиканском магазине игрушек	26
Маргарита Кривченко. Актеры	33
Вадим Климов. Шум и нерешительность	38
<u>мертвый текст</u>	
Бертран Блие. Холодные закуски. Киносценарий	57
Шарлотта Бурилли. Новая жизнь галерейщика	114
<u>архив</u>	
Антонен Арто. Покончить с шедеврами	139
<u>polaroid</u>	
Вадим Климов. 15 историко-философских замечаний	149
Некоторые статьи Конституции РФ	159
<u>extremum</u>	
Рене Генон. Социальный хаос	163
Алексей Лапшин. Свобода и демократия	176
<u>персонажи</u>	
Андрей Король. Между скукой и усталостью. О детстве	179

**Журнал "Опустошитель" и книги одноименного
издательства можно приобрести в следующих магазинах.**

В Москве:

Фаланстер | Малый Гнезниковский пер., 12/27
Циолковский | Новая площадь, 3/4 , подъезд 7д
Гиля | Тверской бульвар, 9
Проект ОГИ | Потаповский пер., д. 8/12, стр. 2
Набоков & Со | Большой Толмачёвский пер., д. 3, стр. 2, пом. 3
Гиперион | Рабочая улица, 38, второй этаж

В Санкт-Петербурге:

Все свободны | Набережная реки Мойки, 28
Порядок слов | Набережная Реки Фонтанки, 15
Арт-клуб "Книги и кофе" | Набережная Макарова, 10/1
Книжный окоп | Тучков переулок, 11/5
Арт Центр Борей | Литейный проспект, 58
Борхес | Невский проспект, 32-34

В Перми:

Пиотровский | Улица Луначарского, 51а

В Лондоне:

Русский мир | 23 Goodge Street

В Париже:

Глоб | 67, boulevard Beaumarchais

В интернет-магазинах:

Ozon.ru
LibroRoom.ru

Все издания можно также заказать в редакции на сайте pustoshit.com.